КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

Январь.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 24-го декабря 1886 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1887 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. V. ХУДОЖНИКЪ. . . . . 1.

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ Г. ВЛАДИМІРѢ-ВОЛЫНСКОМЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ.—**Е. Дверницкаго.** . . . . . 36.

III. РАЗСКАЗЪ СОВРЕМЕННИКА О ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ СЪ НИМЪ ВО ВРЕМЯ «КОЛИВІЩИНЫ», *съ предисловіемъ* **Ѳ. Рыльскаго** . . . . . 51.

IV. ТУРЪ ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.—**Н. Ѳ. Сумцова.** . 65.

V. НЕИЗДАННЫЙ РАЗСКАЗЪ Г. Ѳ. КВИТКИ (Основьяненка). 91.

VI. СУДЬБА КРАСАВИЦЫ (Софія Главони - Витте - Потоцкая). —*Разсказъ д-ра* **Антонія I.** . . . . . 99.

VII. ИНСТРУКЦІЯ ГЕТМАНА ДАНИЛА АПОСТОЛА МАЛОРОССІЙСКИМЪ СУДАМЪ.—Сообщ. **А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій.** 139.

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по екатеринославской губерніи. Томъ II. Бахмутскій уѣздъ. Екатеринославъ. 1886 годъ.*—б) Кустарные промыслы въ курской губерніи, сост. Н. А. Добротворскимъ. Курскъ. 1886 г.—в) Крачунъ-Корочунъ Шухардта (Archiv für slavische Philologie. 1886 г.—*Н. С.*—г) Степь. Херсонскій беллетристычный збирныкъ. 1886.—*В. Я.* . . . . . 162.

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Картина В. Е. Маковскаго «Мать и Дочь»,—*Н. С.*—б) Къ біографіи Г. И. Теплова.—*А. Барсукова.*—в) Рѣчь малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Репнина къ дворянству черниговской и полтавской губерній.—Сообщ. *А. С. Лашкевичъ.*—г) Бракоразводный казусъ конца XVI. ст.—Сообщ. *А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій.*—д) Празднованіе понедѣльника въ Малороссіи.—*В. Василенка.*—е) Коляды и щедривки.—ж) Къ портрету гетмана И. С. Мазепы. . . . . 197.

X. ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ гетмана И. С. Мазепы (*снимокъ съ современнаго стѣннаго изображенія въ великой церкви кіево-печерской лавры, съ факсимиле Мазепы*).

XI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину" 1887 года. Цѣна годовому изданію съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины", Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1886 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изд. 1882 г.

Четыре тома, въ больш. 8°, до 160 печатныхъ листовъ, болѣе 2500 стр.

Главнѣйшія статьи и матеріалы:

Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст., проф. *В. Б. Антоновича.* Паны Ходыки, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI и XVII ст., *его же.* Уманскій сотникъ Ив. Гонта, *его-же.* Дневникъ Освѣцима, переводъ съ польскаго, *его же.* Поѣздка въ Бѣлую Церковь, *Н. И. Костомарова.* Матеріалы для исторіи Коліивщины, *его-же.* Матеріалы для біографіи Шевченка, *Н. М. Бѣлозерскаго.* Люди Старой Малороссіи (Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе, Свѣчки), *А. М. Лазаревскаго.* Сулиминскій фамильный архивъ. *его-же.* Украинская деревня половины настоящаго ст., *Е. М. Крыжановскаго.* Малорусскій вертепъ (съ нотами и рисункомъ вертепнаго ящика), съ предисловіемъ *Г. П. Галагана.* Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія въ харьковской губ., *А. Л. Шиманова.* Старинный южно-русскій театръ, проф. *Н. И. Петрова.* Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей (литерат. памятникъ XVIII ст.), *его-же.* Забытыя иноческія обители (монастыри холмскій и замостьскій), *его-же.* Кіевское представительство прежняго времени, *N.* Князья Ружинскіе, *И. П. Новицкаго.* Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, проф. *Ф. А. Терновскаго.* Альбомъ М. А. Максимовича, *С. И. Пономарева.* Южнорусскіе архіереи XVI и XVII в., *О. И. Левицкаго.* Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси, *его-же.* Къ исторіи крестьянскихъ волненій 1855 года въ кіевской губерніи: а) Посмертный разсказъ свящ. *А. Ковальскаго,* б) Изъ воспоминаній потерпѣвшаго, прот. *В. Сикорскаго.* Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова, *N.* Почаевская Успенская Лавра, кн. *Н. С. Голицына.* Образцы обличительной литературы Малороссіи, *П. С. Ефименка.* Ссыльные малороссіяне въ Архангельской губ. (1708—1802), *его-же.* Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши послѣ ея раздѣла, *Е. К.* Поляки и Русины (къ исторіи ихъ отношеній), *Л. Мацѣевича.* Архіерейскія печали, *К. Березы.* Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ, *И. И. Житецкаго.* Внутренніе распорядки Запорожья, *А. А. Скальковскаго.* Умань и Софіевка, *А. Смоктія.* Переписка гр. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 г.—Кромѣ того до 50 отзывовъ о вновь выходящихъ книгахъ по южнорусской исторіи и болѣе 100 разныхъ разсказовъ и замѣтокъ. Приложены портреты: Богдана Хмельницкаго, Гонты, Саввы Туптала и Петра Могилы и видъ Кіевск. Академіи и ея студентовъ 1697—1702 г.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изд. 1883 г.

Три большихъ тома, 160 печатныхъ листовъ, 2566 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы:

П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность, *Н. И. Костомарова*. Жидотрепаніе въ началѣ XVIII в. (хроника), *его-же*. Серапіонъ, митрополитъ кіевскій, проф. *Ф. Терновскаго*. Фрески кіево-кирилловской церкви XII в., проф. *А. В. Прахова*. Замѣтки объ украинской народной словесности, *М. Т—ова*. Письма Шевченка къ Брон. Залесскому, съ пред. *его-же*. Двѣ южнорусскія интермедіи начала XVII ст., съ пред. *его-же*. Записки Карла Хоецкаго, съ пред. проф. *В. Б. Антоновича*. Судьба одного галицко-русскаго дѣятеля (И. Н. Вагилевича), *Я. Головацкаго*. Печерскіе антики (изъ воспоминаній о Кіевѣ), *Н. С. Лѣскова*. Неизвѣстный доселѣ гетманъ (Д. Барабашъ), проф. *В. Б. Антоновича*. Анна-Алоиза, кн. Острожская, монографія *О. И. Левицкаго*. Задунайская Сѣчь (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ, съ приложеніемъ нѣсколькихъ картъ и вида Дунавца), *Ѳ. Кондратовича*. Удѣльный періодъ и его изученіе, *Д. И. Багалѣя*. Генеральная опись Малороссіи, *его-же*. Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII—XVIII ст., *его-же*. Галагановскій фамильный архивъ, *А. М. Лазаревскаго*. И. П. Забѣла, знач. войсковой товарищъ, *его-же*. Смѣна народностей въ южной Руси, *И. Житецкаго*. Волынская революція первой четверти XIX ст. (обширный современный мемуаръ). Ириней Фальковскій, коадъюторъ кіевскій, *Г. Булашева*. Воспоминанія о Шевченкѣ, *А. Смоктія*. Картинки народной жизни, *его-же*. Записки барона Тодта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., съ пред. *С. Е.* Украинскія женщины (съ польскаго), разсказы д-ра *Антонія І.* Страшный Іосифъ (съ польскаго), *его-же*. Г. Ѳ. Квитка, историко-литературный очеркъ, *Н. Маркова*. Харьковскій Вертеръ, *А. Барымова*. Происхожденіе думы о Самойлѣ Кишкѣ, *В. П. Науменка*. Колонизація Кубанской области, *Ф. Щербины*. Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи, *его-же*. Ребъ-Лейбъ-Суресъ (еврейскія легенды), *А. Тирнавскаго*. Украинскій Соломонъ (по фамильнымъ воспоминаніямъ), *С. Д. Носа*. Предсмертная поземельная борьба Запорожья, *А. Шиманова*. Судъ надъ вѣдьмами въ Малороссіи, *П. С. Ефименка*. Шпитали въ Малороссіи, *его-же*. Братства и союзы нищихъ, *его-же*. Куплетныя формы южнорусской пѣсни, *Ц Г. Неймана*. Семенъ Гаркуша, *К. Кошовика*. Новыя свадебныя малорусскія пѣсни, *Ѳ. Николайчика*. Къ исторіи южнорусскихъ свадебныхъ обычаевъ, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*. Посѣщеніе Кіева в. кн. Павломъ

Петровичемъ (современное описаніе г. Разновидности Марципанъ и Ганнусковой горѣлки (рецепты малорусскихъ печеній, соленій и настоекъ по рукописи XVIII ст.). Херсонесъ Таврическій (по поводу юбилея). *В. Ястребова.* По поводу 50-лѣтняго юбилея Почаевской Лавры, *А. Тарнавскаго.* Къ 300-лѣтнему юбилею Ив. Ѳедорова, перваго русскаго печатника, *В. Ястребова.* Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго, *В. П. Горленка.* Изъ бумагъ холмскаго архива. Допросъ Григ. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы, съ пред. *А. П. Барсукова.* Переписка гр. Румянцева о возстаніи 1768 г. О бугскихъ козакахъ, *А. Скальковскаго.* Запорожскіе выборы и порядки (по современ. описаніямъ), *А. Андріевскаго.* Покровская церковь въ Переяславлѣ, *А. Т.* Второбрачіе южнорусскихъ священниковъ, *С. Ц.* Кафельные памятники XVIII в. Національные типы въ украинской словесности. Малорусскія эпитафіи XVIII в., *А. Маркевича.* Клады въ кіевской губерніи по рукописи XVIII ст. Гетманъ Ив. Куцковичъ, *А. С—ка.* О Кіевской Десятинной церкви. Кіевская пертурбація 1786 г. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, д-ра *Пирожкова.* Восемь писемъ Т. Г. Шевченка къ разнымъ лицамъ. Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому. Письма С. Т. Аксакова, Мерзлякова, Раича, кн. Одоевскаго, М. Г. Павлова, Чижова и др. къ М. А. Максимовичу, письма Г. Ѳ. Квитки, митрополита Евгенія Болховитинова и др.; помѣщены также письма князя Конст. Конст. Острожскаго и холмскаго епископа Якова Суши; до 150 рецензій и мелкихъ замѣтокъ по исторіи и этнографіи Малороссіи. Портреты: задунайскаго запорожца А. Коломыйца, жены Гонты, кн. Конст. Конст. Острожскаго, знаменитаго ревнителя православія и жены его, княгини Софіи.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изданіе 1884 года.

Три тома, 2486 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы.

Неизданная повѣсть Т. Г. Шевченка «Княгиня». Записки гофмейстера *И. Д. Селецкаго* (1821—1846 гг.). Записки сенатора *А. Я. Стороженка.* Хроника кіевской общественной жизни 1804—1824 гг. по дневнику митрополита Серапіона, проф. *Ф. А. Терновскаго.* Семейная хроника и воспоминанія кн. *Б. И. Куракина* (рукопись XVII—XVIII в.), съ предисловіемъ проф. *Терновскаго.* Записки А. С. Пишчевича о Новороссійскомъ краѣ. Происхожденіе запорожскаго коза-

чества, *Л. П.* Топографическій очеркъ Запорожья, *Д. И. Эварницкаго.* Число и порядокъ запорожскихъ сѣчей, *его же.* Посмертныя бумаги архіепископа могилевскаго *Анатолія* Мартыновскаго. Зміевы валы въ предѣлахъ кіевской земли, проф. *В. Б. Антоновича.* Стороженки—фамильная лѣтопись. Иннокентій Гизель, проф. *Н. Ѳ. Сумцова.* Іоанникій Галятовскій, *его же.* Матеріалы для исторіи штунды, *И. Л—ва.* Историческія замѣтки о Кіевѣ, *его же.* Изъ прожитыхъ на Волыни дней, *Н. И. Костомарова.* Люди старой Малороссіи (Марковичи), *А. М. Лазаревскаго.* Кобзари и лирники, *В. Горленка.* Первыя козацкія движенія въ Рѣчи посполитой, *Ѳ. Н.* Самоуправленіе у кубанскихъ козаковъ, *Ѳ. Щербины.* Черты внутренняго строя западно-русской церкви XVI и XVII ст., *О. И. Левицкаго.* Путевые очерки Подолья, *К. М.* Церковь и византійство, проф. *О. И. Миллера.* Вопль Мазепы, *С. Исаевича.* Еврейскій документъ о посольствахъ св. Владиміра для испытанія вѣръ. Письма графа А. А. Аракчеева къ Г. И. Лисаневичу (о военныхъ поселеніяхъ на югѣ Россіи). Малорусскіе колонисты на Кавказѣ, *И. С.* Слободское украинское дворянство въ произведеніяхъ Г. Ѳ. Квитки. Судъ Божій надъ душой грѣшника (южнорусская драма конца XVII ст.), съ пред. *Ц. Неймана.* Къ исторіи бунта въ Малороссіи 1687 г., проф. *И. В. Лучицкаго.* О царскихъ скиѳахъ, *Ѳ. Г. Мищенка.* О работахъ козаковъ по прорытію ладожскаго канала. Нѣжинскій журналъ Гоголя, *С. Пономарева.* Малорусскій пѣсенникъ, *Ц. Неймана.* Загадочные портреты, *Д. Сапожникова.* Очаковская зима по современному описанію, *В. Ястребова.* Приглашеніе къ открытію университета св. Владиміра и правила поступленія въ оный, сообщ. графъ *Г. А. Милорадовичъ.* Кіевскій пещерникъ XVIII ст., сообщ. *А. Лашкевичъ.* Художникъ В. Л. Боровиковскій, три о немъ замѣтки: *И. Боровиковскаго, В. Горленка,* и *И. Н. Божерянова.* О. М. Новицкій (некрологъ). Митрополитъ Іосифъ Симашко, прот. *А. Мацкевича.* Судьба одного кіевскаго сооруженія (строющійся Владимірскій соборъ), *А. К.* Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсѣять ложные слухи, *П. Ефименка.* Къ исторіи малорусскихъ нравовъ XVIII ст., *Н. Стороженка.* Домашнее воспитаніе начала XIX ст., *В. Ястребова.* Роковое чтеніе псалтыри (изъ быта кіевскихъ „спудеевъ"), *К. Цыбульскаго.* П. П. Чубинскій (некрологъ), проф. *А. Ѳ. Кистяковскаго.* Населеніе Кіева въ прошломъ ст., *Д Т.* Вымирающіе типы украинской деревни, *Л. Кисилевича.* 107 лѣтъ южно-русской этнографіи, *В. Г.* Вертепъ въ купянскомъ уѣздѣ, *А. Селиванова.* VI археологическій съѣздъ въ Одессѣ. Школьныя воспоминанія о Кіевѣ, *Н. Барановскаго.* Еврейскій плѣнъ въ Запорожьѣ, *А. Скальковскаго.* Волынская бывальщина, *И. О.* Древнія мозаики въ

кіево-софійскомъ соборѣ, *П. Л—ва.* Замѣтки о запорожской старинѣ, *А—ва.* Воспоминанія священника о жизни въ военномъ поселеніи, *П. Павловича.* Великій грѣшникъ (малор. сказка). Мѣры противъ вечерницъ и кулачныхъ боевъ въ Малороссіи, *А. Маркевича.* Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ, *В. Бучневича.* Лиментація кіево-братскихъ монаховъ конца XVII ст. Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ коллекціи кн. Вишневецкихъ, *В. Горленка.* Къ исторіи газетно-журнальнаго дѣла въ Кіевѣ, *В. Науменка.* Нѣмецко-хохлацкая штунда, *Б. Познанскаго.* Народные разсказы о кладахъ, *О. К.* Изъ слѣдовательской дѣятельности А. П. Стороженка. Оскорбленіе гетманской чести, *А. Андріевскаго.* Эпизодъ изъ авторско-издательской дѣятельности Т. Г. Шевченка. Б. М. Маркевичъ въ роли сельскаго педагога, *Б. Д—ра.* До 50 рецензій, 30—35 мелкихъ въ каждомъ томѣ замѣтокъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніи Дневникъ Николая Ханенка (1728—1753). Портреты виновниковъ уніи Ипатія Потѣя, кіев. уніатскаго митрополита, и Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго. Портретъ дочери в. кн. Ярослава Мудраго, королевы французской Анны.

Цѣна 8 р. 50 коп. съ пересылкой 10 р.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изданіе 1885 года.

Три тома, 2358 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы.

Старосвѣтскіе батюшки и матушки, повѣсть *И. С. Левицкаго* (Нечуя). Иванъ Подкова, историч. разсказъ д-ра Антонія І. Воронежскіе хохлы,—замѣтки и наблюденія *Б. С. Познанскаго.* Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1863 года на Украйнѣ, *его-же.* Воспоминанія о школѣ и грамотности въ кіевской губ., *его-же.* Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ, Суханова-Подколзина. Автобіографія Т. Г. Шевченка, по рукописи П. А. Кулиша. На могилу Шевченка, *Ѳ. И. Каминскаго.* Къ біографіи Т. Г. Шевченка (его письма). Народная пѣсня о Т. Г. Шевченкѣ. Эпизодъ изъ жизни Т. Г. Шевченка. Памяти Н. И. Костомарова: а) очеркъ его жизни и дѣятельности, б) библіографическій указатель его произведеній, *Ѳ. Николайчика,* в) Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ, проф. *В. Б. Антоновича* и г) Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ, *В. П. Науменка.* Нѣсколько встрѣчъ съ Н. И. Костомаровымъ, *М. А. Кулишъ.* Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ, *В. Л. Беренштама.* Случай изъ жизни Н. П. Костомарова, N. Даръ пятьде-

сятницы и наши первоучители (памяти Н. И. Костомарова), проф. *О. И. Миллера*. Некрологъ А. Ѳ. Кистяковскаго, проф. *И. В. Лучицкаго*. Очеркъ научной дѣятельности А. Ѳ. Кистяковскаго, *Д. Бѣлогрицъ-Котляревскаго*. Очеркъ исторіи юго-западной Руси, *К. М.* Адамъ Кисель, воевода кіевскій (историко-біографическій очеркъ), *И. П. Новицкаго*. Охочекомонный полковникъ И. Ѳ. Новицкій, монографія *Н. В. Стороженка*. Гетманство Брюховецкаго, *С. Е.* Іоаннъ Вышенскій (южнорусскій полемистъ XVII ст.), историко-литературное изслѣдованіе проф. *Н. Ѳ. Сумцова*. Южнорусскій дворянинъ XVIII в., *Н. Н. Бакая*. Баптизмъ или штунда въ кіевской губерніи, *П. Л—ва*. Малорусскія фамильныя прозванія, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*. Автобіографія южнорусскаго священника XVIII ст., сообщ. *П. А. Лукашевичъ*. Художникъ К. И. Головачевскій (біографич. очеркъ), *И. Н. Божерянова*. Копные суды въ лѣвобережной Украйнѣ, *А. Е.* Къ исторіи театра въ юго-западномъ краѣ. О началѣ кіевской академіи, проф. *С. Т. Голубева* и *П. Л—ва*. Старѣйшія русскія драматическія сцены, *П. Кузьмичевскаго*. Воеводскія вѣстовыя отписки, *Н. Н. Оглоблина*. Пѣснь на случай открытія университета св. Владиміра. Прилуцкій асаулъ Михайло Мовчанъ и его записная книга, проф. *В. Б. Антоновича*. Характеристика южнорусской литературы XVII в., проф. *Н. Ѳ. Сумцова*. Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы, *его-же*, Къ исторіи колонизаціи Новороссіи. Кирилл и Меѳодій, славянскіе просвѣтители (къ ихъ юбилею). Проектъ казеннаго сельскаго хозяйства въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи областяхъ. Новелла Боккаччіо въ южнорусскомъ стихотворномъ пересказѣ, *В. П. Науменка*. Воззваніе конфедератовъ къ русскому народу. Давыдова боженка (къ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья), *М. Андрієвскаго*. Польско-русскія соотношенія XVII вѣка въ современной польской призмѣ (по поводу повѣсти Г. Сенкевича «Огнемъ и мечемъ»), проф. *В. Б. Антоновича*, На память тысячелѣтней годовщины славянскихъ просвѣтителей, проф. *Ѳ. Успенскаго*. Пророкъ «Многовѣръ» и судъ надъ нимъ, *О. И. Левицкаго*. Пекельный Марко, *сообщ. Зуйченк.* Романовское староство и судьба его жителей. Малороссія на передвижныхъ выставкахъ картинъ, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*. Къ исторіи екатерининской коммисіи для составленія проекта новаго уложенія, проф. *Д. И. Багалѣя*. Малорусская похоронная причеть, *С. Брайловскаго*. Двѣ украинскія пѣсни и по поводу ихъ, *Б. С. Познанскаго*. Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамачины, *А. А. Скальковскаго*. По поводу возстановленія кіево-межигорскаго монастыря, *А. А. Андрієвскаго*, Шуточные стихи начала прошлаго вѣка, *В. П. Науменка*. Стефанъ Яворскій въ

двойной роли хвалителя и обличителя Мазепы, *его-же*. Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ, *В. Василенка*. Кобзарь Крюковскій (некрологъ), *В П. Горленка*. Запись о кладѣ XVIII ст., проф. *В. Б. Антоновича*. На могилѣ А. П. Стороженка, *Н. В. Стороженка*. Археологическія раскопки въ екатеринославской и кіевской губерніяхъ, *Д. И. Эварницкаго*. Запорожская пещера надъ Днѣпромъ, *его-же*. Раскопки у трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ, проф. *В. Б. Антоновича*. Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи, *Н. В. Стороженка*. Чума 1813 г. въ херсонской губ., *Н. И.* Южнорусскіе священники, отыскивающіе права дворянства, *А. Зальсскаго*. Старинная малорусская эпитафія, *А. М. Лазаревскаго*. Черти въ продажѣ, *Прибыльскаго*. Малорусская историческая шарада. Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ и возвращеніи запорожцевъ, *В. Василенка*. О началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ, *И. Матченка*. Кураковскій договоръ 1625 года, *И. Никифорова*. Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года, *И. Ревы*. Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла. Наслѣдники запорожскихъ земель, проф. *Д. И. Багалѣя*. Кіевская актовая рѣчь 1841 г., сообщ. *Е. Попруженко*. Мазепа князь и его гербъ, кн. *А. В. Дабижи*. Изъ фамильныхъ преданій, *Н. В. Стороженка*. Къ характеристикѣ шляхетско-козачьяго быта XVIII в., *Ѳ. Н.* Кіевъ въ 1799 году, *В. Горленка*. Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст., *С. Н. Исаевича*. Гетманскій городъ, *В. Е. Бучневича*. Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ, *А. И. Лоначевскаго*. Какъ разсудилъ панъ староста Каневскій (графъ Потоцкій), *Б. Познанскаго*. Пещера въ Лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ Лебединскомъ монастырѣ, *М. Васильева*. Изъ народныхъ разсказовъ Новороссіи. Народныя преданія о запорожцахъ. *Я. Новицкаго*. Любопытныя рукописи одной частной библіотеки, *Д. Синицкаго*. Нѣмецкій тринкгельдъ на малорусской почвѣ, *С. Бѣлинскаго*. Два письма Богдана Хмельницкаго къ Сапѣгѣ. Воспоминанія о маневрахъ подъ Елисаветградомъ, *Ф. Перепелицы*. Народные разсказы о слободско-украинскихъ помѣщикахъ, *А. Катрухина*. Старинныя орудія наказанія и исправленія, *И. Новицкаго*. Вольныя литературныя упражненія въ судахъ XVII ст., *П. Шеболдаева*. Запрещеніе купальскихъ огней. *И. Ефименка*. Русская святыня на западѣ Европы. Волынская бывальщина, *И. Шафарука*. Слѣды запорожцевъ въ Сванетіи, *Г. Лебединца*. Императоръ Александръ I въ Кіевѣ, *Л. Мацѣевича*. Сербы въ Кіевѣ. О мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы, проф. *П. Б. Антоновича*. О времени смерти кн. К. К. Острожскаго, *Д. Гродецкаго*. Малорусскія пѣсни по латыни, *Я. Новицкаго*. Польское привѣтствіе отъ лица Бѣлоруссіи Наполеону I, *С. Исаевича*. Дарствек-

пая запись кн. К. Острожскаго. Вероника Крепсъ, сообщ. *Ц. Г. Нейманъ*. Французъ-путешественникъ на Украинѣ, *В. П. Горленка*. Сверхъ того въ каждомъ томѣ по 16 рецензій на новыя книги и много мелкихъ замѣтокъ, пѣсенъ, думъ и проч.; въ приложеніи Дневникъ Николая Ханенка (1728—1753) и портреты: композитора Д. С. Бортнянскаго (гравюра акад. Боброва) и кіевскаго воеводы А. Киселя.

Цѣна 8 р. 50 коп., съ пересылкой 10 р. с.

.....

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

Изданіе 1886 года.

Три тома, 2678 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы.

Неизданныя произведенія *Т. Г. Шевченка*: Слѣпая (поэма), Варнакъ, Наймичка и Близнецы (повѣсти). О. Хортица на р. Днѣпрѣ (поѣздка по запорожскимъ урочищамъ), *Д. И. Эварницкаго*. Вѣдьма, полѣсскій разсказъ, *Э. Оржешко* (переводъ съ польскаго). Дневникъ Ѳедора Евлашевскаго, съ предислов. проф. *В. Б. Антоновича*. Люди Старой Малороссіи (Кулябки, Ломиковскіе, Афендики, Левенцы, Лѣсницкіе), *А. М. Лазаревскаго*. Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка, *Н. В. Стороженка*. Что слышалось и что видѣлось, воспоминанія *Б. С. Познанскаго*. Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности, *И. Кузьмичевскаго*. Колядки, щедривки, коломыйки, пьяницкія пѣсни, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*. Досвѣтки и посидѣлки, *его-жс*. Малорусская географическая номенклатура и мѣстныя названія въ украинской народной словесности, *его-жс*. Записки ново-оскольскаго дворянина И. О. Острожскаго-Лохвицкаго (1771—1846). Кіево-печерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи, *П. Л—ва*. Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе въ южной Руси къ концу XVI в., проф. *Архангельскаго*. Къ исторіи перваго крымскаго похода, *А. Востокова*. Шагинъ-Гирей, послѣдній крымскій ханъ, монографія *Ѳ. Лашкова*. Мазепа и его «прекрасная Елена», *И. М. Каманина*. Кіевскія смуты прошлаго столѣтія, *А. А. Андріевскаго*. Кармелюкъ, перев. съ польскаго, разсказъ д-ра *Антонія І.* Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ, *В. Горленка*. Тревога надъ свѣжей могилой Шевченка, *И. Р.* Изъ эпохи крестьянской реформы, *П. Ефименка*. О вліяніи греческаго и римскаго ритуала на малорусскую свадьбу, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*. Секретная переписка запорожскаго коша, *А. Скальковскаго*. Къ исторіи Запорожья, *Д. И. Эварницкаго*. О началѣ кіевской Академіи, *Н. Оглоблина*. Михаилъ Чайковскій (Садыкъ-паша) и козакофильство. Историческая геогра-

фія южнорусскихъ степей, *П. Я. Бурачкова.* Житіе Сковороды, соч. друга его М. И. Ковалѣнскаго, съ предисл. проф. *Н. Ѳ. Сумцова.* Письма Д. П. Трощинскаго къ кн. Лобанову-Ростовскому, сообщ. *Н. С—ко.* Колдовство въ югозападной Руси въ XVIII ст., *А. Съпецкаго.* Изъ исторіи слободской Украины, *Евг. Максимова.* Волынская бывальщина, *И. О—ва.* Альбомы и рисунки Шевченка въ собраніи В. В. Тарнавскаго, *В. Горленка.* Къ воспоминаніямъ г-жи Смирновой о Гоголѣ, *его-же.* Гоголь въ гадячской ратушѣ, *А. Луговаго.* Изъ записокъ А. С. Пишчевича. Бугскіе козаки и украинскіе уланы, *его-же,* сооб. *В. Я.* О «дикомъ попѣ», *Л. Мацѣевича.* Судъ въ Сѣчи Запорожской, *А. Скальковскаго.* Изъ записной книжки южно-русскаго священника XVIII ст., сообщ. проф. *В. Б. Антоновичъ.* Поимка Гаркуши въ Ромнѣ, *Н. С.* Гайдамацкій бандуристъ, *В. Ястребова.* Скельскій монастырь, *А. Твердохлѣбова.* «Мазепа» Чайковскаго, *В. Горленка.* Къ родословной Мазепы. Глушковская суконная фабрика, *Н. Добротворскаго.* Пѣвческая школа къ Глуховѣ. Замѣчательный праздникъ въ г. Холмѣ, *О. П.* Къ исторіи малорусскихъ ремесленныхъ издѣлій, проф. *Н. Ѳ. Сумцова.* Колоколъ «Кизикермень», *В. Бучневича.* Родъ Слуницъ и помѣстье ихъ Куна, *С. В—го.* Къ исторіи черниговской типографіи, сообщ. *А. М. Лазаревскій.* Довбушевъ кладъ, *Ѳ. Федьковича.* О Кармелюкѣ (воспоминанія и замѣтки), *С. Венгрженовскаго и Ю. Олтаржевскаго.* Харьковскіе коцари, *А. Т.* Былъ-ли Геродотъ въ южной Россіи, *Ѳ. Г. Мищенка.* Семейная драма въ уманскомъ военномъ поселеніи, *В. Г.* Къ исторіи кіевскихъ золотыхъ воротъ. *Д. И. Сапожникова.* Археологическая экскурсія въ г. Владиміръ-Волынскій.—Въ приложеніи: Роспись рода Горленковъ, кн. *А. В. Дабижи.* Дневникъ Николая Ханенка (1728—1753 гг.). Три вида великой церкви кіево-печерской лавры XVII и XVIII ст. и портретъ охочекомоннаго полковника Иліи Ѳедоровича Новицкаго. Сверхъ того 48 рецензій на вновь выходящія книги и много мелкихъ замѣтокъ по южнорусской исторіи и этнографіи.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

Желающіе пріобрѣсти журналъ за прежніе годы пользуются значительной уступкой, а именно: получающіе на мѣстѣ, безъ пересылки, уплачиваютъ: за **два** года 16 р. 30 коп., за **три** года 21 р. 70 коп., за **четыре** года 27 р. 20 коп., за **пять** лѣтъ 32 р., за всѣ **шесть** лѣтъ 40 р. 50 к., а выписывающіе съ **пересылкой** платятъ: за **два** года 18 р., за **три** года 25 р. 50 коп., за **четыре** года 32 р., за **пять** лѣтъ 37 р. 50 коп., за всѣ **шесть** лѣтъ 47 р. 50 коп.

Въ конторѣ редакціи журнала «Кіевская Старина» продаются слѣдующія отдѣльныя изданія редакціи:

1) Записки ново-оскольскаго дворянина И. О. Острожскаго-Лохвицкаго (1771—1846 гг.). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

2) Записки гофмейстера П. Д. Селецкаго (1821—1846 г.). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

3) Старосвѣтскіе батюшки и матюшки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст. И. С. Левицкаго (Нечуя). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп.

4) Адамъ Кисель, воевода кіевскій (съ портретомъ) И. П. Новицкаго. Ц. 80 коп., съ пер. 1 р.

5) Семейная хроника и воспоминанія кн. Б. И. Куракина (1676 1727 гг.). Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

Въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу Дневникъ хоружаго Н. Ханенка (1728—1753 г.). Ц. 2 р. 50 к , съ перес. 3 р.

Всѣ изданія при выпискѣ одновременно уступаются за **семь** р. на мѣстѣ, съ пересылкой—за **восемь** руб.

Портреты: 1) Композитора Д. С. Бортнянскаго, гравюра академика В. И. Боброва. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

2) Ипатія Потѣя, кіев. уніат. митрополита. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

3) Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго. Ц. 50 к., съ пер. 60 коп.

4) Гетмана И. С. Мазепы. Ц. 30 коп., съ пер. 40 коп.

5) Жены уманскаго сотника Ив. Гонты. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

6) Охочекомоннаго полковника И. Ѳ. Новицкаго (съ поясним. текстомъ). Ц. 30 к. съ пер. 40 к.

7) Ананія Коломыйца, послѣдняго изъ задунайскихъ запорожцевъ, жившаго еще въ 1883 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 коп.

За всѣ портреты 2 р. 50 коп., съ пер. 3 р.

Приложеніе къ «КІЕВСКОЙ СТАРИНѢ» 1886 года.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

V.

ХУДОЖНИКЪ.

(АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ).

Великій Торвальдсенъ началъ свое блестящее артистическое поприще вырѣзываніемъ орнаментовъ и тритоновъ съ рыбьими хвостами для тупоносыхъ копенгагенскихъ кораблей. Герой мой тоже, хотя и не такъ блестящее, но тѣмъ не менѣе артистическое поприще началъ растираніемъ охры и муміи въ жерновахъ и крашеніемъ половъ, крышъ и заборовъ. Безотрадное, безнадежное начинаніе! Да и много ли васъ счастливцевъ геніевъ-художниковъ, которые не такъ начинали? Весьма и весьма немного! Въ Голландіи, напримѣръ, во время самаго блестящаго золотаго ея періода, Остаде, Бергемъ, Теньеръ и цѣлая толпа знаменитыхъ художниковъ, кромѣ Рубенса и Ванъ Дейка, въ лохмотьяхъ начинали и кончали свое великое поприще. Несправедливо было бы указывать на одну только меркантильную Голландію. Разверните Вазари и тамъ увидите тоже самое, если не хуже. Я говорю «хуже» потому, что тогда даже политика намѣстниковъ святого Петра требовала изящной декораціи для ослѣпленія толпы и затмѣнія еретическаго ученія Виклефа и Гуса, уже начинавшаго воспитывать неустрашимаго доминиканца Лютера. И тогда, говорю, когда Левъ X и Леонъ II спохватились и сыпали золото встрѣчному и поперечному маляру и каменьщику, и въ то золотое время умирали великіе художники съ голоду, какъ напримѣръ Корреджіо и Цампіери. И такъ случалось къ несчастію

весьма нерѣдко, всегда и вездѣ, куда только проникало божественное животворящее искусство; случается и въ нашъ девятнадцатый просвѣщенный вѣкъ, вѣкъ филантропіи и всего, клонящагося къ пользѣ человѣчества, при всѣхъ ~~его~~ средствахъ отстранить и укрыть жертвы,

Карающей богинѣ обреченныя.

За что же, вопросъ, этимъ олицетвореннымъ ангеламъ, этимъ представителямъ живой добродѣтели на землѣ выпадаетъ всегда такая печальная, такая горькая доля! Вѣроятно за то, что они ангелы во плоти.

Эти разсужденія ведутъ только къ тому, что отдаляютъ отъ читателя предметъ, который я намѣренъ ему представить, какъ на ладони.

Лѣтнія ночи въ Петербургѣ я почти всегда проводилъ на улицѣ или гдѣ нибудь на островахъ, но чаще всего на академической набережной. Особенно мнѣ нравилось это мѣсто, когда Нева спокойна и, какъ гигантское зеркало, отражаетъ въ себѣ со всѣми подробностями величественный портикъ Румянцевскаго музея, уголъ сената и красныя занавѣси въ домѣ графини Лаваль. Въ зимнія длинныя ночи этотъ домъ освѣщался внутри, и красныя занавѣси, какъ огонь, горѣли на темномъ фонѣ, и мнѣ всегда досадно было, что Нева покрыта льдомъ и снѣгомъ и декорація теряетъ свой настоящій эффектъ.

Любилъ я также лѣтомъ встрѣчать восходъ солнца на Троицкомъ мосту. Чудная, величественная картина! Въ истинно художественномъ произведеніи есть что-то обаятельное, прекраснѣе самой природы—это возвышенная душа художника, это божественное творчество. За то бываютъ и въ природѣ такія чудныя явленія, предъ которыми поэтъ-художникъ падаетъ ницъ и только благодаритъ Творца за сладкія, душу чарующія, мгновенія.

Я часто любовался пейзажами Щедрина, и въ особенности плѣняла меня его небольшая картина «Портичи передъ закатомъ солнца». Очаровательное произведеніе! Но оно никогда не очаровывало меня такъ, какъ видъ съ Троицкаго моста на Выборгскую сторону передъ появленіемъ солнца.

Однажды, насладившись вполнѣ этою нерукотворенною картиною, я прошелъ въ Лѣтній садъ отдохнуть. Я всегда, когда мнѣ

случалось бывать въ Лѣтнемъ саду, не останавливался ни въ одной аллеѣ, украшенной мраморными статуями: на меня эти статуи дѣлали самое дурное впечатлѣніе, особенно уродливый Сатурнъ, пожирающій такое же, какъ и самъ, уродливое свое дитя. Я проходилъ всегда мимо этихъ неуклюжихъ богинь и боговъ и садился отдохнуть на берегу озерка и любовался прекрасною гранитною вазою и величественною архитектурою Михайловскаго замка.

Приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ большую аллею пересѣкаетъ поперечная аллея и гдѣ въ кругу боговъ и богинь Сатурнъ пожираетъ свое дитя, я чуть было не наткнулся на живого человѣка въ тиковомъ грязномъ халатѣ, сидящаго на ведрѣ, какъ разъ противъ Сатурна.

Я остановился. Мальчикъ (потому что это дѣйствительно былъ мальчикъ, лѣтъ четырнадцати или пятнадцати) оглянулся и началъ что-то прятать за пазуху. Я подошелъ къ нему ближе и спросилъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ.

— Я ничего не дѣлаю, отвѣчалъ онъ застѣнчиво: иду на работу, да по дорогѣ въ садъ зашелъ,—и немного помолчавъ, прибавилъ: я рисовалъ.

— Покажи, говорю, что ты рисовалъ.

Онъ вынулъ изъ-за пазухи четверку сѣрой писчей бумаги и робко подалъ мнѣ. На четверкѣ былъ назначенъ довольно вѣрно контуръ Сатурна.

Долго я держалъ рисунокъ въ рукахъ и любовался запачканнымъ лицемъ автора. Въ неправильномъ и худощавомъ лицѣ его было что-то привлекательное, особенно въ глазахъ умныхъ и кроткихъ, какъ у дѣвочки.

— Ты часто ходишь сюда рисовать? спросилъ я его.

— Каждое воскресенье, отвѣчалъ онъ: а если близко гдѣ работаемъ, то и въ будни захожу.

— Ты учишься малярному мастерству?

— И живописному,—прибавилъ онъ.

— У кого же ты находишься въ ученьи?

— У комнатнаго живописца Ширяева.

Я хотѣлъ распросить его подробнѣе, но онъ взялъ въ одну руку ведро съ желтой краской, а въ другую желтую же обтертую большую кисть и хотѣлъ идти.

— Куда ты торопишься?

— На работу. Я и то ужъ опоздалъ, хозяинъ придетъ, такъ достанется мнѣ.

— Зайди ко мнѣ въ воскресенье по утру и, если есть у тебя какіе нибудь рисунки своей работы, то принеси мнѣ показать.

— Хорошо, я приду; только гдѣ вы живете?

Я записалъ ему адресъ на его же рисункѣ и мы разстались.

Въ воскресенье по утру рано я возвратился изъ всенощной свой прогулки и въ корридорѣ передъ №-мъ своей квартиры встрѣтилъ меня мой новый знакомый, уже не въ тиковомъ грязномъ халатѣ, а въ чемъ-то похожемъ на сюртукъ коричневаго цвѣта, съ большимъ сверткомъ бумаги въ рукахъ. Я поздоровался съ нимъ и протянулъ ему руку. Онъ бросился къ рукѣ и хотѣлъ поцѣловать. Я отдернулъ руку, меня сконфузило его раболѣпіе. Я молча вошелъ въ квартиру, а онъ остался въ корридорѣ. Я снялъ сюртукъ, надѣлъ блузу, закурилъ сигару, а его все еще нѣтъ въ комнатѣ. Я вышелъ въ корридоръ, смотрю, пріятеля моего, какъ не бывало; я сошелъ внизъ, спрашиваю дворника: не видалъ такого?—Видѣлъ, говоритъ, малаго съ бумагами въ рукѣ, выбѣжалъ на улицу. Я на улицу—и слѣдъ простылъ. Мнѣ стало грустно, какъ будто я потерялъ что-то дорогое мнѣ. Скучалъ я до слѣдующаго воскресенья и никакъ не могъ придумать, чтобы такое значилъ внезапный побѣгъ моего пріятеля.

Дождавшись воскресенья, я во второмъ часу ночи пошелъ на Троицкій мостъ и, полюбовавшись восходомъ солнца, пошелъ въ Лѣтній садъ, обошелъ всѣ аллеи—нѣтъ моего пріятеля, хотѣлъ было уже идти домой, да вспомнилъ Аполлона Бельведерскаго, т. е. пародію на Бельведерскаго бога, стоящаго особнякомъ у самой Мойки. Я туда, а пріятель мой какъ тутъ.

Увидя меня, онъ бросилъ рисовать и покраснѣлъ до ушей, какъ ребенокъ, пойманный за кражею варенья. Я взялъ его за дрожащую руку и, какъ преступника, повелъ въ павильонъ и мимоходомъ велѣлъ трактирному заспанному гарсону принести чаю.

Какъ умѣлъ, обласкалъ я моего пріятеля и, когда онъ пришелъ въ себя, я спросилъ его, зачѣмъ онъ убѣжалъ изъ корридора.

— Вы на меня разсердились, и я испугался, отвѣчалъ онъ.

— И не думалъ я на тебя сердиться, сказалъ я ему; но мнѣ непріятно было твое униженіе. Собака только руки лижетъ, а человѣкъ этого не долженъ дѣлать.

Это сильное выраженіе такъ подѣйствовало на моего пріятеля, что онъ опять было схватилъ мою руку. Я разсмѣялся, а онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и стоялъ молча, потупя голову.

Напившись чаю, мы разстались. На разставанье я сказалъ ему, чтобы онъ непремѣнно зашелъ ко мнѣ или сегодня или въ слѣдующее воскресенье.

Я не имѣю счастливой способности сразу разгадывать человѣка; за то имѣю несчастную способность быстро сближаться съ человѣкомъ. Потому, говорю, несчастную, что рѣдко быстрое сближеніе мнѣ обходилось даромъ, въ особенности съ кривыми и косыми. Эти кривые и косые дали мнѣ знать себя! Сколько не случалось мнѣ съ ними сталкиваться, хоть бы одинъ изъ нихъ порядочный человѣкъ, начисто дрянь; или это ужъ мое такое счастье.

Всего третій разъ я вижу моего новаго знакомаго, но я уже съ нимъ сблизился, я уже къ нему привязанъ, уже полюбилъ его. И дѣйствительно, въ его физіономіи было что-то такое, чего нельзя не полюбить. Физіономія его, сначала некрасивая, съ часу на часъ дѣлалась для меня привлекательнѣе. Вѣдь есть же на свѣтѣ такія счастливыя физіономіи!

Я пошелъ прямо домой, боясь заставить пріятеля своего ждать себя въ корридорѣ. Что же, вхожу на лѣстницу, а онъ уже тутъ, въ томъ же коричневомъ сюртучкѣ, умытый, причесаный, улыбающійся.

— Ты порядочный скороходъ, сказалъ я: вѣдь ты еще заходилъ къ себѣ на квартиру? какъ же ты успѣлъ такъ скоро?

— Да я торопился,—отвѣчалъ онъ,—чтобы быть дома, какъ хозяинъ отъ обѣдни придетъ.

— Развѣ у тебя хозяинъ строгій? спросилъ я.

— Строгій и....

— И злой, ты хочешь сказать.

— Нѣтъ, скупой, хотѣлъ я сказать. Онъ побьетъ меня, а самъ радъ будетъ, что я опоздалъ къ обѣду.

Мы вошли въ комнату. У меня стояла на мольбертѣ копія со «Старика Веласкеза», что въ Строгоновой галлереѣ, и онъ прильнулъ къ ней

глазами. Я взялъ у него изъ рукъ свертокъ, развернулъ и сталъ разсматривать. Тутъ было все, что безобразитъ Лѣтній садъ, отъ вертлявыхъ, сладко улыбающихся богинь до безобразнаго Гераклита и Праклита, а въ заключеніе нѣсколько рисунковъ съ барельефовъ, украшающихъ фасады нѣкоторыхъ домовъ, въ томъ числѣ и барельефы изъ купидоновъ, украшающихъ домъ архитектора Монферана, что на углу набережной Мойки и Фонарнаго переулка.

Одно что меня поразило въ этихъ болѣе чѣмъ слабыхъ контурахъ, это необыкновенное сходство съ оригиналами, особенно контуры Праклита и Гераклита. Они выразительнѣе были своихъ подлинниковъ, правда, и уродливѣе, но все-таки на рисунки нельзя было смотрѣть равнодушно.

Я въ душѣ радовался своей находкѣ. Мнѣ и въ голову тогда не пришло спросить себя, что я буду дѣлать при моихъ больше нежели ограниченныхъ средствахъ съ этимъ алмазомъ въ кожухѣ? Правда, у меня и тогда мелькнула эта мысль, да тутъ же я окунулся въ пословицу: «Богъ не безъ милости, козакъ не безъ доли».

— Отчего у тебя нѣтъ ни одного рисунка оттушеваннаго?—спросилъ я его, отдавая ему свертокъ.

— Я рисовалъ всѣ эти рисунки по утру рано до восхода солнца.

— Значитъ, ты не видалъ ихъ, какъ они освѣщаются?

— Я ходилъ и днемъ смотрѣть на нихъ, но тогда нельзя было рисовать: люди ходили.

— Что же ты намѣренъ теперь дѣлать: остаться у меня обѣдать или идти домой?

— Онъ съ минуту помолчалъ и, не поднимая глазъ, едва внятно сказалъ:

— Я остался бы у васъ, если вы позволите.

— А какъ же ты послѣ раздѣлаешься съ хозяиномъ?

— Я скажу, что спалъ на чердакѣ.

— Пойдемъ же обѣдать.

У мадамъ Юргенсъ посѣтителей еще никого не было, когда мы пришли, и я былъ очень радъ: мнѣ непріятно было бы встрѣтить какую нибудь чиновничью выутюженную физіономію, безсмысленно улыбающуюся, глядя на моего, далеко не щеголя, пріятеля.

Послѣ обѣда вздумалъ было я повести его въ академію и показать ему «Послѣдній день Помпеи», но не все вдругъ. Вмѣсто того я предложилъ ему или идти гулять на бульваръ, или читать книгу;

онъ выбралъ послѣднее; я же, чтобы проэкзаменовать его и въ этомъ предметѣ, заставилъ его читать въ слухъ. На первой страницѣ знаменитаго романа Диккенса «Никласъ Никльби» я заснулъ; но въ этомъ ни авторъ, ни чтецъ не повинны, мнѣ просто хотѣлось спать, потому что я ночью не спалъ.

Когда я проснулся и вышелъ въ другую комнату, мнѣ какъ то пріятно бросилась въ глаза моя отчаянная студія; ни окурковъ сигаръ, ни табачнаго пеплу нигдѣ не было замѣтно; вездѣ все было убрано и выметено, даже палитра, висѣвшая на гвоздѣ съ засохшими красками, и она была вычищена и блестѣла, какъ стеклышко; а виновникъ всей этой гармоніи сидѣлъ у окна и рисовалъ маску знаменитой натуршицы Торвальдсена Фортунаты.

Все это было для меня чрезвычайно пріятно. Эти услуги ясно говорили въ его пользу. Я однакожъ, не знаю почему, не далъ ему замѣтить моего удовольствія; но поправилъ ему контуръ, проложилъ тѣни, и мы отправились въ «Капернаумъ» чай пить. Капернаумъ— сирѣчь трактиръ «Берлинъ» на углу шестой линіи и академическаго переулка; такъ окрестилъ его, кажется, Пименовъ во времена своего удалаго студенчества. За чаемъ мой пріятель разсказалъ мнѣ про свое житье-бытье. Грустный, печальный разсказъ! Но онъ разсказалъ его такъ наивно-просто, безъ тѣни ропота и укоризны. До этой исповѣди я думалъ о средствахъ къ улучшенію его воспитанія, но выслушавши исповѣдь, и думать пересталъ: онъ былъ крѣпостной человѣкъ.

Меня такъ озадачило это грустное открытіе, что я потерялъ всякую надежду на его переобразованіе. Молчаніе длилось по крайней мѣрѣ полчаса. Онъ разбудилъ меня отъ этого столбняка своимъ плачемъ. Я взглянулъ на него и спросилъ, чего онъ плачетъ.

— Вамъ непріятно, что я....

Онъ не договорилъ и залился слезами.

Я разувѣрилъ его, какъ могъ, и мы возвратились ко мнѣ на квартиру.

Дорогой встрѣтился намъ старикъ Венеціановъ. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ пристально посмотрѣлъ на моего товарища и спросилъ, добродушно улыбаясь:

— Не будущій ли этотъ художникъ?

Я сказалъ ему и да и нѣтъ. Онъ спросилъ причину. Я объяснилъ ему шепотомъ. Старикъ задумался, пожалъ мнѣ крѣпко руку, и мы разстались.

Венеціановъ взглядомъ своимъ, пожатіемъ руки, какъ бы упрекнулъ меня въ безнадежности. Я ободрился и, вспомнивъ нѣкоторыхъ художниковъ, учениковъ и воспитанниковъ Венеціанова, увидѣлъ, правда, неясно, что-то въ родѣ надежды на горизонтѣ.

Protegè мой въ вечеру, прощаясь со мною, просилъ у меня какого нибудь эстампика срисовать. У меня случился одинъ экземпляръ, въ то время только что напечатанный, Геркулесъ Фарнейскій, выгравированный Служинскимъ по рисунку Завьярова и еще Аполино Лосенка. Я завернулъ оригиналы въ листъ петергофской бумаги, снабдилъ его итальянскими карандашами, далъ наставленіе, какъ предохранять ихъ отъ жесткости, и мы вышли на улицу. Онъ пошелъ домой, а я къ старику Венеціанову.

Не мѣсто да и не кстати распространяться здѣсь объ этомъ человѣколюбцѣ-художникѣ. Пускай это сдѣлаетъ одинъ изъ многочисленныхъ учениковъ его, который подробнѣе меня знаетъ всѣ его великодушные подвиги на поприщѣ искусства.

Я разсказалъ старику все, что зналъ о моей находкѣ, и просилъ его совѣта, какъ мнѣ дѣйствовать на будущее время, чтобы привести дѣло къ желаемымъ результатамъ. Онъ, какъ человѣкъ практическій въ дѣлахъ такого рода, не обѣщалъ мнѣ и не совѣтовалъ ничего положительнаго; совѣтовалъ только познакомиться съ его хозяиномъ и по мѣрѣ возможности сгушевывать его настоящее жесткое положеніе.

Я такъ и сдѣлалъ. Не дожидаясь воскресенья, я на другой день до восхода солнца пошелъ въ Лѣтній садъ. Но увы! не нашелъ тамъ моего пріятеля; на другой день тоже, на третій тоже, и я рѣшился ждать, что воскресенье скажетъ.

Въ воскресенье по утру явился мой пріятель и на спросъ мой, почему онъ не былъ въ Лѣтнемъ саду, сказалъ мнѣ, что у нихъ началась работа въ Большомъ театрѣ (въ то время Кавосъ передѣлывалъ внутренность Большаго театра) и что по этой причинѣ онъ не можетъ посѣщать Лѣтній садъ.

И это воскресенье мы провели съ нимъ, какъ прошедшее. Въ вечеру уже, разставаясь, я спросилъ имя его хозяина и въ какіе часы онъ бываетъ на работѣ.

На слѣдующій же день я зашелъ въ Большой театръ и познакомился съ его хозяиномъ. Расхвалилъ безмѣрно его трафараты и потолочные чертежи собственной его композиціи, чѣмъ и положилъ прочный фундаментъ нашему знакомству.

Хозяинъ моего пріятеля былъ цеховой мастеръ живописнаго и малярнаго цеха; держалъ онъ постоянно трехъ, а иногда и болѣе замарашекъ въ тиковыхъ халатахъ подъ именемъ учениковъ и, смотря по надобности, отъ одного до десяти нанималъ, поденно и помѣсячно, костромскихъ мужиковъ—маляровъ и стекольщиковъ, слѣдовательно онъ былъ въ своемъ цеху не послѣдній мастеръ и по искусству, и по капиталу. Кромѣ помянутыхъ матеріальныхъ качествъ, я у него увидѣлъ нѣсколько гравюръ на стѣнахъ Одрана и Вольпато, а на комодѣ нѣсколько томовъ книгъ, въ томъ числѣ и путешествіе Анахарсиса Младшаго. Это меня ободрило. Но увы! когда я ему издалека намекнулъ объ улучшеніи состоянія его тиковыхъ учениковъ, онъ удивился такой дикой мысли и началъ мнѣ доказывать, что это повело бы ни къ чему больше, какъ къ собственной ихъ гибели.

На первый разъ я ему не противорѣчилъ, да и напрасно было бы увѣрять его въ противномъ: люди матеріальные и неразвитые, прожившіе свою скудную юность въ грязи и испытаніяхъ и кое какъ выползшіе на свѣтъ Божій, не вѣруютъ ни въ какую теорію; для нихъ не существуетъ другихъ путей къ благосостоянію, кромѣ тѣхъ, которые они сами прошли, а часто къ этимъ грубымъ убѣжденіямъ примѣшивается еще грубѣйшее чувство: меня, дескать, не гладили по головкѣ, за что я буду гладить.

Мастеръ живописнаго цеха, кажется, не чуждъ былъ этого античеловѣческаго чувства. Мнѣ однако со временемъ удалось уговорить его, чтобы онъ не препятствовалъ моему protegè посѣщать меня по праздникамъ и въ будни, когда работы не бываетъ, напримѣръ зимою. Онъ хотя и согласился, но все таки смотрѣлъ на это, какъ на баловство, совершенно ни къ чему не ведущее, кромѣ погибели. Онъ чуть-чуть не угадалъ.

Минуло лѣто и осень, настала зима. Работы въ Большомъ театрѣ были окончены. Театръ открытъ и очаровательница Тальони начала свои волшебныя операціи. Молодежь изъ себя выходила, а старичье просто бѣсновалось. Одни только суровыя матроны и отчаянныя львицы упорно дулись и во время самыхъ неистовыхъ аплодисментовъ съ презрѣніемъ

произносили »mauvais genre», а неприступныя пуританки хоромъ воскликнули: «развратъ! развратъ! публичный развратъ»! И всѣ эти ханжи и лицемѣрки не пропускали ни одного спектакля Тальони, а когда знаменитая артистка согласилась быть Princesse Trabukon, онѣ первыя оплакивали великую потерю и осуждали женщину за то, чего сами не могли сдѣлать при всѣхъ косметическихъ средствахъ.

Карлъ Великій (такъ называлъ покойный Василій Андреевичъ Жуковскій покойнаго же Карла Павловича Брюлова) безгранично любилъ всѣ прекрасныя искусства, въ чемъ бы они не проявлялись, но къ современному балету онъ былъ почти равнодушенъ и если говорилъ онъ иногда о балетѣ, то не иначе, какъ о сахарной игрушкѣ. Въ заключеніе своего тріумфа Тальони протанцовала качучу въ балетѣ «Хитана». Въ тотъ же вечеръ разлетѣлась качуча по всей нашей Пальмирѣ, а на другой день она уже владычествовала и въ палатахъ аристократіи, и въ скромномъ уголкѣ коломенскаго чиновника. Вездѣ качуча—и дома, и на улицѣ, и за рабочимъ столомъ, и въ трактирѣ, и... за обѣдомъ и за ужиномъ, словомъ: всегда и вездѣ качуча. Не говорю уже про вечера и вечеринки, гдѣ качуча сдѣлалась необходимымъ дѣломъ. Это все ничего: красотѣ и юности все это къ лицу; а то почтенныя матери и даже отцы семействъ и тѣ туда же. Это просто была болѣзнь св. Вита въ видѣ качучи. Отцы и матери вскорѣ опомнились и нарядили въ Хитанъ своихъ едва начинающихъ ходить малютокъ. Бѣдныя малютки, сколько вы слезъ пролили изъ-за этой проклятой качучи! Но за то эффектъ былъ полный, эффектъ, дошедшій до спекуляціи. Напримѣръ, если у амфитріона не имѣлось собственнаго карапузика, то вечеринка украшалась карапузикомъ Хитаномъ, взятымъ на прокатъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Въ самый разгаръ качучеманіи посѣтилъ меня Карлъ Великій (онъ любилъ посѣщать своихъ учениковъ), сѣлъ на кушеткѣ и задремалъ. Я молча любовался его умной и кудрявой головой. Черезъ минуту онъ быстро поднялъ глаза, засмѣялся и спросилъ меня:

— Знаете что?

— Не знаю, отвѣтилъ я.

— Сегодня Губеръ (переводчикъ Фауста) обѣщалъ мнѣ дать билетъ на Хитану, пойдемте.

— Въ такомъ случаѣ пошлите своего Лукьяна къ Губеру, чтобы онъ досталъ два билета.

— Не сбѣгаетъ ли этотъ малый, сказалъ онъ, показывая на моего протеже.

— И очень сбѣгаетъ, пишите записку.

На лоскуткѣ сѣрой бумаги онъ написалъ итальянскимъ карандашемъ: «Достань два билета. К. Брюловъ». Къ этому лаконическому посланію я прибавилъ адресъ, и Меркурій мой полетѣлъ.

— Что это у васъ модель или слуга? спросилъ онъ, показывая на затворяющуюся дверь.

— Ни то, ни другое, отвѣчалъ я.

— Физіономія его мнѣ нравится—не крѣпостная.

— Далеко не крѣпостная, а между тѣмъ.... Я не договорилъ и остановился.

— А между тѣмъ онъ крѣпостной? подхватилъ Брюловъ.

— Къ несчастью такъ, прибавилъ я.

— Барбаризмъ, прошепталъ Брюловъ и задумался. Послѣ минуты раздумья онъ бросилъ на полъ сигару, взялъ шляпу и вышелъ, но сейчасъ же воротился и сказалъ:

— Я дождусь его: мнѣ хочется еще взглянуть на ею физіономію,— и закуривъ сигару, сказалъ: покажите мнѣ его работу!

— Кто вамъ подсказалъ, что у меня есть его работа?

— Должна быть, сказалъ онъ рѣшительно.

Я показалъ ему маску Лаокоона, рисунокъ оконченный, и слѣпокъ Микель Анджело, только проложенный. Онъ долго смотрѣлъ на рисунки, т. е. держалъ рисунки въ рукахъ, а смотрѣлъ, Богъ его знаетъ, на что онъ смотрѣлъ тогда.

— Кто его господинъ? спросилъ онъ, поднявъ голову.

Я сказалъ ему фамилію помѣщика.

— О вашемъ ученикѣ нужно хорошенько подумать. Лукьянъ обѣщался угостить меня ростбифомъ, приходите обѣдать.

Сказавъ это, онъ подошелъ къ двери и опять остановился:

— Приведите его когда нибудь ко мнѣ. До свиданья!

И онъ вышелъ.

Черезъ четверть часа возвратился мой Меркурій и объявилъ мнѣ, что они, т. е. Губеръ, хотѣли сами зайти къ Карлу Павловичу.

— А знаешь ли ты, кто такой Карлъ Павловичъ? спросилъ я его.

— Знаю, отвѣчалъ онъ; только я его никогда въ глаза не видалъ.

— А сегодня?

— Да развѣ это онъ былъ?

— Онъ.

— Зачѣмъ же вы мнѣ не сказали, я хоть бы взглянулъ на него, а то я думалъ такъ просто какой нибудь господинъ. Не зайдетъ ли онъ къ вамъ еще когда нибудь? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не знаю, сказалъ я и началъ одѣваться.

— Боже мой, Боже мой! Какъ бы мнѣ на него хоть издали посмотрѣть!—Знаете, продолжалъ онъ: я, когда иду по улицѣ, все объ немъ думаю и, смотря на проходящихъ, ищу глазами его между ними. Портретъ его, говорятъ, очень похожъ, что на «Послѣднемъ днѣ Помпеи».

— Похожъ, а ты все-таки не узналъ его, когда онъ былъ здѣсь. Ну, не горюй, если онъ до воскресенья не зайдетъ ко мнѣ, то мы въ воскресеиье съ тобой сдѣлаемъ ему визитъ. А пока вотъ тебѣ билетъ къ m-me Юргенсъ: я сегодня дома не обѣдаю.

Сдѣлавши такое распоряженіе, я вышелъ.

Въ мастерской Брюлова я засталъ В. А. Жуковскаго и М. Ю. графа Віельгорскаго. Они любовались еще неоконченной картиной «Распятіе Христа», писанной для лютеранской церкви Петра и Павла. Голова плачущей Маріи Магдалины уже была окончена, и В. А. Жуковскій, глядя на эту дивную плачущую красавицу, самъ заплакалъ и, обнимая Карла Великаго, цѣловалъ его, какъ бы созданную имъ красавицу.

Не рѣдко случалось мнѣ бывать въ Эрмитажѣ вмѣстѣ съ Брюловымъ. Это были блестящія лекціи теоріи живописи; и каждый разъ лекціи заключались Теньеромъ и въ особенности его «Казармой». Передъ этой картиной надолго, бывало, онъ останавливался и, послѣ восторженнаго, сердечнаго панегирика знаменитому фламандцу, говаривалъ: «для этой одной картины можно пріѣхать изъ Америки». Тоже самое можно теперь сказать про его «Распятіе» и въ особенности про голову рыдающей Маріи Магдалины.

Послѣ объятій и поцѣлуевъ Жуковскій вышелъ въ другую комнату. Брюловъ, увидѣвши меня, улыбнулся и пошелъ за Жуковскимъ. Черезъ полчаса они возвратились въ мастерскую, и Брюловъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ, улыбаясь: «фундаментъ есть». Въ это самое время дверь отворилась и вошелъ Губеръ уже не въ путей-

скомъ мундирѣ, а въ черномъ щегольскомъ фракѣ. Едва успѣлъ онъ раскланяться, какъ подошелъ къ нему Жуковскій и, дружески пожимая ему руку, просилъ его прочитать послѣднюю сцену изъ Фауста, и Губеръ прочиталъ. Впечатлѣніе было полное, и поэтъ былъ награжденъ искреннимъ поцѣлуемъ поэта. Вскорѣ Жуковскій и графъ Віельгорскій вышли изъ мастерской, Губеръ на просторѣ прочиталъ намъ новорожденную Терпсихору, послѣ чего Брюловъ сказалъ:

— Я рѣшительно не ѣду смотрѣть Хитану.

— Почему? спросилъ Губеръ.

— Чтобы сохранить вѣру въ твою Терпсихору.

— Какъ такъ?

— Лучше вѣровать въ прекрасный вымыселъ, нежели...

— Да ты хочешь сказать, прервалъ его поэтъ, что мое стихотвореніе выше божественной Тальони. Мизинца, ногтя на ея мизинцѣ она не стоитъ, Богомъ тебѣ божусь! Да, я чуть было не забылъ, мы сегодня у Александра ѣдимъ макароны и стофато съ лакрима-кристи. Тамъ будетъ Несторъ, Миша ётс., etc..., и въ заключеніе Пьяненко. Ѣдемъ!

Брюловъ взялъ шляпу.

— Ахъ, я чуть было не забылъ... продолжалъ Губеръ, вынимая изъ кармана билеты; вотъ тебѣ два билета, а послѣ спектакля къ Нестору на биржу (такъ въ шутку назывались литературные вечера Кукольника).

— Помню, отвѣчалъ Брюловъ, и надѣвая шляпу, подалъ мнѣ билетъ.

— И вы съ нами? сказалъ Губеръ, обращаясь ко мнѣ.

— И я съ вами, отвѣчалъ я.

— Ѣдемъ, сказалъ Губеръ, и мы вышли въ корридоръ. Лукьянъ, затворяя дверь, проворчалъ:

— Вотъ тебѣ и ростбифъ!

Послѣ макаронъ, стофато и лакрима-кристи компанія отправилась на биржу, а мы, т. е. я, Губеръ и Карлъ Великій пошли въ театръ. Въ ожиданіи увертюры, я любовался произведеніями моего протеже. Для всѣхъ орнаментовъ и арабесковъ, украшающихъ плафонъ Большаго театра, рисунки были сдѣланы имъ по указаніямъ архитектора Кавоса. Это сообщилъ мнѣ не самъ онъ и не честолюбивый его хозяинъ, а машинистъ Карташевъ, который присутствовалъ постоянно при работахъ и по утрамъ рано угощалъ чаемъ моего протеже. Я хотѣлъ было сказать Брюлову про ара-

бески своего ученика, но увертюра грянула, всѣ, въ томъ числѣ и я, устремили глаза на занавѣсь. Увертюра кончилась; занавѣсь вздрогнула и поднялась; начался балетъ. До качучи все шло благополучно: публика держала себя, какъ и всякая благовоспитанная публика. Съ первымъ ударомъ кастаньетъ все вздрогнуло и затрепетало. Аплодисменты тихо, какъ раскаты грома вдали, пронеслись по залѣ, потомъ громче и громче, когда же качуча кончилась, раздался громъ рукоплесканій. Благовоспитанная публика, въ томъ числѣ и я, грѣшный, взбѣленилась: реветъ, кто во что горазд, кто браво, кто da саро, а кто только стонетъ, да руками и ногами работаетъ. Послѣ перваго припадка взглянулъ я на Карла Великаго, а у него бѣднаго потъ катитъ градомъ, работаетъ руками и ногами и что есть духу кричитъ: da саро!—Губеръ тоже. Я немного перевелъ духъ, да и себѣ ну валять за учителемъ.

Мало по малу ураганъ началъ стихать и въ десятый разъ вызванная чаровница выпорхнула на сцену и послѣ нѣсколькихъ, самыхъ граціозныхъ, присѣданій исчезла.

Тогда Карлъ Великій всталъ, вытеръ потъ съ чела и, обращаясь къ Губеру, сказалъ:

— Пойдемъ на сцену, познакомь меня съ ней.

— Пойдемъ, сказалъ Губеръ восторженно, и мы пошли за кулисы. За кулисами уже роилась толпа поклонниковъ, состоящая большею частью изъ почтенныхъ лысинъ, очковъ и биноклей. Мы и себѣ пристроились къ толпѣ. Не безъ труда просунулись мы въ центръ этой массы. И Боже мой, что мы тамъ увидѣли! Порхающая, легкая, какъ зефиръ, очаровательница лежала въ вольтеровскихъ креслахъ съ разинутымъ ртомъ и раздутыми, какъ у арабской лошади, ноздрями, а по лицу, какъ весной, текутъ мутные ручьи, смѣшанные съ потомъ,—бѣлила и румяна.

— Отвратительно! сказалъ Карлъ Великій и обратился вспять; я за нимъ, а бѣдный Губеръ, воистину бѣдный,—онъ только что кончилъ приличный случаю комплиментъ и, произнося фамилію Брюлова, оглянулся вокругъ себя, а Брюловъ исчезъ. Не знаю, какъ онъ выпутался изъ бѣды.

Оставался еще одинъ актъ балета, но мы оставили театръ, чтобы не портить дессерта капустой, какъ выразился Брюловъ. Не

знаю, посѣщалъ ли онъ балетъ послѣ Хитаны; знаю только, что онъ никогда не говорилъ о балетѣ.

Обращаюсь къ моему герою. Послѣ словъ, сказанныхъ мнѣ Брюловымъ: «фундаментъ положенъ», въ воображеніи моемъ надежды начали принимать болѣе опредѣленныя формы. Я началъ думать, чѣмъ бы лучшимъ занять своего ученика; домашнія средства мои ничтожны. Я думалъ объ античной галлереѣ; Андрей Григорьевичъ, смотритель галлереи, пожалуй и согласился бы, да въ галлереѣ статуи такъ освѣщены, что рисовать невозможно. Послѣ долгихъ размышленій я съ двугривеннымъ обратился къ живому Антиною, натурщику Тарасу, чтобы онъ въ неклассные часы пускалъ моего ученика въ гипсовый классъ. Такъ и сдѣлано. Впродолженіи недѣли онъ и обѣдалъ въ классѣ, нарисовалъ голову Люція Верра, распутнаго наперстника Марка Аврелія и голову Генія—произведенія Кановы. Потомъ перевелъ я его въ фигурный классъ и велѣлъ ему на первый разъ нарисовать *Антиноя* съ четырехъ сторонъ. Въ свободное время я приходилъ въ классъ и поощрялъ неутомимаго труженика фунтомъ ситника и кускомъ колбасы, а постоянно онъ обѣдалъ кускомъ чернаго хлѣба съ водою, если Тарасъ воды принесетъ. Бывало, и я полюбуюсь Бельведерскимъ торсомъ да не утерплю и сяду рисовать. Дивное, образцовое произведеніе древней скульптуры! Не даромъ слѣпой Микель Анджело ощупью восхищался этимъ кускомъ отдыхающаго Геркулеса. И странно! Нѣкій господинъ Герсевановъ въ своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ такъ художнически вѣрно оцѣниваетъ педагогическое произведеніе Микель Анджело, «Страшный судъ», фрески божественнаго Рафаэля и многія другія знаменитыя произведенія скульптуры и живописи, а въ Аполлонѣ Бельведерскомъ видитъ только кусокъ мрамора, ничего больше. Странно! Послѣ Антиноя мой пріятель сдѣлалъ рисунокъ Германика и танцующаго Фавна, и въ одно прекрасное утро я его представилъ Карлу Великому. Восторгъ моего ученика былъ неописанный, когда Брюловъ ласково и снисходительно похвалилъ его рисунки.

Я въ жизнь мою не видалъ веселѣе и счастливѣе человѣка, какъ онъ былъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

— Неужели Брюловъ всегда такой добрый, такой ласковый? спрашивалъ онъ меня нѣсколько разъ.

— Всегда, отвѣчалъ я.

— И эта красная комната любимая его комната?

— Любимая, отвѣчалъ я.

— Все красное! комната красная, диванъ красный, занавѣси у окна красныя, халатъ красный и рисунокъ красный! Все красное. Увижу ли я его еще когда нибудь такъ близко?

И послѣ этого вопроса пріятель мой начиналъ плакать. Я, разумѣется, не утѣшалъ его; да и какое участіе, какая утѣха можетъ быть выше этихъ счастливыхъ, этихъ райскихъ, божественныхъ слезъ?—Все красное! повторялъ онъ сквозь слезы.

Красная комната, увѣшанная большею частью восточнымъ дорогимъ оружіемъ, сквозь прозрачныя красныя занавѣси освѣщенная солнцемъ, меня, привыкшаго къ этой декораціи, на минуту поразила, а ему она осталась памятной до гроба. Послѣ долгихъ и страшныхъ испытаній, забылъ онъ все: и искусство, и духовную жизнь свою, и любовь, отравившую его, и меня, искренняго друга своего, все и все забылъ. Красная декорація и Карлъ Павловичъ было послѣднимъ его словомъ.

На другой день послѣ этого визита встрѣтился я съ Карломъ Павловичемъ, и онъ спросилъ меня адресъ, имя и фамилію господина моего *protegè*. Я сообщилъ ему. Онъ взялъ извощика и уѣхалъ, сказавши мнѣ: вечеромъ зайдите.

Въ вечеру я зашелъ.

— Это самая крупная свинья въ торжовскихъ туфляхъ!—такими словами встрѣтилъ меня Карлъ Павловичъ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я его, догадавшись, о комъ идетъ рѣчь.

— Дѣло въ томъ, что вы завтра сходите къ этой амфибіи, чтобы онъ назначилъ цѣну вашему ученику.

Карлъ Великій былъ не въ духѣ. Долго ходилъ онъ молча по комнатѣ, наконецъ плюнулъ и проговорилъ: вандализмъ!

— Пойдемте на верхъ, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и мы молча пошли въ верхнія комнаты, гдѣ помѣщались его спальня, библіотека и вмѣстѣ столовая.

Онъ велѣлъ подать лампу, попросилъ меня читать что нибудь вслухъ, а самъ сѣлъ кончать рисунокъ сепіей «Спящая одалиска» для альбома, кажется, Владиславлева.

Мирныя занятія наши однакожъ продолжались не долго. Его, какъ видно, все еще преслѣдовала свинья въ торжовскихъ туфляхъ.

– Пойдемте на улицу, сказалъ онъ, закрывая рисунокъ.

Мы вышли на улицу и долго ходили на набережной, потомъ вышли на Большой Проспектъ.

— Что онъ у васъ теперь дома? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я; онъ у меня не ночуетъ.

— Ну, такъ пойдемте ужинать, и мы зашли къ Дели.

Я видѣлъ не мало на своемъ вѣку разнаго разбора русскихъ помѣщиковъ, и богатыхъ, и средней руки, и хуторянъ. Видѣлъ даже такихъ, которые постоянно живутъ во Франціи и въ Англіи и съ восторгомъ говорятъ о благосостояніи тамошнихъ фермеровъ и мужиковъ, а у себя дома послѣднюю овцу у мужика грабятъ. Видѣлъ я много оригиналовъ въ этомъ родѣ, но такого оригинала, русскаго человѣка, который бы грубо принялъ у себя въ домѣ К. Брюлова, не видалъ.

Любопытство мое въ сильной степени было возбуждено, я долго не могъ заснуть: все думалъ и спрашивалъ самъ себя, что это такое за свинья въ торжовскихъ туфляхъ. Любопытство мое однако-жъ охладѣло, когда я на другой день по утру сталъ надѣвать фракъ; благоразуміе взяло верхъ. Благоразуміе говорило мнѣ, что эта свинья не такая интересная рѣдкость, чтобы изъ-за нея жертвовать собственнымъ самолюбіемъ, хотя дѣло требовало и большой жертвы. Но вотъ вопросъ: а если и я, по примѣру моего великаго учителя, не выдержу пытки? тогда что?

Подумавши немного, я снялъ фракъ, надѣлъ свое повседневное пальто и отправился къ старику Венеціанову. Онъ практикъ въ подобныхъ дѣлахъ: ему вѣрно не разъ и не два приходилось имѣть стычки съ этими оригиналами, стычки, изъ которыхъ онъ выходилъ съ честью.

Венеціанова я засталъ уже за работой. Онъ дѣлалъ тушью рисунокъ собственой же картины «Мать учитъ дитя молиться Богу». Рисунокъ этотъ предназначался для альманаха Владиславлева «Утренняя Заря».

Я объяснилъ ему причину несвоевременнаго визита и сообщилъ адресъ амфибіи. Старикъ оставилъ работу, одѣлся, и мы вышли на улицу. Онъ взялъ извощика и уѣхалъ, а я возвратился на квартиру, гдѣ и засталъ уже моего веселаго, счастливаго ученика. Веселость его и счастливость какъ будто омрачались чѣмъ-то;

онъ былъ похожъ на человѣка, который желаетъ подѣлиться съ пріятелемъ великой тайной, но и боится, чтобы эта тайна не сдѣлалась не тайной. Прежде чѣмъ я снялъ пальто и надѣлъ блузу, я замѣтилъ, что съ моимъ пріятелемъ что-то такъ да не такъ.

— Ну, что у тебя новенькаго? спросилъ я его: что ты дѣлалъ вчера въ вечеру? какъ поживаетъ твой хозяинъ?

— Хозяинъ ничего, отвѣчалъ онъ, запинаясь: я же читалъ Андрея Савояра, пока не легли спать, а потомъ зажегъ стеариновую свѣчу, что вы мнѣ дали, и рисовалъ.

— Что же ты рисовалъ? спросилъ я его:—съ эстампа? или такъ что нибудь?

— Такъ, сказалъ онъ, краснѣя.—Я недавно читалъ сочиненія Озерова, и мнѣ понравился «Эдипъ въ Аѳинахъ», такъ я пробовалъ компоновать.

— Это хорошо. Ты принесъ съ собою свою композицію? Покажи мнѣ ее.

Онъ вынулъ изъ кармана небольшой свертокъ бумаги и дрожащими руками развертывая его и подавая мнѣ, проговорилъ:

— Не успѣлъ перомъ обрисовать.

Это было первое его сочиненіе, которое съ такимъ трудомъ рѣшился онъ показать мнѣ. Мнѣ понравилась его скромность или, лучше сказать, робость: это вѣрный признакъ таланта. Мнѣ понравилось такъже и самое сочиненіе его по своей несложности: Эдипъ, Антигона и вдали Полиникъ, только три фигуры. Въ первыхъ опытахъ рѣдко встрѣчается подобный лаконизмъ; первоначальные опыты всегда многосложны, Молодое воображеніе не сжимается, не сосредоточивается въ одно многоговорящее слово, въ одну ноту, въ одну черту, ему нуженъ просторъ; оно паритъ и въ пареніи своей часто запутывается, падаетъ и разбивается о несокрушимый лаконизмъ.

Я похвалилъ его за выборъ сцены и посовѣтовалъ читать, кромѣ поэзіи, исторію больше всего и прилежнѣе срисовывать хорошіе эстампы, какъ напримѣръ Рафаэля, Вольпато или Пуссена Одрана.—И тѣ и другіе, говорю, есть у твоего хозяина, вотъ и рисуй въ свободное время, а книги я тебѣ буду доставать.—И тутъ же снабдилъ его нѣсколькими томами «Исторіи древней Греціи».

— У хозяина, проговорилъ онъ, принимая книги, кромѣ тѣхъ, что висятъ на стѣнахъ, полный портфель эстамповъ, но онъ

мнѣ не позволяетъ рисовать съ нихъ: боится, чтобы я не испортилъ. Да.... продолжалъ онъ улыбаясь, я сказалъ ему, что вы водили меня къ Карлу Павловичу и показывали мои рисунки и что... (тутъ онъ запнулся) и что они... да впрочемъ я самъ тому не вѣрю.

— Что-же? подхватилъ я; онъ не вѣритъ, что Брюловъ похвалилъ твои рисунки?

— Онъ не вѣритъ, чтобы я и видѣлъ Карла Павловича и назвалъ меня дуракомъ, когда я его увѣрялъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то говорить, какъ въ комнату вошелъ Венеціановъ и, снимая шляпу, сказалъ, усмѣхаясь:

— Ничего не бывало! Помѣщикъ, какъ помѣщикъ! Правда, онъ меня съ часъ продержалъ въ передней; ну, да у нихъ ужъ обычай такой. Что дѣлать, обычай—тотъ же законъ. Принялъ онъ меня у себя въ кабинетѣ. Вотъ кабинетъ мнѣ не понравился. Правда, все это роскошно, дорого, великолѣпно, но все это по японски великолѣпно. Сначала я повелъ рѣчь о просвѣщеніи вообще и филантропіи въ особенности. Онъ молча долго меня слушалъ со вниманіемъ и наконецъ прервалъ: «да вы скажите прямо, просто, чего вы хотите отъ меня съ вашимъ Брюловымъ? Одолжилъ онъ меня вчера, этотъ настоящій американскій дикарь»! И онъ громко захохоталъ. Я было сконфузился, но вскорѣ оправился и хладнокровно, просто объяснилъ ему дѣло.

— Вотъ такъ бы давно сказали, а то филантропія, какая тутъ филантропія! Деньги и больше ничего! прибавилъ онъ самодовольно.—Такъ вы хотите знать рѣшительную цѣну? Такъ ли я васъ понялъ?

— Я отвѣтилъ: дѣйствительно такъ.

— Такъ вотъ же вамъ моя рѣшительная цѣна: 2,500 рублей, согласны?

— Согласенъ, отвѣчалъ я.

— Онъ человѣкъ ремесленный,—продолжалъ онъ, при домѣ необходимый.... и еще что-то хотѣлъ говорить, но я поклонился и вышелъ. И вотъ я передъ вами, прибавилъ старикъ, улыбаясь.

— Сердечно благодарю васъ.

— Васъ сердечно блягодарю, сказалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку.—Вы мнѣ доставили случай хоть что нибудь сдѣлать въ

пользу нашего прекраснаго искусства и видѣть наконецъ чудака, который называетъ нашего великаго Карла американскимъ дикаремъ.

Старикъ добродушно засмѣялся.

— Я, послѣ смѣха сказалъ онъ, положилъ свою лепту, теперь за вами дѣло, а въ случаѣ неудачи я опять обращусь къ аглицкому клубу. До свиданья пока!

— Пойдемте вмѣстѣ къ Карлу Павловичу, сказалъ я.

— Не пойду, да и вамъ не совѣтую. Помните пословицу: не во время гость хуже татарина, тѣмъ паче у художника, да еще и по утру; это бываетъ хуже цѣлой орды татаръ.

— Вы меня заставляете краснѣть за сегодняшнее утро, проговорилъ я.

— Нисколько. Вы поступили, какъ истинный христіанинъ. Для труда и отдыха мы опредѣлили часы, но для добраго дѣла нѣтъ назначенныхъ часовъ. Еще разъ сердечно благодарю васъ за вашъ сегодняшній визитъ. До свиданья! Мы сегодня обѣдаемъ дома, приходите. Бельведерскаго, если увидите, тащите и его за собой,— прибавилъ онъ, уходя (Бельведерскимъ называлъ онъ Аполлона Николаевича Мокрицкаго, ученика Брюлова и страстнаго поклонника Шиллера).

На улицѣ разстался я съ Венеціановымъ и пошелъ сообщить Карлу Павловичу результатъ собственной дипломатіи. Но увы! даже Лукьяна не нашелъ. Липинъ, спасибо ему, выглянулъ изъ кухни и сказалъ, что они ушли въ портикъ. Я въ портикъ и тамъ заперто. (Портикомъ у насъ называлось зданіе за теперешнимъ академическимъ садомъ, гдѣ помѣщались мастерскія: Брюлова, барона Клодта, Заурвейда и Басина). Черезъ Литейный дворъ я вышелъ на улицу и, проходя мимо лавки Давицети, увидѣлъ въ окнѣ кудрявый профиль Карла Великаго. Увидя меня, онъ вышелъ на улицу.

— Ну что? спросилъ онъ.

— Гдѣ вы сегодня обѣдаете? спросилъ я.

— Не знаю, а что?

— А вотъ что, говорю я, пойдемте къ Венеціанову обѣдать; онъ вамъ такія чудеса разскажетъ про амфибію, какихъ вы навѣрное никогда не слыхали да никогда и не услышите.

— Хорошо, пойдемъ, сказалъ онъ, и мы отправились къ Венеціанову.

За обѣдомъ старикъ разсказалъ намъ исторію своего сегодняшнего визита и, когда дошла рѣчь до американскаго дикаря, всѣ мы захохотали, и обѣдъ кончился истерическимъ смѣхомъ.

Между Большимъ и Среднимъ Проспектомъ, въ 7-й линіи, въ домѣ Кастюрина нанималась большая квартира обществомъ поощренія художниковъ для своихъ пяти пансіонеровъ. Кромѣ комнатъ, занимаемыхъ пансіонерами, тамъ еще были двѣ учебныя залы, украшенныя античными статуями, какъ то: Венерой Медицейской, Аполлономъ, Германикомъ и группою гладіаторовъ. Этотъ пріютъ, вмѣсто гипсоваго класса, подъ покровительствомъ Тараса натурщика, я прочилъ для своего ученика. Кромѣ сказанныхъ статуй, тамъ былъ еще человѣческій скелетъ, а познаніе скелета для него было необходимо, тѣмъ болѣе, что онъ наизустъ рисовалъ анатомическую статую Фишера, а о скелетѣ не имѣлъ понятія.

Съ такою-то благою цѣлью, на другой день послѣ обѣда у Венеціанова, сдѣлалъ я визитъ бывшему тогда секретарю общества В. И. Григоровичу и испросилъ у него позволеніе моему ученику посѣщать пансіонерскія учебныя залы.

Обязательный Василій Ивановичъ далъ мнѣ въ видѣ билета на входъ записку къ художнику Головни, живущему вмѣстѣ съ пансіонерами въ видѣ старшины.

Не слѣдовало-бы мнѣ останавливаться на такомъ жалкомъ явленіи, какъ художникъ Головня, но какъ онъ явленіе рѣдкое, тѣмъ болѣе рѣдкое между художниками, то я и скажу о немъ нѣсколько словъ.

Сильно, рѣзко нарисованная фигура Плюшкина блѣднѣетъ передъ этимъ анти-художникомъ Головней. У Плюшкина по крайней мѣрѣ была юность, а слѣдовательно и радость, хоть не полная, не ликующая радость, но все таки радость, а у этого бѣдняка ничего и похожаго не было на юность и на радость.

Онъ былъ пансіонеромъ общества поощренія художниковъ и когда, по конкурсу академіи художествъ, онъ долженъ былъ исполнить программу на вторую золотую медаль (сюжетъ программы былъ: Адамъ и Ева надъ трупомъ своего сына Авеля) и для исполненія картины понадобилась женская модель, а ея въ Петербургѣ не легко, а главное не дешево достать можно, то парень смекнулъ дѣло и отправился къ щедрому покровителю художни-

ковъ и тогдашнему президенту общества поощренія художниковъ Кикину просить вспомоществованія, т. е. денегъ для найма натурщицы и, получивши сто-рублевую асигнацію, зашилъ ее въ тюфякъ, а первозданную красавицу нарисовалъ съ куклы, которую употребляютъ живописцы для драпировокъ.

Кто знаетъ, что значитъ золотая медаль для молодаго художника, тотъ пойметъ отвратительную душонку юноши-скареды. Предъ нимъ Плюшкинъ просто мотыга.

Этому-то нравственному уроду представилъ я при запискѣ моего нравственно прекраснаго найденыша. На первый разъ я самъ вынулъ изъ шкафа скелетъ, усадилъ его на стулѣ въ позиціи самаго отчаяннаго кутилы и, легкими чертами означивши общее положеніе скелета, предложилъ ученику своему нарисовать подробности.

Черезъ два дня я съ великимъ удовольствіемъ сравнивалъ его рисунокъ съ анатомическими литографированными рисунками Басина и находилъ подробности отчетливѣе и вѣрнѣе. Но это, можетъ быть, увеличительное стекло виновато, въ которое я смотрѣлъ на своего найденыша. Какъ-бы то ни было, только мнѣ его рисунокъ нравился.

Онъ продолжалъ въ разныхъ положеніяхъ рисовать скелетъ и, подъ покровительствомъ натурщика Тараса, статую повѣшеннаго Аполлономъ Мидаса. Все шло своимъ чередомъ; своимъ-же чередомъ зима проходила, а весна близилась. Ученикъ мой замѣтно сталъ худѣть, блѣднѣть и задумываться.

— Что съ тобой? спрашивалъ я его; здоровъ-ли ты?

— Здоровъ, отвѣчалъ онъ печально.

— Чего-же ты плачешь?

— Я не плачу, я такъ.

А слезы ручьемъ лились изъ его прекрасныхъ выразительныхъ очей. Я не могъ разгадать, что все это значитъ и начиналъ уже думать, не стрѣла-ли злого амура поразила его непорочное, молодое сердце; какъ въ одно почти весеннее утро онъ сказалъ мнѣ, что ежедневно посѣщать меня не можетъ, потому что съ понедѣльника начнутся работы и онъ долженъ будетъ опять заборы красить.

Я какъ могъ ободрялъ его, но о намѣреніяхъ Карла Павловича не говорилъ ему ни слова, и болѣе потому, что самъ не зналъ положительно ничего такого, на чемъ-бы можно было основать надежду.

Въ воскресенье посѣтилъ я его хозяина съ тѣмъ намѣреніемъ, что нельзя-ли будетъ замѣнить моего ученика обыкновеннымъ простымъ маляромъ.

— Почему нельзя? Можно, отвѣчалъ хозяинъ, пока еще живописныя работы не начались, а тогда ужъ извините: онъ у меня рисовальщикъ, а рисовальщикъ, вы сами знаете, что значитъ въ нашемъ художничествѣ. Да вы какъ полагаете, продолжалъ онъ: въ состояніи ли онъ будетъ поставить за себя работника?

— Я самъ поставлю работника.

— Вы? съ удивленіемъ спросилъ хозяинъ. Да съ какой радости, съ какой корысти вы-то хлопочете?

— Такъ, отвѣчалъ я, отъ нечего дѣлать, для собственнаго удовольствія.

— Хорошо удовольствіе—зря сорить деньгами! Видно, у васъ ихъ и куры не клюютъ, замѣтилъ мой собесѣдникъ и улыбнувшись самодовольно, продолжалъ:

— Напримѣръ, по скольку вы берете за портретъ?

— Каковъ портретъ? отвѣчалъ я, предугадывая его мысль, и каковъ давалецъ. Вотъ съ васъ, напримѣръ, я болѣе ста рублей серебра не возьму.

— Ну, нѣтъ, батюшка, съ кого угодно берите по сту цѣлковыхъ, а съ насъ кабы десяточекъ взяли, такъ это еще куда ни шло.

— Такъ лучше-жъ мы сдѣлаемъ вотъ какъ, сказалъ я, подавая ему руку; отпустите мнѣ мѣсяца на два вашего рисовальщика—вотъ вамъ и портретъ.

— На два, проговорилъ онъ въ раздумьи, на два много, не могу. На мѣсяцъ можно.

— Ну, хоть на мѣсяцъ, согласенъ, сказалъ я. И мы, какъ барышники, ударили по рукамъ.

— Когда же начнемъ? спросилъ онъ меня.

— Хоть завтра, сказалъ я, надѣвая шляпу.

— Куда же вы? а могорычу-то?

— Нѣтъ, благодарю васъ; когда кончимъ, тогда можно будетъ. До свиданія!

— До свиданія!

Что значитъ одинъ быстрый мѣсяцъ свободы между многими тяжелыми длинными годами неволи? Въ четверикѣ маку—одно зернышко. Я любовался моимъ пріятелемъ въ продолженіи этого счастливаго мѣсяца. Его выразительное юношеское лице сіяло такою свѣтлою радостью, такимъ полнымъ счастіемъ, что я, прости меня Господи, позавидовалъ ему. Бѣдная, но пріятная и чистая его костюмировка казалась мнѣ щегольскою; даже фризовая шинель его казалась мнѣ изъ байки, самой лучшей русской байки. У m-me Юргенсъ во время обѣда никто не посматривалъ искоса то на него, то на меня: значитъ не я одинъ въ немъ видѣлъ такую счастливую перемѣну. Въ одинъ изъ этихъ счастливыхъ дней мы шли вдвоемъ къ m-me Юргенсъ и встрѣтили на Большомъ Проспектѣ Карла Павловича.

— Куда вы? спросилъ онъ насъ.

— Къ мадамъ Юргенсъ, отвѣчалъ я.

— И я съ вами. Мнѣ что-то вдругъ ѣсть захотѣлось, сказалъ онъ и повернулъ съ нами въ третью линію.

Карлъ Великій любилъ изрѣдка посѣтить досужую m-me Юргенсъ: ему нравилась не сама услужливая мадамъ Юргенсъ и не служанка ея, Олимпіада, которая была моделью для Агари покойному Петровскому,—ему нравилось, какъ истинному артисту, наше разнохарактерное общество. Тамъ онъ могъ видѣть и бѣднаго труженика сенатскаго чиновника, въ единственномъ, весьма не щегольскомъ вицъ-мундирѣ, и университетскаго студента, тощаго и блѣднаго, лакомившагося обѣдомъ m-me Юргенсъ за деньгу, полученную имъ отъ богатаго бурша кутилы за переписку лекцій Фишера. Тутъ многое и многое онъ видѣлъ такое, чего онъ не могъ видѣть ни у Дюме, ни у Санжоржа.

Юргенсъ предлагала ему въ особенной комнатѣ накрытый столъ и особенное какое нибудь кушанье, наскоро приготовленное, отчего онъ, какъ истинный соціалистъ, всегда отказывался. Но въ этотъ разъ не отказался и велѣлъ накрыть столъ въ особой комнатѣ на три прибора и послалъ Олимпіаду къ Фоксу за бутылкой Джаксона.

Мадамъ Юргенсъ земли подъ собой не слышала; такъ забѣгала, засуетилась, что чуть чуть было свой новый парикъ не сдернула вмѣстѣ съ чепцомъ, когда вспомнила, что надо чепецъ перемѣнить для столь дорогого гостя.

Для нея Брюловъ былъ дѣйствительно дорогой гость. Съ того самого дня, какъ онъ въ первый разъ посѣтилъ ее, нахлѣбники у нея стали множиться со дня на день, и какіе нахлѣбники,—не шушера какая нибудь—художники, студенты да двугривенные сенатскіе чиновники, а люди, для которыхъ нужна была бутылка Медоку и какой нибудь особенный бефъ-стексъ. И это весьма естественно. Если платятъ четвертакъ за то, чтобы посмотрѣть даму изъ Амстердама, то почему же не заплатить тридцать копѣекъ, чтобы посмотрѣть вблизи на Брюлова? И m-me Юргенсъ вполнѣ это понимала и по мѣрѣ возможности пользовалась.

Ученикъ мой молча сидѣлъ за столомъ, молча и блѣдный выпилъ стаканъ Джаксона и молча пожалъ руку Карла Великаго, и на квартиру пришелъ молча, а дома уже не раздѣваясь упалъ на полъ и проплакалъ остатокъ дня и цѣлую ночь.

Еще недѣля оставалась его независимости, но онъ на другой день послѣ описаннаго мною обѣда свернулъ въ трубку свои рисунки и, не сказавши мнѣ ни слова, вышелъ за двери. Я думалъ, что онъ пошолъ по обыкновенію въ седмую линію, а потому и не спрашивалъ его, куда онъ идетъ. Пришло время обѣда,—его нѣтъ, и ночь пришла,—его нѣтъ. На другой день я пошелъ къ его хозяину, и тамъ нѣтъ. Я испугался и не зналъ, что думать. На третій день передъ вечеромъ онъ приходитъ ко мнѣ болѣе обыкновеннаго блѣдный и разстроенный.

— Гдѣ ты былъ? спрашиваю я; что съ тобою? ты боленъ? ты нездоровъ?

— Нездоровъ, едва внятно отвѣчалъ онъ.

Я послалъ дворника за Жадовцевымъ, частнымъ лекаремъ, а самъ принялся раздѣвать его и укладывать въ постель. Онъ, какъ кроткій ребенокъ, повиновался мнѣ. Жадовцевъ пощупалъ пульсъ и посовѣтывалъ мнѣ отправить его въ больницу, потому, говоритъ, что горячку при вашихъ средствахъ дома лечить опасно.

Я послушался его и въ тотъ же вечеръ отвезъ своего бѣднаго ученика въ больницу св. Маріи Магдалины, что у Тучкова моста.

Благодаря вліянію частнаго лекаря Жадовцева, больного моего приняли безъ узаконенныхъ формальностей. На другой день я далъ знать хозяину его о случившемся, и форма была исполнена со всѣми аксесуарами.

Я посѣщалъ его каждый день по нѣскольку разъ, и всякій разъ, когда я выходилъ изъ больницы, мнѣ становилось грустнѣе и грустнѣе. Я такъ привыкъ къ нему, я такъ сроднился съ нимъ, что безъ него я не зналъ, куда дѣваться. Пойду бывало на Петербургскую сторону, сверну въ Петровскій паркъ (въ то время еще зачинавшійся), выйду къ дачамъ Соболевскаго и опять назадъ въ больницу, а онъ все еще горитъ огнемъ. Спрашиваю у сидѣлки: что, не приходитъ въ себя?—Нѣтъ, батюшка.—Не бредитъ?—Одно только: красный и красный.—Ничего больше?—Ничего, батюшка. И я опять выхожу на улицу, и опять прохожу Тучковъ мостъ и посѣщаю дачу г. Соболевскаго и опять возвращаюсь въ больницу.

Такъ прошло восемь дней. На девятый онъ пришелъ въ себя и, когда я подходилъ къ нему, онъ посмотрѣлъ на меня такъ пристально, такъ выразительно, такъ сердечно, что я этого взгляда никогда не забуду. Хотѣлъ онъ сказать мнѣ что-то и не могъ, хотѣлъ протянуть мнѣ руку и только заплакалъ. Я ушелъ.

Въ корридорѣ встрѣтившійся мнѣ дежурный медикъ сказалъ что опасность миновала, что молодая сила взяла свое.

Успокоенный добрымъ медикомъ, я пришелъ къ себѣ на квартиру. Закурилъ сигару. Сигара какъ-то плохо курилась; я бросилъ ее, вышелъ на бульваръ. Все что-то не такъ, все чего-то не достаетъ для моей радости. Я пошелъ въ академію, зашелъ къ Карлу Павловичу, его нѣтъ дома. Выхожу на набережную, а онъ стоитъ себѣ у огромнаго сфинкса и смотритъ, какъ по вскрывшейся Невѣ скользитъ яликъ съ веселыми пассажирами, а за нимъ тянется длинная тоненькая серебрянная струйка.

— Что, вы были у меня въ мастерской? спросилъ онъ меня, не здороваясь.

— Не былъ, отвѣчалъ я.

— Пойдемте.

И мы молча пошли въ его домашнюю мастерскую. Въ мастерской застали мы Липина. Онъ принесъ съ свѣжими красками палитру и, усѣвшись въ спокойномъ креслѣ, любовался еще не вы-

сохшимъ подмалевкомъ портрета В. А. Жуковскаго. При входѣ нашемъ бѣдный Липинъ соскочилъ, переконфузился, какъ школьникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія.

— Спрячьте палитру: я сегодня работать не буду, сказалъ Карлъ Павловичъ Липину и сѣлъ на его мѣсто; по крайней мѣрѣ съ полчаса молча смотрѣлъ онъ на свое произведеніе и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Взглядъ долженъ быть мягче: его стихи такіе мягкіе, сладкіе. Не правда-ли?

И, не давъ мнѣ отвѣтить, продолжалъ:

— А знаете-ли вы назначеніе этого портрета?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

Еще минутъ десять молчанія; потомъ онъ всталъ, взялъ шляпу и проговорилъ:

— Пойдемте на улицу, я разскажу вамъ назначеніе портрета.

Выйдя на улицу, онъ сказалъ:

— Я раздумалъ, объ этихъ вещахъ не разсказываютъ прежде времени. При томъ-же я вполнѣ увѣренъ, что вы не любопытны, прибавилъ онъ шутя.

— Если вамъ такъ хочется, сказалъ я, пусть это останется загадкой для меня.

— Только до другаго сеанса.—Ну что вашъ протеже, лучше-ли ему?

— Началъ приходить въ себя.

— Стало быть, опасность миновала?

— По крайней мѣрѣ такъ медикъ говоритъ.

— До свиданья, сказалъ онъ, протягивая руку, зайду къ Гильбергу.—Едва-ли онъ, бѣдный, встанетъ, прибавилъ онъ грустно, и мы разстались.

Меня чрезвычайно заинтересовалъ этотъ таинственный портретъ. Я издалека догадывался о его назначеніи; и какъ сильно ни хотѣлось мнѣ убѣдиться въ истинѣ моей догадки, однако я имѣлъ столько мужества, что даже не намекнулъ о ней Карлу Великому.

Правда въ одно прекрасное утро сдѣлалъ я визитъ В. А. Жуковскому подъ предлогомъ полюбоваться сухими контурами Корнеліуса и Петра Гессе, а на самомъ дѣлѣ затѣмъ, не провѣдаю-ли чего о таинственномъ портретѣ. Однакожъ я ошибся.

Кленцъ, Валгала, Пинакотека и вообще Мюнхенъ занялъ все утро, такъ что даже о Дюссельдорфѣ не было помянуто ни одного слова, а портрета просто на свѣтѣ не существовало.

Восторженныя похвалы германскому искусству незабвеннаго Василія Андреевича были прерваны приходомъ графа М. Ю. Віельгорскаго.

— Вотъ вина и причина теперешнихъ хлопотъ вашихъ, сказалъ Василій Андреевичъ, указывая на меня графу.

Графъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку. Я сдѣлалъ уже проэктъ на вопросъ, какъ вошелъ слуга и проговорилъ какую-то незнакомую мнѣ превосходительную фамилію. Я нашелъ свой проэктъ неудобоисполнимымъ, раскланялся и вышелъ, какъ говорится, съ носомъ.

А между тѣмъ молодое здоровье брало свое. Мой ученикъ, какъ тотъ сказочный пресловутый богатырь, оживалъ и крѣпчалъ не по днямъ, а по часамъ. Онъ въ какую нибудь недѣлю послѣ двухнедѣльной горячки сталъ на ноги и ходилъ, хотя придерживаясь за свою койку, но такой скучный и невеселый, что я, не взирая на наставленія медика—не говорить съ нимъ объ отвлеченныхъ предметахъ, спросилъ его однажды:

— Ты здоровѣешь? тебѣ весело? чего-же ты скучаешь?

— Я не скучаю, мнѣ весело, но я не знаю, чего мнѣ хочется.... мнѣ хотѣлось-бы читать.

Я спросилъ у медика, можно-ли ему дать читать что нибудь.

— Не давайте, тѣмъ болѣе чтенія серьезнаго.

— Что-же мнѣ съ нимъ дѣлать? Сидѣлкой его я не могу быть, а болѣе ему помочь нечѣмъ.

Въ этомъ тяжеломъ раздумьи вспала мнѣ на память «Перспектива» Альберта Дюрера съ русскимъ толкованіемъ, которую я во время оно изучалъ, изучалъ, да и бросилъ, не добравшись толку. И странно, я вспомнилъ о путаницѣ Альберта Дюрера и совсѣмъ забылъ о толковомъ, прекрасномъ курсѣ линейной перспективы нашего профессора Воробьева. Чертежи этого курса перспективы у меня были въ портфелѣ (правда въ безпорядкѣ). Я собралъ ихъ и, сначала посовѣтовавшись съ медикомъ, отдалъ ихъ ученику своему вмѣстѣ съ цыркулемъ и треугольникомъ, и тутъ-же прочиталъ ему первый урокъ линейной перспективы. Второй и третій уроки

перспективы нечего мнѣ уже было толковать ему: онъ какъ быстро выздоравливалъ, такъ быстро и понималъ эту математическую науку, не зная впрочемъ четырехъ правилъ ариѳметики.

Уроки перспективы кончились. Я просилъ старшаго медика выписать моего ученика изъ больницы, но медикъ растолковалъ мнѣ, что для окончательнаго излѣченія ему необходимо еще пробыть подъ медицинскимъ надзоромъ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ. Скрѣпя сердце, я согласился.

Въ продолженіи этого времени часто я встрѣчался съ Карломъ Павловичемъ, видѣлъ раза два или три портретъ В. А. Жуковскаго послѣ второго сеанса. Въ разговорѣ съ Карломъ Павловичемъ замѣчалъ я неумышленные намеки на какой-то секретъ, но не знаю, почему я самъ отстраняль его откровенность. Я какъ будто чего-то боялся, а между прочимъ почти угадывалъ секретъ.

Тайна вскорѣ открылась. 22 апрѣля 1838 года по утру рано получаю я собственноручную записку В. А. Жуковскаго, такого содержанія:

Милостивый государь
N. N.

Приходите завтра въ одинадцать часовъ къ Карлу Павловичу и дожидайтесь меня у него; дожидайтесь меня непремѣнно, какъ-бы я поздно не пріѣхалъ.

В. Жуковскій.

P. S. Приведите и его съ собою.

Слезами облилъ я эту святую записку и, не довѣряя ее карману, сжалъ въ кулакѣ и побѣжалъ въ больницу. Швейцаръ, хотя и имѣлъ приказаніе пропускать меня во всѣ часы дня, на этотъ разъ однако-жъ не пустилъ, сказавши: «рано, ваше благородіе, больные еще спятъ». Меня это немного охолодило; я разжалъ кулакъ, развернулъ записку, прочиталъ ее чуть-чуть не по складамъ, бережно сложилъ ее и положивъ въ карманъ, степенными шагами воротился на квартиру, въ душѣ благодаря швейцара за то, что онъ остановилъ меня.

Давно, очень давно, еще въ приходскомъ училищѣ украдкою отъ учителя читалъ я знаменитую «Перелицовану Энеиду» Котляревскаго и

Коли чого въ рукахъ не маешъ,
То не кажи, що вже твое.

Эти два стиха такъ глубоко мнѣ врѣзались въ память, что я и теперь, повторяя ихъ, часто примѣняю къ дѣлу. Эти-то два стиха и пришли мнѣ на память, когда я возвращался на квартиру. И въ самомъ дѣлѣ, зналъ-ли я навѣрно, что эта святая записка относится къ его дѣлу? Не зналъ, только предчувствовалъ, а предчувствіе часто обманываетъ. А что, если-бъ оно и теперь обмануло? Какое-бъ я страшное сдѣлалъ зло и кому еще, любимѣйшему человѣку! Я самъ себя испугался при этой мысли.

Въ продолженіи этихъ длиннѣйшихъ сутокъ я разъ двадцать подходилъ къ двери Карла Павловича и съ какимъ-то непонятнымъ страхомъ возвращался назадъ; чего я боялся, и самъ не знаю. Въ двадцать первый разъ я рѣшился позвонить и Лукьянъ, выглянувши въ окно, сказалъ: «ихъ нѣтъ дома». У меня какъ гора съ плечъ свалилась, какъ будто я совершилъ огромный подвигъ и наконецъ вздохнулъ свободно.

Бодро выхожу я изъ академіи на третью линію, и какъ тутъ Карлъ Павловичъ на встрѣчу. Я совершенно растерялся и хотѣлъ было бѣжать отъ него, но онъ остановилъ меня вопросомъ.

— Вы получили записку Жуковскаго?

— Получилъ, едва внятно отвѣтилъ я.

— Приходите-же ко мнѣ завтра въ одинадцать часовъ. До свиданья! Да.... если онъ можетъ, приведите его съ собой, прибавилъ онъ, удаляясь.

— Ну, подумалъ я, теперь ни малѣйшаго сомнѣнія, а все таки

Коли чого въ рукахъ не маешъ,
То не кажи, що вже твое.

Прошло нѣсколько минутъ, и это мудрое изреченіе выпарилось изъ моей весьма не практической головы. Мною овладѣло непреодолимое желаніе привести моего больного завтра къ Карлу Павловичу. А позволитъ ли медикъ? вотъ вопросъ. И чтобы разрѣшить его, я пошелъ къ доктору на квартиру, засталъ его дома и разсказалъ ему причину моего внезапнаго визита. Докторъ привелъ мнѣ нѣсколько фактовъ умопомѣшательства, причиною котораго были внезапная радость или внезапное горе. А тѣмъ болѣе, заключилъ онъ, что вашъ протеже не совсѣмъ еще оправился послѣ горячки. На такіе аргументы отвѣчать было нечѣмъ, и я, поблагодаривши доктора за добрый совѣтъ, откланялся и вышелъ на улицу.

Долго шлифовалъ я мостовую безъ всякаго намѣренія; хотѣлъ было зайти къ старику Венеціанову, не скажетъ ли онъ мнѣ чего опредѣленнаго, но было уже за полночь; а онъ не нашъ братъ холостякъ, слѣдовательно и думать нечего о полунощномъ посѣщеніи. Не пойти ли мнѣ, подумалъ я, на Троицкій мостъ полюбоваться восходомъ солнца? Но до Троицкаго моста не близко, а я началъ уже чувствовать усталость. Не ограничиться ли мнѣ безмятежнымъ сидѣньемъ у сихъ огромныхъ сфинксовъ? Вѣдь все равно та же Нева. Та же, да не та. И подумавши, я направился къ сфинксамъ. Сѣвши на гранитную скамью и прислонясь къ бронзовому грифону, я долго любовался на тихоструйную красавицу Неву.

Съ восходомъ солнца пришелъ на Неву за водой академическій швейцаръ и разбудилъ меня, приговаривая въ родѣ поученья: благо еще люди не ходятъ, а то подумали-бъ какой гулящій.

Поблагодаривъ гривенникомъ швейцара за услугу, я отправился на квартиру и заснулъ уже настоящимъ, какъ говорится, хозяйскимъ сномъ.

Ровно въ одинадцать часовъ явился я на квартиру Карла Павловича, и Лукьянъ, отворяя мнѣ дверь, сказалъ: «просили подождать». Въ мастерской въ глаза мнѣ бросилась только по славѣ и Миллерову эстампу знаемая, знаменитая картина Цампіери «Іоаннъ Богословъ». Опять недоумѣніе: не по случаю ли этой картины пишетъ мнѣ Василій Андреевичъ? Зачѣмъ же онъ пишетъ: «приведите и его съ собой». Записка была при мнѣ, я досталъ ее и прочитавши нѣсколько разъ P. S., не много успокоился и подошелъ къ картинѣ поближе, но проклятое сомнѣніе мѣшало мнѣ вполнѣ насладиться этимъ въ высшей степени изящнымъ произведеніемъ.

Какъ не мѣшало мнѣ сомнѣніе, однакожъ я не замѣтилъ, какъ вошелъ въ мастерскую Карлъ Великій въ сопровожденіи графа Вielьгорскаго и В. А. Жуковскаго. Я съ поклономъ уступилъ имъ свое мѣсто и отошелъ къ портрету Жуковскаго. Они долго любовались великимъ произведеніемъ бѣднаго мученика Цампіери, а я замиралъ отъ ожиданія. Наконецъ Жуковскій вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ форменно сложенную бумагу.

Я развернулъ бумагу,—это была отпускная нашего общаго *protegè*, засвидѣтельствованная графомъ Вielьгорскимъ, Жуковскимъ и К.

Брюловымъ. Я набожно перекрестился и трижды поцѣловалъ эти знаменитыя рукоприложенія.

Благодарилъ я, какъ могъ, великое и человѣколюбивое тріо и раскланявшись, какъ попало, вышелъ въ корридоръ и побѣжалъ прямо къ Венеціанову. Старикъ встрѣтилъ меня радостнымъ вопросомъ: что новаго? Я молча вынулъ изъ кармана драгоцѣнный актъ и подалъ ему.

— Знаю, все знаю, сказалъ онъ, возвращая мнѣ бумагу.

— Да я то ничего не знаю! Ради Бога, разскажите мнѣ, какъ это все совершилось.

— Слава Богу, что совершилось, а мы сначала пообѣдаемъ, а потомъ я примусь разсказывать: исторія длинная, а главное прекрасная исторія.

И, возвыся голосъ, онъ прочиталъ стихъ Жуковскаго:

Дѣти, овсяный кисель на столѣ, читайте молитву!

— Читаемъ, папаша, раздался женскій голосъ, и въ сопровожденіи А. Н. Мокрицкаго вышли изъ гостиной дочери Венеціанова, и мы сѣли за столъ.

За обѣдомъ противъ обыкновенія какъ-то было шумнѣе и веселѣе. Старикъ воодушевился и разсказалъ исторію портрета В. А. Жуковскаго и почти не упомянулъ о собственномъ участіи въ этой благородной исторіи. Только въ заключеніе прибавилъ:

— Да я только былъ простымъ маклеромъ въ этомъ великодушномъ дѣлѣ.

А самое то дѣло было вотъ какъ.

Карлъ Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго, а Жуковскій и графъ Віельгорскій этотъ самый портретъ предложили августѣйшему семейству за 2,500 руб. ассигн. и за эти деньги освободили моего ученика, а старикъ Венеціановъ, какъ онъ самъ выразился, разыгралъ въ этомъ добромъ дѣлѣ роль усерднаго и благороднаго маклера.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? спрашивалъ я; когда и какъ мнѣ объявить ему эту радость?

Венеціановъ говоритъ мнѣ то же самое, что и врачъ сказалъ, и я совершенно убѣжденъ въ необходимости этой предосторожности. Да какъ-же я утерплю! Или прекратить свои посѣщенія на нѣкоторое время? Нельзя: онъ подумаетъ, что я тоже заболѣлъ или покинулъ его, и будетъ мучиться. Подумавши, я вооружился всею си-

лою воли, пошелъ въ больницу Маріи Магдалины. Первый сеансъ выдержалъ, какъ лучше не надо, за вторымъ и третьимъ визитомъ я уже началъ его по немногу приготовлять. Спрашивалъ медика, какъ скоро его можно выписать изъ больницы; медикъ не совѣтовалъ торопиться, и я опять началъ мучиться нетерпѣніемъ.

Однажды по утру приходитъ ко мнѣ бывшій хозяинъ моего больного и безъ дальнихъ околичностей начинаетъ упрекать меня, что я его ограбилъ самымъ варварскимъ образомъ, что я укралъ у него лучшаго работника и что онъ черезъ меня теряетъ по крайней мѣрѣ не одну тысячу рублей. Я долго не могъ понять, въ чемъ дѣло и какимъ родомъ я попалъ въ грабители. Наконецъ онъ мнѣ сказалъ, что вчера призывалъ его помѣщикъ, разсказалъ ему весь ходъ дѣла и требовалъ отъ него уничтоженія контракта, и что вчера-же онъ былъ въ больницѣ и что больной ничего про это не знаетъ.

— Вотъ тебѣ и предосторожности! подумалъ я.

— Чего-же вы теперь отъ меня хотите? спросилъ я у него.

— Ничего, хочу узнать только, правда-ли все это.

Я отвѣчалъ: правда, и мы разстались.

Я былъ доволенъ такимъ оборотомъ дѣла: больной теперь уже приготовленъ и можетъ принять это извѣстіе спокойнѣе, чѣмъ прежде.

— Правда-ли? можно-ли вѣрить тому, что я слышалъ? такимъ вопросомъ встрѣтилъ онъ меня у дверей своей палаты.

— Я не знаю, что ты слышалъ.

— Мнѣ говорилъ вчера хозяинъ, что... я...

И онъ остановился, какъ бы боясь окончить фразу, и, помолчавши не много, едва слышно проговорилъ: что я отпущенъ... что вы... И онъ залился слезами.

— Успокойся, сказалъ я ему: это еще только похоже на правду.

Но онъ ничего не слышалъ и продолжалъ плакать.

Черезъ нѣсколько дней онъ выписался изъ больницы и поселился у меня на квартирѣ совершенно счастливый.

Много, неизчислимо много прекраснаго въ божественной безсмертной природѣ, но торжество и вѣнецъ безсмертной красоты это оживленное счастьемъ лице человѣка. Возвышеннѣе, прекраснѣе въ природѣ я ничего не знаю. И этою-то прелестью разъ въ жизни моей удалось мнѣ вполнѣ насладиться. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней мой ученикъ былъ такъ счастливъ, такъ прекрасенъ, что

я не могъ смотрѣть на него безъ умиленія. Онъ переливалъ и въ мою душу свое безграничное счастіе. Восторги его смѣнялись тихой улыбающейся радостью. Во всѣ эти дни хоть онъ и принимался за работу, но работа ему не давалась, и онъ, было, положитъ свой рисунокъ въ портфель, вынетъ изъ кармана отпускную, прочитаетъ ее чуть не по складамъ, перекрестится, поцѣлуетъ и заплачетъ. Чтобы ствлечь его вниманіе отъ предмета его радости, я взялъ у него отпускную подъ предлогомъ засвидѣтельствованія ея въ гражданской палатѣ, а его каждый день водилъ въ академическія галлереи, а когда было готово платье, я, какъ нянька, одѣлъ его, и пошли мы въ губернское правленіе. Засвидѣтельствовавши священный актъ, сводилъ я его въ Строгонову галлерею, показалъ ему оригиналъ Веласкеза, и тѣмъ кончились въ тотъ день наши похожденія.

На другой день часу въ десятомъ утра одѣлъ я его снова и отвелъ къ Карлу Павловичу и, какъ отецъ любимаго сына передаетъ учителю, такъ я его передалъ безсмертному нашему Карлу Павловичу Брюлову. Съ того дня онъ началъ посѣщать академическія классы и сдѣлался пансіонеромъ общества поощренія художниковъ.

Давно уже собирался я оставить нашу сѣверную Пальмиру для какого нибудь смиреннаго уголка гостепріимной провинціи. Въ текущемъ году желанный уголокъ опростался при одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ, и я не преминулъ воспользоваться имъ. Во время оно, когда я посѣщалъ гипсовый классъ и мечталъ о странѣ чудесъ, о всемірной столицѣ, увѣнчанной куполомъ Буонароти, въ то время, если-бы мнѣ предложили мѣсто рисовальнаго учителя при университетѣ, я бросилъ-бы карандашъ и воскликнулъ: стоитъ-ли послѣ этого изучать божественное искусство! А теперь, когда уравновѣсилось воображеніе съ здравымъ смысломъ, когда въ грядущее не сквозь радужную призму, а такъ просто смотришь, то противъ воли лѣзетъ въ голову поговорка: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки».

Еще зимою мнѣ слѣдовало отправиться на мѣсто, но кое-какія собственныя дѣлишки, а въ особенности дѣло ученика, теперь уже не моего, а К. П. Брюлова, меня задержали въ столицѣ; потомъ болѣзнь его и продолжительное выздоровленіе и наконецъ финансы. Когда все это пришло къ благополучному концу, я, какъ

сказалъ уже, пріютилъ своего любимца подъ крыломъ Карла Великаго и въ первыхъ числахъ мая оставилъ и надолго оставилъ столицу.

Оставляя возлюбленнаго моего, я передалъ ему свою квартиру съ мольбертомъ и прочею мизерною мебелью и со всѣми гипсовыми вещами, которыхъ тоже нельзя было взять съ собою, и совѣтовалъ ему до слѣдующей зимы пригласить товарища къ себѣ, съ тѣмъ, что зимой пріѣдетъ къ нему Штернбергъ. Послѣдній былъ тогда въ Малороссіи и я, условившись встрѣтиться съ нимъ у одного общаго знакомаго нашего въ прилуцкомъ уѣздѣ, намѣревался при этой встрѣчѣ просить его, по возвращеніи въ столицу, поселиться съ моимъ пріятелемъ на квартирѣ, что и случилось къ величайшей радости. Совѣтовалъ я еще моему возлюбленному посѣщать Карла Павловича, но осторожно, чтобы не надоѣдать ему частыми визитами, совѣтовалъ также не манкировать классами и, какъ можно больше, читать, а въ заключеніе просилъ его писать мнѣ чаще письма и писать такъ, какъ-бы онъ писалъ отцу родному.

И поручивши его покрову Предвѣчной Матери, я разстался съ нимъ и увы! разстался на вѣки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Археологическія изслѣдованія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ и его окрестностяхъ.

Въ нашей періодической печати прошлаго года появилось нѣсколько замѣтокъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ въ г. Владимірѣ-Волынскомъ относительно его древнихъ храмовъ. Болѣе полныя свѣдѣнія объ этихъ изысканіяхъ помѣщены, къ сожалѣнію, отрывочно, въ ежедневномъ провинціальномъ періодическомъ изданіи, прекратившейся кіевской газетѣ «Заря» и легко могутъ затеряться, замѣтки же, помѣщенныя въ другихъ изданіяхъ, напр. въ «Вѣстникѣ Европы» и «Недѣли», или не полны или расходятся съ истиной. Считаемъ поэтому не лишнимъ сгруппировать какъ уже появлявшіяся въ печати и разбросанныя по разнымъ изданіямъ, такъ и намъ лично доступныя свѣдѣнія о тѣхъ археологическихъ раскопкахъ и изслѣдованіяхъ, какія были произведены лѣтомъ минувшаго года въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Въ свое время мы сообщали читателямъ „Кіевской Старины» объ открытіи во Владимірѣ-Волынскомъ особой коммиссіи для подготовительныхъ работъ по обновленію въ этомъ городѣ древняго Успенскаго каѳедральнаго собора и о приглашеніи въ составъ этой коммиссіи профессоровъ; В. Б. Антоновича и А. В. Прахова и члена-секретаря кіевской археографической коммиссіи О. И. Левицкаго, а равно представили краткій обзоръ первыхъ дѣйствій коммиссіи и полученныхъ отъ того результатовъ [1]). Здѣсь мы не только пополнимъ сообщен-

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., апрѣль, стр. 837—39 и августъ, стр. 766—69.

ныя раньше свѣдѣнія, но скажемъ и о тѣхъ работахъ коммисіи, которыя выступали за предѣлы первоначальной спеціальной ея задачи и имѣютъ несомнѣнный научный интересъ.

Исходнымъ и главнымъ пунктомъ изслѣдованій владимиро-волынской коммисіи былъ, какъ мы уже сказали, лежащій въ развалинахъ Мстиславовскій каѳедральный соборъ во имя Успенія Божіей Матери. Съ которой стороны вы не подъѣзжали бы къ Владиміру-Волынскому, васъ поражаетъ громадная, господствующая надъ городомъ, руина съ величественнымъ фронтономъ и башнями древняго храма. Этотъ фронтонъ, пристроенный къ храму въ половинѣ XVIII вѣка и прорубленныя тогда же въ стѣнахъ огромныя окна, въ стилѣ возрожденія, придаютъ зданію видъ католическаго костела; но достаточно взглянуть поближе на задѣланныя въ его стѣнахъ узкія окна древняго византійскаго стиля, на остатки фресокъ въ алтарной части храма, а главное на кирпичъ и цементъ его стѣнъ, и вы убѣдитесь, что предъ вами несомнѣнно древнее сооруженіе княжескаго періода нашей исторіи. Относительно кладки стѣнъ этого храма мы позволяемъ себѣ привести высказанное въ засѣданіи коммисіи, вполнѣ компетентное, мнѣніе пр. Прахова: «храмъ, говоритъ пр. Праховъ, сохранился настолько, что ближайшій анализъ его частей не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ сооруженіемъ XII в. Руководствуясь древнею кладкою, господствовавшею въ древней Руси въ теченіи X—XIII в. и рѣзко отличающеюся не только отъ современной, но и отъ той, которая употребительна была послѣ XIII в., размѣромъ, вымѣсомъ и цвѣтомъ кирпича, цвѣтомъ и толщиною известковыхъ швовъ, можно безошибочно опредѣлить въ существующей величественной развалинѣ древнія части XII в. отъ всѣхъ позднѣйшихъ пристроекъ, передѣлокъ и прибавокъ, которыя составляютъ незначительную часть цѣлаго сравнительно съ частями, принадлежащими XII вѣку».

Эти, такъ сказать, фактическія доказательства древности храма подтверждаются и лѣтописными сказаніями. Въ Ипатской лѣтописи подъ 1172 годомъ (стр. 382) говорится, что Мсти-

славъ Изъяславовичъ, вел. кн. кіевскій, впослѣдствіи владиміро-волынскій, погребенъ «въ святѣі Богородици въ епископьи, юже бѣ самъ созда въ Владимѣри». На князя Мстислава Изъяславовича, какъ на строителя этого храма, указываютъ и другія лѣтописи. Живое преданіе о времени построенія Успенскаго храма сохранилось до позднѣйшаго времени въ описаніи владиміро-волынскихъ церквей, составленномъ въ 1695 г. по распоряженію высшаго уніатскаго духовенства и хранящемся до настоящаго времени въ мѣстной соборной церкви; въ немъ говорится, что этотъ каѳедральный соборъ «знаменито построенъ болѣе 500 лѣтъ назадъ». Мстиславовскій храмъ, какъ каѳедра старѣйшей епископіи въ западнорусской окраинѣ, со времени своего построенія, считался главной святыней края и служилъ усыпальницей владиміро-волынскихъ князей и владыкъ. Въ теченіе своей 600 лѣтней жизни онъ не разъ подвергался разоренію, но благодаря усердію къ этому храму князей и частныхъ благотворителей, надѣлявшихъ его десятками населенныхъ недвижимыхъ имѣній, храмъ тотчасъ же обновлялся и украшался вновь. Послѣ разрушенія его въ 1491 г. крымскими татарами, храмъ былъ обновленъ и украшенъ иконами и церковными сосудами епископомъ Вассіаномъ въ 1494 г. (Супрасльская лѣтоп., стр. 140). Къ числу иконъ, пожертвованныхъ этимъ епископомъ, слѣдуетъ, полагаемъ, отнести образъ Богоматери прекраснаго греческаго письма, высокочтимый впослѣдствіи и сохранившійся до настоящаго времени въ мѣстной соборной церкви. Второй разъ, какъ видно изъ описанія владиміро-волынскихъ церквей 1695 г., этотъ храмъ обновленъ послѣ страшнаго пожара 1683 г., истребившаго весь городъ Владиміръ съ его церквями и замками; въ это время на соборѣ сгорѣла крыша и обрушились башни, щиты и своды. Послѣдней и самой капитальной передѣлкѣ храмъ подвергся въ 1753 г., при уніатскомъ епископѣ Ѳеофилѣ Годебскомъ, который пристроилъ къ нему съ западной стороны прекрасный фронтонъ, въ стилѣ поздняго *ренесанса*, положилъ новый полъ изъ каменныхъ плитъ и прорубилъ въ стѣнахъ его новыя окна; на горнемъ мѣстѣ при немъ устроено

возвышеніе для уніатскаго алтаря съ величественнымъ балдахиномъ, который поддерживался двумя золочеными колоннами, находящимися въ настоящее время въ мѣстномъ монастырѣ. Въ то же время сѣверный и южный придѣлы алтаря были отдѣлены отъ остальной церкви сплошною стѣною, къ которой пристроены уніатскіе алтарики.

Эти пристройки и передѣлки, измѣнившія внѣшній и внутренній видъ храма, не измѣнили размѣровъ и древняго его плана. Мстиславовскій храмъ трехкорабельный, длина его 47 арш., кромѣ наружной паперти, пристроенной въ 1753 г.; ширина $23^1/_2$ арш.; стѣны сложены изъ тонкихъ широкихъ кирпичей на толстомъ слоѣ темнорозоваго цемента. Надъ его очень высокими стѣнами съ западной стороны возвышаются двѣ осьмиугольныя башни, служившія основаніемъ западныхъ куполовъ; двѣ остальныя башни, надо полагать, не возобновлялись послѣ пожара 1683 г., разрушившаго ихъ. Фундаментъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ изслѣдованъ, оказался болѣе 4-хъ аршинъ глубины.

Своды храма поддерживались 6 громадными «столпищами», пилонами, по 3 съ каждой стороны храма. Къ западной стѣнѣ во всю ея ширину пристроены хоры; они занимаютъ все пространство между этою стѣною и первыми двумя «столпищами» и тянутся вдоль сѣверной и южной стѣны до среднихъ «столпищъ». Столпища эти сохранились до настоящаго времени, за исключеніемъ одного, средняго, съ сѣверной стороны. Вслѣдствіе неудачной попытки прорубить въ немъ ходъ къ проповѣднической каѳедрѣ, столбъ рухнулъ, за нимъ рухнули своды и храмъ пришелъ въ запустѣніе. Случилось это въ 1782 г. (Описаніе собора 1806 г.).

Обломки сводовъ, столповъ и крыши образовали огромную груду мусора, покрывшуюся со временемъ перегноемъ разныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, въ складъ которыхъ былъ обращенъ соборъ его блюстителями, и заросшую бурьяномъ и кустарниками; ко времени очистки мусора на мѣстѣ иконостаса успѣла вырости огромная рябина, на горнемъ же мѣстѣ цѣлая

клумба бузины. По вырубкѣ деревьевъ и кустарниковъ и уборкѣ мусора открылся мостъ, покладки 1753 г., изъ широкихъ каменныхъ плитъ зеленоватаго и фіолетоваго цвѣтовъ, такой же точно, какой и въ настоящее время можно видѣть въ почаевской лаврѣ и нѣкоторыхъ церквяхъ и костелахъ Волыни. Помостъ этотъ лежалъ на толстомъ слоѣ мусора, отъ $^1/_2$—$^3/_4$ аршина, смѣшаннаго съ костями, а подъ нимъ во многихъ мѣстахъ сохранился древній кафельный, цѣнинный, полъ, состоящій изъ поливныхъ желтаго, зеленаго, чернаго, краснаго и синяго цвѣта кирпичиковъ отъ $1^2/_3$—3 вершковъ длины, въ формѣ прямоугольниковъ, треугольниковъ и параллелипипедовъ, положенныхъ на такомъ же, какъ и въ стѣнахъ, розовомъ цементѣ.

Въ разныхъ мѣстахъ храма въ полу образовались впадины, указывавшія мѣста завалившихся склеповъ; одинъ изъ нихъ въ юго-западномъ углу, возлѣ хода на хоры, оказался открытымъ и пустымъ; по срединѣ же церкви валялась разбитая на нѣсколько частей огромная плита чернаго мрамора, болѣе 3-хъ аршинъ длины и около $1^1/_2$ арш. ширины, съ сохранившейся, хотя не вполнѣ, польскою надписью, изъ которой видно, что она была надгробіемъ Анны Сангушковны-Коширской, по мужу Сапѣжиной, воеводины витебской, умершей во 2-й половинѣ XVI вѣка. При очисткѣ мусора, наполнявшаго пространство между двумя помостами, найдены: на мѣстѣ царскихъ вратъ древній византійскій мѣдный крестъ, 3 дюйм. вышины, и въ юго-западной части храма бронзовое золоченое Распятіе.

Изслѣдованіе подземныхъ частей храма начато со склепа уніатскихъ епископовъ, устроеннаго въ 1-й половинѣ XVII в. третьимъ по порядку уніатскимъ епископомъ Ваковецкимъ. Склепъ этотъ, длиною около 18 аршинъ, находится подъ южнымъ придѣломъ храма, діаконникомъ. Вполнѣ сохранившійся входъ въ этотъ склепъ устроенъ противъ южнаго алтарика. Гроба епископовъ стоятъ вдоль стѣнъ склепа и покрыты для защиты отъ сырости толстымъ слоемъ песку. Одинъ изъ гробовъ оказался открытымъ; на черепѣ покойника сохранилась скуфья,

облаченіе валяется въ клочкахъ въ безпорядкѣ; нѣтъ ни креста, ни евангелія, ни другихъ какихъ либо принадлежностей епископскаго сана. Осмотръ этого гроба и всѣхъ другихъ, находимыхъ въ Успенскомъ храмѣ, убѣждаютъ въ томъ, что въ его подземельяхъ рылись и хозяйничали многіе темные изслѣдователи. Второй склепъ, самый близкій къ общей усыпальницѣ уніатскихъ епископовъ, находится между амвономъ и царскими вратами; этотъ очень просторный склепъ, въ которомъ, судя по духовному завѣщанію перваго уніатскаго епископа и митрополита Ипатія Поцѣя, долженъ быть погребенъ этотъ пріобрѣвшій печальную извѣстность сановникъ церкви, оказался пустымъ, если не считать валявшихся въ немъ обломковъ кафель, пикъ, глиняныхъ трубокъ, бутылокъ и другихъ предметовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ епископскою гробницею. Изъ этого склепа прорубленъ ходъ въ сосѣдній съ сѣверной стороны склепъ, оказавшійся тоже пустымъ; въ этомъ склепѣ завѣщалъ похоронить себя преемникъ Потѣя, 2-й уніатскій епископъ, Іоакимъ Мораховскій. Судя по находкѣ въ этихъ склепахъ, рядомъ съ бутылками, пиками и трубками, 15 гривенниковъ времени императрицы Екатерины II, слѣдуетъ прійти къ тому заключенію, что оба склепа были очищены еще во время владычества въ краѣ уніи и послѣ запустѣнія храма служили притономъ разныхъ искателей приключеній. Противъ сѣвернаго придѣла открытъ склепъ съ 5 пустыми гробницами, изъ которыхъ въ одной лишь найдены остатки атласной скуфьи.

По сторонамъ главнаго, западнаго входа въ храмъ высѣчены въ стѣнахъ полукруглыя ниши, аркасоліи, мѣста княжескихъ гробницъ; три изъ нихъ въ сѣверной стѣнѣ, двѣ въ южной и одна въ западной, на лѣво отъ входа. Три ниши открыты, но оказались пустыми, другія замурованы и подверглись передѣлкѣ. Размѣръ нишъ $2^3/_4$ арш. ширины, $1^1/_4$ арш. глубины и $2^1/_4$ арш. вышины. Возлѣ первой отъ входа сѣверной ниши открытъ, при раскопкѣ, разрушенный и заваленный мусоромъ склепъ и въ немъ, кромѣ множества смѣшанныхъ въ безпорядкѣ съ мусоромъ костей, деревяный асфальтированный

гробъ. Крышка его развалилась и въ немъ засыпанный мусоромъ лежалъ женскій скелетъ. на черепѣ котораго сохранились клочки русыхъ волосъ; въ этомъ же гробѣ валялись остатки туфель, разбитое зеркало въ шелковой рамѣ, куски плотной шелковой матеріи, большой изъ тонкаго кружева воротникъ и куски чернаго бархата, вѣроятно часть головнаго убора, шитаго золотомъ, шелками и крупнымъ бисеромъ; узоръ шитья изображалъ бѣгущихъ оленей. Въ мусорѣ, выброшенномъ изъ этого гроба, найдено 2 золотыхъ кольца: одно массивное кольце съ небольшой овальной печатью изъ горнаго хрусталя, положенной на красной эмали; на печати, изображающей скачущаго всадника съ поднятымъ мечемъ, вырѣзаны буквы: A. S. K.; по сторонамъ всадника «1570», на внутренней же сторонѣ кольца изображено сердце и буквы A—Z; второе кольце изъ тонкой проволоки, меньше перваго, на немъ посажено отличной работы изображеніе собаки и къ ней на цѣпочкѣ привѣшена крошечная гирька; на внутренней сторонѣ кольца надпись: *sic fidus*. Сличая гербъ Гедиминовичей на печати кольца съ такимъ же гербомъ на надгробной плитѣ, найденной по срединѣ церкви, и буквы A. S. K. съ надписью на этой плитѣ, профессоръ Антоновичъ пришелъ къ заключенію, что описанный гробъ принадлежитъ Аннѣ Сангушковой-Коширской, надгробіе которой, неизвѣстно кѣмъ и для какой надобности сдвинуто съ гроба и отброшено на средину церкви.

Кромѣ этихъ главныхъ склеповъ, было изрыто и изслѣдовано подполье храма во многихъ мѣстахъ и вездѣ приходилось натыкаться на остатки гробницъ и покойниковъ. Гробницы стояли рядами одна надъ другою, соприкасаясь въ нѣкоторыхъ мѣствхъ съ верхнимъ церковнымъ помостомъ; всѣ онѣ деревяныя, развалившіяся, нѣкоторыя изъ нихъ тройныя асфальтированныя: досчатый, обитый внутри шелковою тканью, гробъ помѣщался въ другомъ досчатомъ гробѣ, а тотъ былъ вставленъ въ верхній асфальтированный, большею частью дубовый, долбленый гробъ. Переполненіе гробами церковнаго подполья и находимые въ этихъ гробахъ и мусорѣ куски дорогихъ тканей до-

казываютъ, что Мстиславовъ храмъ служилъ усыпальницей не только князей и епископовъ, но и мѣстной волынской знати.

Изъ всѣхъ погребеній, открытыхъ въ этомъ храмѣ, сохранились лучше другихъ 2 гробницы въ алтарной его части, каждая изъ нихъ въ отдѣльномъ склепѣ. Одна помѣщена между престоломъ и горнимъ мѣстомъ, другая на право отъ нея у стѣны діаконника. Крышки надъ головами этихъ покойниковъ, надо полагать, важныхъ сановниковъ церкви, разсыпались и въ образовавшіяся отверстія ихъ можно разсмотрѣть: въ первомъ гробѣ черепъ съ остатками рыжеватыхъ волосъ на головѣ и бородѣ, во второмъ голову покойника, закрытую лентой. На крышкѣ этого гроба найденъ полуистлѣвшій, деревянный осмиконечный крестъ. Болѣе подробное изслѣдованіе этихъ погребеній, по независящимъ отъ коммисіи обстоятельствамъ, отложено до слѣдующаго года, а до того времени всѣ отверстія склеповъ закрыты деревянными осмоленнымн щитами, поверхъ которыхъ наваленъ мусоръ и приняты мѣры противъ доступа въ гробницы воздуха и сырости.

Въ обычныхъ мѣстахъ княжескихъ погребеній, въ аркасоліяхъ, гробницъ, какъ мы уже говорили, не найдено, но при позднѣйшемъ изслѣдованіи одного изъ нихъ, въ сѣверозападномъ углу храма, надъ склепомъ, въ которомъ найденъ гробъ Анны Сангушковны-Коширской, профессору Прахову удалось открыть вырубленное въ стѣнкѣ, служившей основаніемъ аркасоліи, и замурованное сверху помѣщеніе для костей. Длина этого ящика около $1^1/_2$ арш., ширина менѣе аршина; въ немъ сложены 4 скелета: два мужскихъ, одинъ женскій и одинъ дѣтскій. Мѣсто храненія этихъ скелетовъ, тщательное сбереженіе ихъ сравнительно съ другими, наконецъ нахожденіе на одномъ изъ скелетовъ поврежденія, которое не могло быть случайнымъ и на которое находится указаніе въ лѣтописи, при описаніи кончины одного изъ владимірскихъ князей, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія. Изъ Ипатской лѣтописи (стр. 570, 574, 601—604) извѣстно, что въ Мстиславовскомъ храмѣ, кромѣ строителя его, погребены, въ числѣ другихъ князей, князь Василько Романо-

вичъ, въ 1271 г., жена его Елена въ 1265 г., и сынъ ихъ Іоаннъ-Владиміръ, скончавшійся 10 дек. 1289 г. Лѣтописецъ подробно описываетъ наружность этого князя, болѣзнь, отъ которой онъ умеръ, и его погребеніе: это былъ человѣкъ очень большаго роста, «плечами великъ», скончался отъ рака нижней челюсти («челюсть бородняя перегни») и погребенъ „въ отнѣ гробѣ". Въ числѣ скелетовъ, найденныхъ подъ аркасолью, одинъ выдается очень крупнымъ размѣромъ костей и имѣетъ только лѣвую половину нижней челюсти, почернѣвшіе края которой указываютъ на какое-то патологическое прижизненное перерожденіе кости. Храненіе, повторяемъ, этихъ скелетовъ подъ аркасолью и сохранившіяся на одномъ изъ нихъ примѣты, допускаютъ предположеніе, что этотъ скелетъ принадлежитъ князю Владиміру Васильковичу, и если слова «въ отнѣ гроба» употреблены лѣтописцемъ не въ обширномъ смыслова, означавшемъ Мстиславовъ храмъ, а означаютъ родовой склепъ, то очень вѣроятно, что въ числѣ остальныхъ скелетовъ находятся скелеты кн. Василька и Елены, что родовымъ склепомъ этихъ князей служилъ склепъ, въ которомъ въ настоящее время покоится Анна Сангушковна-Коширская, для погребенія которой всесильная въ то время ея родня очистила княжескій склепъ; но что изъ уваженія къ памяти покойниковъ кости ихъ бережно были сложены и замурованы надъ родовымъ склепомъ.

При археологическихъ изслѣдованіяхъ Мстиславова храма желательно, конечно, было выяснить мѣсто постройки болѣе древняго каѳедральнаго собора въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, созданнаго въ X в. основателемъ города, св. Владиміромъ, въ честь Богоматери. При этомъ было обращено вниманіе на холмъ, находящійся въ 2-хъ верстахъ отъ города, возлѣ дер. Ѳеодоровицы, и носящій названіе «Старой Каѳедры». Въ описаніи владимірскихъ церквей 1695 г. говорится, что на этомъ мѣстѣ въ 1683 г. стояла деревянная церковь св. Ѳеодора, названная въ описаніи «стародавней каѳедрой» владимірскихъ епископовъ, и что въ этомъ году она отъ давности сгнила и обру-

шилась. Эти преданія, сохранившіяся въ рукописи и устахъ народа, дали мѣсто предположить, что первый каѳедральный соборъ въ г. Владимірѣ существовалъ въ означенномъ урочищѣ и что слѣдовательно Мстиславовъ храмъ поставленъ на новомъ мѣстѣ. Для провѣрки этого предположенія приступлено къ раскопкѣ холма. По раскопкѣ его оказалось, что холмъ покрываетъ собою низы большаго каменнаго храма около 36 арш. длины и 24 арш. ширины; двѣ стѣны, сѣверная и западная, сохранились болѣе сажени въ вышину, южная же часть, за исключеніемъ паперти, вся обрушилась въ р. Лугъ, надъ обрывомъ котораго построенъ храмъ. По остаткамъ восточной стѣны видно, что храмъ былъ трехъ-корабельный, стѣны положены изъ кирпича, употреблявшагося въ княжескій періодъ нашей исторіи и похожаго на тотъ кирпичъ, съ котораго построенъ Мстиславовъ храмъ, соединеннаго толстымъ слоемъ свѣтлорозоваго цемента. Фундаментъ не глубокій и состоитъ частью изъ кирпича, положеннаго на необыкновенно крѣпкомъ цементѣ сѣраго съ бѣлыми крапинками цвѣта, частью же изъ очень твердой бѣлой глины или мѣлу. Снаружи стѣны украшены полукруглыми кирпичными колонками. Въ архитектурномъ отношеній въ этой церкви поражаетъ обиліе голосниковъ (резонаторовъ) въ стѣнахъ и необыкновенное разнообразіе формъ и размѣровъ кирпичей, употреблявшихся, судя по ихъ формѣ, для постройки колоннъ, сводовъ и разныхъ архитектурныхъ деталей и доказывающихъ затѣйливость постройки. По мнѣнію пр. Прахова, этотъ храмъ построенъ въ лучшую эпоху русскаго строительнаго искусства, въ XI—XII вѣкѣ. При расчисткѣ отъ мусора восточной стѣны храма найденъ низъ какой-то стѣны, не имѣющей, по видимому, никакой связи со стѣнами храма и значеніе которой намъ совершенно непонятно. Построена она полукружіемъ такого радіуса, какъ средній корабль церкви; начало ея въ алтарѣ возлѣ горняго мѣста, гдѣ она пересѣкается алтарною стѣною, за алтарною стѣною она тянется аршина на три и за тѣмъ пропадаетъ безслѣдно. Сложена она изъ необыкновенной крѣпости кирпичиковъ менѣе $^1/_2$ вершка толщины, $3^1/_2$ вер. длины и $2^2/_2$ в. ширины. Скрѣплявшій ее цементъ совсѣмъ вывѣтрился

и кирпичики свободно отдѣляются одинъ отъ другаго. Внутренность церкви раздѣлена на 3 части: алтарь, среднюю часть и внутреннюю паперть или бабинецъ; послѣдняя отдѣляется стѣною отъ остальной церкви. Въ стѣнахъ этого храма устроено 5 нишъ—аркасолей, шириною въ $3^1/_4$ арш. и около $1^1/_4$ глубины; изъ нихъ 3 ниши въ бабинцѣ, 2 въ сѣверозападномъ углу средней части храма. Эти ниши, какъ и весь бабинецъ, росписаны фресками, которыхъ въ остальныхъ частяхъ храма мы не находили. На кускахъ отвалившейся съ фресками штукатурки попадаются отдѣльныя буквы, по которымъ видно, что надписи были на славянскомъ языкѣ. Все подполье бабинца занято склепами, судя по кирпичу, съ котораго онѣ сложены, болѣе поздняго происхожденія. Склеповъ этихъ на небольшомъ пространствѣ бабинца 7, ширина ихъ отъ 14 вер. до $3^1/_2$ арш., длина же и глубина всѣхъ склеповъ одинакова: $3^1/_2$ арш. и 1 аршинъ. Эти склепы оказались наполненными мусоромъ, смѣшаннымъ съ человѣческими костями, безъ всякихъ признаковъ гробовъ; въ одномъ изъ нихъ найденъ черепъ взрослаго человѣка, пробитый гвоздемъ въ темени. Съ такимъ же точно четвереугольнымъ отверстіемъ въ темени и торчащимъ въ немъ гвоздемъ найденъ въ г. Владимірѣ другой черепъ, при раскопкѣ пр. Праховымъ урочища Михайловщины. Этой находкой подтверждается преданіе о прободеніи черепа татарами, какъ казни, которой они подвергали плѣнныхъ. Такіе точно черепа съ гвоздями, по словамъ мѣстныхъ старожиловъ, находили въ недавнее еще время въ окрестности г. Владиміра, въ ур. Житани, извѣстной, по лѣтописи, стоянкѣ татарскихъ полчищъ. Въ алтарной части храма, при изслѣдованіи надписей, найдены остатки четырехъ деревянныхъ столбовъ, окружавшихъ престолъ и поддерживавшихъ, вѣроятно, навѣсъ надъ престоломъ, киворій. Въ алтарѣ сохранилась часть древняго кафельнаго пола, въ другихъ мѣстахъ храма кафли, составлявшія полъ, валялись въ безпорядкѣ въ мусорѣ. Въ бабинцѣ и средней части церкви, судя по находимымъ тамъ кафлямъ, полъ состоялъ изъ кафель въ формѣ щитковъ и треугольниковъ, толщиною отъ $^3/_4$—1

вершка, ширина же щитковъ $5^1/_2$ вершка; окраска ихъ чернаго и очень яркаго желтаго и зеленаго цвѣтовъ. Кафли алтарнаго пола вполовину тоньше остальныхъ, выдѣланы въ формѣ прямоугольниковъ около $2^3/_4$ вер. ширины и равносторонніхъ трехъугольниковъ разныхъ величинъ, отъ $1^1/_3$—$2^1/_3$ вершка. Сохранившаяся въ алтарѣ часть пола состоитъ изъ трехъугольниковъ, ряды которыхъ лежатъ полукружіями, параллельно полукружію восточной алтарной стѣны. Полива этихъ кафель отличается красотою и разнообразіемъ красокъ: преобладаетъ полива перламутовая, за тѣмъ желтаго яркаго цвѣта, темнозеленаго съ золотистымъ отливомъ, темно и свѣтлокоричневаго цвѣта. Квадратныя кафли большею частью темнокоричневаго, почти чернаго цвѣта росписаны желтою, зеленою и бѣлою красками, при чемъ легко отличить по изяществу рисунка древнія кафли отъ кафель съ грубымъ рисункомъ болѣе поздняго происхожденія. Обрушившійся храмъ образовалъ изъ мусора, какъ мы говорили, холмъ, вышина котораго достигала 7 аршинъ отъ уровня церковнаго пола; на этомъ холмѣ и была, вѣроятно, построена небольшая деревянная Ѳеодоровская церковь, вся же не занятая часть холма служила кладбищемъ; по этому при раскопкѣ холма приходилось натыкаться на цѣлые ряды сгнившихъ и развалившихся гробовъ и человѣческихъ костей, сложенныхъ въ нѣсколькихъ ярусахъ. Въ верхнемъ слоѣ мусора найденъ литой, мѣдный, наперсный католическій крестъ, мѣдный овальный небольшой образокъ съ обозначеніемъ 1600 г., мѣдное большое кольцо съ печатью и звѣздою на ней, а въ одномъ изъ череповъ три бѣлыхъ буса; въ нижнемъ слоѣ, кромѣ строеваго матеріала и разбитыхъ кувшиновъ, никакихъ предметовъ не найдено. Въ числѣ кирпичей, разбросанныхъ по стѣнамъ, найденъ на югозападномъ столпѣ кирпичь съ рисункомъ, нацарапаннымъ на сырой глинѣ, надо полагать, при формовкѣ кирпича. Рисунокъ изображаетъ, какъ видно, строителя храма, въ видѣ воина въ латахъ, съ большими шпорами; голова его не покрыта, волосы проборомъ по серединѣ головы, бородка маленькая клиномъ; одѣтъ онъ въ длинную съ шитьемъ одежду. Обѣ руки подняты вверхъ; въ одной изъ нихъ булава, возлѣ другой крестъ. Рисунокъ грубый, но поя-

вленіе его на сыромъ кирпичѣ доказываетъ развитіе въ мѣстномъ рабочемъ художественнаго вкуса.

Въ этихъ развалинахъ древнкго храма, открытаго въ урочищѣ «Старая Каѳедра», было-бы естественно видѣть остатки храма, по преданію, построеннаго св. Владиміромъ по введеніи христіанства на Волыни и при основаніи имъ же епископской каѳедры во Владимірѣ. Мы не считаемъ, однако, возможнымъ настаивать на достовѣрности подобной догадки, и прежде всего на основаніи топографическихъ соображеній. По нашему мнѣнію, если и допустить, что во Владимірѣ былъ когда-либо храмъ, построенный просвѣтителемъ Руси, то мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ храмъ, надо искать въ самомъ городѣ, а не на чертѣ его; урочище же «Старая Каѳедра», по своему мѣстоположенію, никогда не могло входить въ черту города, который, судя по сохранившимся остаткамъ валовъ, группировался возлѣ двухъ болѣе защищенныхъ отъ непріятельскихъ нападеній холмиковъ: на одномъ изъ нихъ стояли окруженные валами княжескіе терема съ церковью Іоакима и Анны, на другомъ Мстиславовъ соборъ съ епископскимъ домомъ, окруженные высокою каменною стѣною. Изучая внимательно положеніе древняго г. Владиміра, мы приходимъ къ тому заключенію, что въ немъ не было другаго болѣе удобнаго мѣста для построенія перваго каѳедральнаго собора, какъ то, на которомъ въ настоящее время стоитъ соборъ Мстиславовъ, что существовавшій въ г. Владимірѣ до начала княженія Мстислава Изяславовича каѳедральный храмъ былъ безъ сомнѣнія деревянный и, вѣроятно, разрушился отъ ветхости, и на мѣстѣ его Мстиславъ воздвигъ новый величественный храмъ. Что же касается вопроса, какая именно церковь открыта въ урочищѣ «Старая Каѳедра», то мы находимъ нѣкоторое основаніе предполагать, что это была церковь св. Димитрія. Кѣмъ и когда построена въ г. Владимірѣ Димитріевская церковь, мы не встрѣчаемъ указанія въ лѣтописяхъ, но объ ней упоминается уже въ XIII в. Въ Ипатской лѣтописи (ст. 608—609) говорится, что кн. Владиміръ Василькович (1272—1289 г.) «списа святого Дмитрея

всего, и сосуды служебные серебряные скова, и икону пресвятыя Богородица окова серебромъ съ каменьемъ дорогимъ и завѣсы золотомъ шиты, а другые оксамитные съ дробницею и всѣми узорочьи украси ю»... Изъ этихъ словъ мы видимъ, что церковь св. Димитрія была росписана, и тоже находимъ въ церкви «Старой Каѳедры»; въ томъ, что эта церковь роспнсана не одновременно съ ея постройкою, убѣждаетъ насъ двойной слой штукатурки, находимый подъ фресками. Изъ тѣхъ же словъ лѣтописи слѣдуетъ прійдти къ тому заключенію, что Димитріевская церковь была одна изъ лучшихъ въ городѣ. Въ лѣтописныхъ преданіяхъ сохранилась память о самыхъ незначительныхъ церквяхъ древняго г. Владиміра и указываются мѣста ихъ построенія, память же о Дмитріевской церкви совершенно изгладилась въ народѣ. Объяснить это странное обстоятельство можно только тѣмъ путемъ, что на мѣстѣ этой церкви, разрушенной во время какого нибудь непріятельскаго нашествія, построена была новая церковь въ честь св. Ѳеодора, имя котораго изгладило въ народной памяти названіе церкви болѣе древней. Подтвержденіе, хотя очень слабое, своего предположенія о тождественности Димитріевской церкви съ развалинами храма въ урочищѣ «Старая каѳедра» мы видимъ еще и въ томъ обстоятельствѣ, что на ручкахъ кувшиновъ, найденныхъ въ мусорѣ при раскопкѣ храма «Старой Каѳедры», мы находили отчетливо вырѣзанную букву Д, что могло означать иниціалъ названія церкви, которой принадлежали кувшины.

Независимо отъ археологическихъ работъ, связанныхъ съ задачами мѣстной коммисіи, пр. Антоновичъ и Праховъ посвятили часть свободнаго времени на археологическія изслѣдованія, не входившія въ программу коммисіи. Пр. Антоновичъ изслѣдовалъ древній, разбросанный на громадномъ пространствѣ, могильникъ возлѣ с. Зимно, въ окрестностяхъ Владиміра, и остатки валовъ въ самомъ Владимірѣ, которые огибали городъ съ трехъ сторонъ, упираясь на югѣ концами въ р. Лугъ; это послѣднее изслѣдованіе имѣетъ большое значеніе для опредѣленія гра-

ницъ древняго города. Пр. Праховъ успѣлъ осмотрѣть нѣсколько болѣе замѣчательныхъ храмовъ во владимірскомъ уѣздѣ, именно: церковь въ с. Зимно, по преданію, построенную св. Владиміромъ, церковь св. Георгія въ м. Любомлѣ, построенную, по словамъ Ипатской лѣтописи, въ XIII в. кн. Владиміромъ Васильковичемъ, монастырь Загоровскій, построенный въ XVI вѣкѣ и замѣчательный прекрасною фресковою живописью, и церковь въ с. Нискиничахъ, построенную въ XVII вѣкѣ извѣстнымъ ревнителемъ православія въ здѣшнемъ краѣ, Адамомъ Киселемъ (описаніе памятника и гробницы Киселя въ апр. кн. «Кіев. Ст.»). При этомъ пр. Праховымъ сняты фотографически не только самыя церкви съ ихъ архитектурными и художественными деталями и фресками, но и всѣ предметы въ нихъ найденные и представляющіе археологическій интересъ. Кромѣ того пр. Праховымъ приглашены спеціалисты-лѣпщики, которые, по его указанію, приготовили слѣпки всѣхъ болѣе замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи предметовъ, сохранившихся въ этихъ храмахъ. Въ г. Владимірѣ пр. Праховъ приступилъ къ изслѣдованію древнихъ урочищъ: Михайловщины, на которомъ стоялъ въ древности Михайловскій монастырь, мѣсто насильственной смерти и погребенія въ XIV в. кн. Войшелга, и мѣстность, окружающую древнюю Васильевскую церковь; но эти изслѣдованія, по недостатку времени, не могли быть окончены въ настоящемъ году. Желательно, чтобы они были доведены до конца и чтобы изслѣдованія коснулись и другихъ древнихъ урочищъ Владиміра-Волынска, которыми усѣянъ весь городской берегъ р. Луга. Что касается газетныхъ слуховъ о томъ, что пр. Праховъ приступилъ уже къ обновленію древнихъ церквей въ с. Зимно и Васильевской въ г. Владимірѣ, то слухи эти лишены основанія. Пр. Праховъ изслѣдовалъ только кладку стѣнъ церкви с. Зимно, для опредѣленія времени ея построенія и, на сколько намъ извѣстно, призналъ ее постройкою XVI вѣка.

Е. Дверницкій.

РАЗСКАЗЪ СОВРЕМЕННИКА

о приключеніяхъ съ нимъ во время „Коліивщины".

Между бумагами покойнаго дѣда моего, Ѳедора, находится прилагаемая здѣсь въ дословномъ переводѣ съ польскаго записка о приключеніяхъ отца его, Ромуальда, во время «Коліивщины». Она списана сыномъ, Ѳедоромъ, со словъ отца на основаніи замѣтокъ, которыя дѣлалъ онъ и его сестры во время разсказа, что и выражено въ рукописи. Весь разсказъ ведется отъ перваго лица съ очевиднымъ желаніемъ возстановить его въ формѣ, въ которой онъ былъ устно высказанъ.

Разсказъ относится ко времени, когда, по словамъ поэта, «замучени руки розвязались—и кровъ за кровъ, и муки за муки». Надъ головой разсказчика пронеслась гроза событій того времени, но онъ вышелъ изъ нихъ благополучно. 14-тилѣтній мальчикъ полякъ, ученикъ базиліанъ' бѣжитъ изъ обреченнаго на гибель Умани и отыскивая убѣжище, наталкивается на суровыя проявленія народнаго возбужденія, но въ концѣ концовъ изъ тѣхъ-же «замученихъ рукъ» получаетъ и пищу и одежду, въ сердцахъ людей противной среды находитъ и человѣческое состраданіе къ его личному печальному положенію. Въ родномъ селѣ Соколовкѣ онъ, вмѣстѣ съ другими, подпадаетъ грозной народной расправѣ, но его спасаетъ любимая народомъ пѣснь: «Пречистая Диво-Мати руського краю», которую онъ изучилъ у базиліанъ и которую поетъ, привязанный къ столбу для разстрѣлянія. При звукахъ этой пѣсни козацкій старшина проливаетъ слезы и даетъ помилованіе остальной, обреченной на казнь, шляхтѣ и евреямъ.

Эти черты человѣчности среди возбужденной въ высшей степени народной массы проливаютъ смягчающій свѣтъ на общую грозную картину возстанія и составляютъ, полагаю, не безцѣнныя указанія для изучающихъ коллективную народную психологію.

Не лишеннымъ интереса кажется мнѣ и общій тонъ разсказа. Разсказъ ведется съ той степенью объективности, которую трудно было предположить у человѣка, котораго жизни угрожали данныя событія.

Это, конечно, не объективизмъ соціолога, изучающаго данный моментъ общественной эволюціи—это объективизмъ простаго, незатѣйливаго человѣка, смотрящаго на факты во всей ихъ простотѣ. Объективизмъ этотъ истекаетъ, кажется, изъ двухъ источниковъ: частнаго и болѣе общаго, но тотъ и другой представляютъ нѣкоторый общественный интересъ.

Разсказчикъ поневолѣ столкнулся ближе съ народной средой, а добрая половина предразсудковъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ вытекаетъ изъ незнанія народной жизни, что не мѣшаетъ тому, чтобы и въ наше время въ глазахъ весьма обширной публики всякая серьезная попытка изучить ее представлялась чѣмъ-то особенно предосудительнымъ.

Но личныя впечатлѣнія разсказчика не устраняютъ въ немъ міровоззрѣнія его среды и времени. Сблизившись съ народной жизнію поневолѣ, онъ не извлекаетъ изъ данныхъ обстоятельствъ матеріала для сознательной переработки своего общественнаго міровоззрѣнія: онъ не разстается съ сознаніемъ своей отдѣльности отъ «простацтва», для него вполнѣ ясно, что его нельзя смѣшивать съ людьми „простой кондиціи“, доброта крестьянъ и ихъ расположенность къ господамъ для него однозначущи, но онъ съ видимымъ удовольствіемъ подчеркиваетъ обращаемыя къ нему слова: «добре по-нашому говоришъ», онъ трогается проявленіями личной доброты по отношенію къ нему, для него вполнѣ понятна защита его родственницы гайдамацкимъ атаманомъ, въ виду ея доброты для бѣдныхъ и защиты крестьянъ отъ наказаній пана. Однимъ словомъ для него и данный легальный порядокъ, и данная ему реакція представляются, такъ сказать, въ порядкѣ вещей.

Міровоззрѣнію этому не достаетъ сознанія о переходности даннаго порядка вещей и потому оно страдаетъ односторонностію, предполагая инстинктивно принципъ, которому противорѣчитъ вся исторія человѣчества, принципъ неподвижности общественныхъ отношеній отдѣльнаго историческаго момента.

Но дѣйствительно-ли мы ушли такъ далеко отъ подобнаго міровоззрѣнія? Не ограничивается-ли вообще нашъ эволюціонизмъ преимущественно примѣненіями къ отдаленному прошлому? А по отношенію къ данному, спеціально мѣстному общественно-національному антагонизму представляется-ли мысли современнаго намъ общества удовлетворительный исходъ? Не извлекаемъ-ли мы изъ прошедшаго болѣе традиціонныхъ инстинктовъ, чѣмъ уразумѣвапія общаго направленія жизненныхъ явленій? Ясно-ли для насъ, что антагонизмы отдѣльныхъ общественныхъ группъ могутъ быть исчерпаны только дальнѣйшимъ

развиваніемъ той демократизаціи общественныхъ отношеній, постепенное усиленіе которой представляется и какъ результатъ наблюденія прошедшаго, и какъ этическій постулятъ развивающейся человѣческой мысли?

Не будемъ же слишкомъ горделиво смотрѣть на міровоззрѣніе отошедшихъ поколѣній; пусть лучше изученіе условій ихъ общественной жизни и того ряда преображеній, которому она подверглась, послужитъ для насъ матеріаломъ для уразумѣванія современности и нѣкотораго предвидѣнія будущаго.

Эту работу мысли вызываетъ неминуемо всякое серьезное изученіе исторіи. Прилагаемый здѣсь разсказъ, можетъ быть, составитъ маленькое привнесеніе къ матеріаламъ этой науки.

Ѳадей Рыльскій.

Однажды лица, находившіяся въ домѣ родителей моихъ, обратились къ моему отцу съ просьбой, чтобы онъ имъ разсказалъ о своихъ приключеніяхъ во время уманской рѣзни. Мой отецъ удовлетворилъ ихъ просьбу и, призвавъ меня и жившихъ въ то время моихъ сестеръ, Гонорату и Юзефу, разсказалъ слѣдующее:

«Я воспитывался въ уманской базиліанской школѣ; мнѣ было тогда лѣтъ 14. Такъ какъ я имѣлъ голосъ хорошій и сильный, то я часто пѣлъ во время богослуженія. Въ тотъ день, какъ взбунтовавшіеся козаки приблизились къ Умани, я вмѣстѣ съ меньшимъ моимъ братомъ Антоніемъ прислуживалъ при богослуженіи въ уніатской церкви священнику уніату, Евстафію Тарнавскому (священникъ этотъ вмѣстѣ съ другими уніатами подписалъ въ 1768 г. 22 декабря манифестъ, помѣщенный въ житомирскихъ актахъ, въ которомъ разсказывается о тиранiи гайдамацкой и о вліяніи игумена Мелхиседека Яворскаго, проживавшаго въ мотронинскихъ лѣсахъ). Въ то время Евстафій Тарнавскій жилъ за городомъ. Во время богослуженія козаки ворвались въ церковь, при видѣ ихъ всѣ пришли въ трепетъ. Я уповалъ только на Бога, къ которому и обратился съ горячей молитвой. Послѣ богослуженія я взялъ миссалъ, мой братъ, Антоній, орнатъ и другія ризы и мы вышли вмѣстѣ съ священникомъ изъ церкви. Намъ приходилось проходить около палисада, окружавшаго Умань. Тамъ стояла козацкая стража. Священника пропустили, но насъ задержали и направивъ на насъ копья, сказали: «а то ляшки, чортови диты», но священникъ ска-

залъ, что мы его домашніе и такимъ образомъ спасъ нашу жизнь. Когда мы пришли домой, священникъ сказалъ намъ: «я не могу васъ припрятать, такъ какъ я и самъ не знаю, какая участь меня постигнетъ. Пусть васъ Богъ ведетъ и охраняетъ». При этомъ слезы появились на глазахъ почтеннаго священника. Онъ далъ намъ простую (крестьянскую) одежду, хлѣба и сала и перекрестивъ, къ вечеру отправилъ насъ въ путь.

Съ этого времени начинаются мои ужасныя приключенія.

Мы долго раздумывали съ братомъ, куда намъ направиться среди такихъ опасныхъ обстоятельствъ. Я зналъ добрыхъ стариковъ, проживавшихъ въ Грековомъ лѣску, что вблизи Умани; гуляя я часто заходилъ къ нимъ. Но мы знали, что около этого лѣска взбунтовавшіеся козаки расположились таборомъ. Но что-же дѣлать? Призвавъ Бога на помощь, мы рѣшились пробраться туда. Шли мы окольнымъ путемъ, ярами, окруженнымн скалами, то и дѣло прячась за скалы и прислушиваясь, и только эхо стоновъ и криковъ отражалось отъ скалъ; но мы дошли благополучно до перваго пункта нашего бѣгства. Здѣсь надѣялись мы спрятаться у знакомыхъ намъ добрыхъ стариковъ, но къ несчастію въ хатѣ никого не было. Не теряя времени, мы направились дальше, придерживаясь правой стороны Умани, чтобы такимъ образомъ удалиться отъ Грековаго лѣска. По дорогѣ присоединился къ намъ нашъ родственникъ Воюдзкій, молодой человѣкъ, тоже воспитанникъ базиліанской школы.

Ночь и слѣдующій день мы провели среди хлѣбовъ, у насъ же при томъ былъ пока запасъ харчей. Но запасъ нашъ былъ не великъ и нужно было идти дальше. Когда насталъ вечеръ, мы пошли дальше окольными путями и набрели на какой-то ярокъ. Въ яркѣ былъ ставокъ, гребля и млынокъ.

Издали мы увидали огонекъ въ мельницѣ; мы подошли къ ней потихоньку и увидали тамъ человѣка, спавшаго около огня. Свита его загорѣлась отъ огня. Намъ стало жаль его и, вбѣжавъ въ мельницу, мы стали топтать ногами горѣвшую свиту. Этимъ мы разбудили спавшаго пьянаго человѣка. Проснувшись, онъ сталъ кричать; «а, вы вражи диты, хтилы свитою мене задушити», Напрасно мы старались объясниться, напрасно указывали на обгорѣвшую свиту; онъ схватилъ топоръ и хотѣлъ меня ударить по

головѣ. Но я имѣлъ перевѣсъ въ борьбѣ съ выпившимъ человѣкомъ, отнялъ у него топоръ и бросилъ въ воду. Тогда онъ схватилъ лежавшій вблизи колъ и такъ меня ударилъ по головѣ, что я упалъ, лишившись чувствъ. Не знаю, какимъ образомъ я уцѣлѣлъ. Къ утру только я пришелъ въ себя. Моего брата и моего родственника уже здѣсь не было и я не зналъ, что съ ними случилось. Я еле поднялся на ноги и потянулся въ глубь хлѣбовъ. Тамъ я отдохнулъ, поблагодарилъ Бога за мое спасеніе и подкрѣпилъ свои силы зерномъ, вытертымъ изъ колосьевъ, такъ какъ другой пищи у меня не было.

Здѣсь я прерву разсказъ о дальнѣйшихъ моихъ приключеніяхъ для того, чтобы объяснить настоящее.

Въ то время, когда я лежалъ безъ чувствъ возлѣ гребли, тамъ шелъ одинъ изъ «директоровъ» уманской школы. Увидавъ мертвое тѣло, онъ сталъ присматриваться къ нему при свѣтѣ луны и узналъ меня. Послѣ, желая придать больше достовѣрности своему объ этомъ разсказу, онъ сообщилъ и мое школьное прозваніе Ромуальдъ Шестопалекъ, меня-жъ дѣйствительно такъ называли, такъ какъ у меня два большіе пальца на правой рукѣ. Присматриваясь, онъ перевернулъ меня и помогъ мнѣ такимъ образомъ прійдти въ себя, передвинувъ на болѣе влажное мѣсто. Изъ его разсказа видно, что и мельникъ, считая меня убитымъ, выволокъ меня изъ мельницы».

Этимъ и окончилъ мой отецъ разсказъ того дня, такъ какъ онъ подвергся нервному припадку. Это съ нимъ случалось до самой смерти со времени случая, о которомъ рѣчь.

На другой день мой отецъ такъ продолжалъ свой разсказъ:

«Потерявъ около мельницы скромный запасъ харчей, данный мнѣ уніятомъ и чувствуя потребность подкрѣпить свои силы чѣмъ нибудь болѣе существеннымъ, чѣмъ зерно, вытираемое изъ колосьевъ, къ вечеру я сталъ приближаться къ одному селу. Выглядывая изъ хлѣбовъ, я замѣтилъ хату, стоящую въ сторонѣ. Я направился къ ней, но лишь только я приблизился къ воротамъ, выскочилъ небольшой хлопчина съ головой, завязанной окровавленнымъ платкомъ и вооруженный длиннымъ «ожогомъ». Это былъ дрючокъ (колъ), заостренный по образцу копья и обожженый на концѣ. Мальчикъ бѣжалъ, направивъ на меня свой дрючокъ, какъ бы желая меня заколоть. Но стоявшая вблизи женщина схватила мальчика на руки, отнесла его въ избу и

заперла. Ободренный поступкомъ этой женщины, я стоялъ на мѣстѣ. Женщина подошла ко мнѣ и спросила, чего я желаю.

— Пищи и убѣжища, отвѣтилъ я,

— Пищи я дамъ, но укрыть тебя не могу, да и не совѣтую искать здѣсь убѣжища. Всё село взбунтовано и вооружено въ списы, ножи и ружья, а младшіе подѣлали себѣ ожоги въ родѣ того, что ты видѣлъ у моего сына, и колютъ жидовъ и ляховъ.

Женщина вывела меня за свою усадьбу и велѣла мнѣ тамъ поджидать, пока не принесетъ харчей. Я не довѣрялъ ея обѣщанію, перешелъ на другую сторону лѣска и поглядывалъ изъ-за кустовъ. Но скоро я увидѣлъ, что она идетъ одна и несетъ завернутый обильный запасъ пищи. Ободренный, я направился на указанное мнѣ мѣстоо а она пришедши положила узелокъ на землѣ и сказала: вотъ тебѣ пища. Тамъ былъ борщъ съ кашей, хлѣбъ, сало и фляшка горѣлки. Выпивъ чарку водки, я принялся за яство съ возбужденнымъ аппетитомъ. Остававшійся хлѣбъ и сало женщина приказала мнѣ забрать съ собою и совѣтовала не задерживаться долго, такъ какъ она боится, что ее выдастъ ея сынокъ.

Въ то время, когда я ѣлъ, она разговаривала со мной ласков, по-русски; я ей отвѣчалъ на томъ-же языкѣ. Улыбаясь, она мнѣ сказала:

— Почему не говоришь ты по-польски.? Хотя ты одѣтъ и по мужицки, никто тебя не признаетъ за мужика: ты выглядишь совсѣмъ не такъ, какъ наши, ты не загорѣлъ, да при томъ будь ты мужикъ, тебѣ-бы не зачѣмъ и укрываться.

Не желая, чтобы она оставалась при этомъ мнѣніи, я сказалъ, что я служилъ дворовымъ человѣкомъ и перешелъ въ католическую вѣру, а потому и скрываюсь. Она и этому не повѣрила, но сказала:

— Кто-бы ты ни былъ,уходи дальше и да ведетъ тебя Господь благополучно!

Послѣ этого она ушла.

Такая доброта и обходительность этой женщины среди взбунтовавшагося люда меня тронула, но я долженъ былъ послушать ея совѣта. Уйдя подальше, я забрался въ глубь хлѣбовъ на ночлегъ и помолившись легъ спать. Послѣ вкусной пищи и чарки водки я уснулъ такъ крѣпко, что на другой день проснулся только съ восходомъ солнца.

Вставши, я пошелъ по тропинкѣ, пролегавшей около мѣста моего ночлега. Ставъ на дорогѣ, я началъ разсматривать мѣстность. Я хотѣлъ пробраться въ с. Соколовку, которую арендовала моя тетка. Я тамъ бывалъ во время вакацій и зналъ тамошнихъ крестьянъ. Они мнѣ казались добрыми и расположенными для «двора» людьми; у нихъ я надѣялся найти убѣжище.

Разсматривая мѣстность, я и не замѣтилъ, какъ изъ близъ лежащаго ярка приближался ко мнѣ пароконный возъ. На немъ ѣхали крестьянскія бабы, лошадкой погонялъ дюжій мужицкій парень. Бѣжать было слишкомъ поздно. Я посторонился и, ставъ спиной къ дорогѣ, началъ креститься по православному обряду и бить поклоны. Но и это не помогло.

— Гей хлопче! закричалъ возница, сдержавъ лошадей и соскочивъ съ воза.

Я оглянулся.

— А ты ляшокъ, вражій сыну! сказалъ возница, посмотрѣвъ на меня строго.

Я отвѣтилъ, тоже по-русски, что онъ ошибается.

— Брешешъ, сякій-такій сыну; не такъ выглядаешъ, якъ наша вира, сказалъ онъ въ отвѣтъ и обратясь къ одной изъ женщинъ, крикнулъ:

— Ярино, дай но мени ножа, спрятну цёго ляшка!

— Женщины начали упрекать, ругать и просить его, говоря, что онѣ не дозволятъ проливать кровь невинную. Онѣ увѣряли, что я несомнѣнно ихъ вѣры, иначе не говорилъ бы такъ хорошо на ихъ языкѣ. Не смотря на это, парубокъ ударилъ меня крѣпко кнутовищемъ по плечамъ и стянулъ съ меня свиту и сапоги; а затѣмъ, доставъ изъ воза жидовскій «лапсердакъ» съ висящими внизу «торочками» и накинувъ на меня, сказалъ:

— Ось въ цимъ тоби до-ладу, бо ты чортъ знае якои виры. Подякуй цимъ жинкамъ, що тебе оборонили одъ смерти. А якъ що ты нашои виры, то не повиненъ ты у твоихъ литахъ литомъ ходить у чоботяхъ.

Тутъ послѣдовалъ взрывъ смѣха со стороны женщинъ, осматривавшихъ мой костюмъ. Взглянувъ на себя, я и самъ вторилъ имъ мимовольно.

На прощанье возница ударилъ меня нѣсколько разъ кнутомъ и тронулъ лошадей, я-же, скрываясь отъ людей, спрятался въ хлѣбахъ и провелъ цѣлый день безъ пищи.

Къ вечеру бросивъ «лапсердакъ», я пошелъ мановцами (окольнымъ путемъ) и приблизился къ какому-то хутору. Тамъ я замѣтилъ старика, сидящаго въ пасѣкѣ. Голодъ понуждалъ меня къ смѣлости. Подойдя къ плетню, я сказалъ: «добрывечиръ! Слава Богу!» и просилъ старика подойти ко мнѣ. Добродушный видъ старика осмѣлилъ меня. Я рѣшился просить у него какую-нибудь свитку, разсказывая, что я посыльный и что на дорогѣ украли у меня свиту, а спѣшить мнѣ необходимо. Старикъ слушалъ терпѣливо мой разсказъ, распрашивая, откуда и куда меня послали. Я отвѣчалъ, какъ могъ. Старикъ покачалъ головою и сказалъ:

— Добре по-нашому говоришъ, але то не правда. Ты не вашои виры, видно по тоби. Але ты мене не бійся; я не гайдамака; я маю душу.

Онъ далъ мнѣ свитку, хлѣба и сала и отпустилъ меня, говоря:

— Иди соби съ Богомъ, бо и тутъ крутяться недобри люде.

Переночевавъ въ хлѣбахъ, по утру я направился къ цѣли моего путешествія. Къ полдню я уже былъ въ Соколовкѣ.

Проходя селомъ, я никого не замѣтилъ на улицѣ, но такъ какъ это былъ воскресный день, то я догадывался, что я застану всѣхъ около корчмы и направился туда смѣло. Около корчмы было дѣйствительно много народа. Я началъ привѣтствовать знакомыхъ. Всѣ, порядочно уже выпившіе, закричали:

— А то панычъ! треба и ёго такъ почастувати, якъ иншихъ ляхивъ и жидивъ.

Меня окружили, толкали, тянули за волосы, давали мнѣ прозвища. Легко догадаться, какихъ прозвищъ можно ожидать отъ пьянаго и взбунтованнаго «простацтва». Корчма была уже пуста; я не видѣлъ никакой возможности спастись. Просьба, напоминанія знакомства, плачь—все это не дѣйствовало. Ожиданіе неминуемой смерти отняло у меня всѣ силы, я стоялъ, какъ мертвый. Среди громады стоялъ старикъ, опершись на посохъ.

— Панове-громада, сказалъ онъ, вашого пануванья симъ днивъ, а вишанья буде на симъ литъ.

— Не знати, що старый говоритъ; старисть помишала ёму вже умъ, закричали всѣ и прибавили, что такъ какъ я ихній паничъ, то

они меня сами не лишатъ жизни, а пошлютъ въ Умань и попросятъ кого нибудь изъ старшинъ, чтобы имъ прислали кого для расправы.

Старикъ покачалъ головою, говоря: «таки по-моёму буде» и поплелся потихоньку.

Послѣдняя надежда на мое спасеніе исчезла. Меня схватили за волосы и бросили въ погребъ, находившійся вблизи корчмы, заперевъ двери его на замокъ. Погребъ былъ переполненъ жертвами разнаго возраста и пола изъ шляхты и жидовъ. Насилу я могъ пробраться въ глубь его. Я долженъ былъ стоять, такъ какъ сѣсть было негдѣ. Въ темнотѣ слышались только стоны и плачь. Такъ провели мы ночь, молясь и вручая себя Божію милосердію.

По утру отперли дверь нашей узницы. Поочередно вытягивали изъ погреба за волосы по одной жертвѣ. Остававшимся въ погребѣ слышны были выстрѣлы, раздававшіеся всякій разъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ кто-то сказалъ: «а де-жъ нашъ паничъ? пора вже прыйшла и на нёго, нехай не мучиться въ лёху». Меня отыскали и вытянули изъ погреба такимъ же образомъ, какъ и другихъ, а затѣмъ привели къ развалившейся клунѣ, изъ которой остались одни столбы. Тутъ я увидѣлъ нѣсколько козаковъ съ «янчарками» и вздрагивавшіе еще трупы убитыхъ. Мнѣ завязали глаза и привязали къ столбу. Въ то время, когда у меня еще были руки свободны, я перекрестился, предавая душу мою Богу. И дѣйствительно я испыталъ дѣйствіе чудотворнаго Его заступничества.

— Чекайте, я вамъ щось скажу, закричалъ я.

Старшій изъ козаковъ, надѣясь, вѣроятно, что я открою какое нибудь сокровище, велѣлъ развязать мнѣ глаза. Тогда, по вдохновенію Провидѣнія, я началъ пѣть русскую пѣснь, которую я пѣвалъ въ церкви у базиліановъ: «Пречистая Диво—Мати руського краю». Я повторялъ ее безъ перерыва нѣсколько разъ. Пѣснь эта такъ тронула старшаго козака, что слёзы у него хлынули изъ глазъ. Онъ велѣлъ отвязать меня отъ столба и сказалъ:

— Шкода ёго губити; визьмить соби ёго за дячка, нехай вамъ у церкви спивае.

Онъ велѣлъ пропѣть еще разъ пѣсню, погладилъ меня по головѣ и рекомендовалъ быть вѣрнымъ. Я обѣщался, благодаря за помилованіе. Громада спросила козака, что дѣлать съ остальными, оставшимися въ погребѣ.

— Напилисьмося вже доволи крови, отвѣчалъ онъ; пустить и тихъ, та нехай ёму подякують, що своею писнею спасъ ихъ одъ смерти.

Трогательно было смотрѣть съ одной стороны на освобожденныя жертвы, которыя болѣе походили на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ и, рыдая, бросались къ стопамъ атамана и моимъ, благодаря за ихъ спасеніе, съ другой на лежавшую кучку не остывшихъ еще труповъ. Я имѣлъ такимъ образомъ и то удовольствіе, что голосомъ своимъ спасъ отъ гибели столько людей.

Этимъ и окончились приключенія мои въ тотъ день. Козаки уѣхали, а меня завели въ церковь и отдали подъ надзоръ старшему дяку.

Я очень недолго исправлялъ обязанности дячка. Послѣ усмиренія гайдамачества россійскими войсками, дяки изъ окрестныхъ селъ ходили въ россійскій лагерь «колядовать». Пришла очередь и на Соколовку. Мой ближайшій начальникъ зазвалъ и меня вмѣстѣ съ цѣлымъ кружкомъ своихъ подчиненныхъ и рекомендовалъ пѣть хорошо, угрожая въ случаѣ ослушанія церковнымъ наказаніемъ. Поневолѣ я долженъ былъ идти. Когда мы очутнлись въ лагерѣ, я напрягалъ всю силу моего голоса, чтобы угодить моему начальнику. Мой голосъ заинтересовалъ капитана команды; онъ слушалъ съ удовольствіемъ и велѣлъ повторить мнѣ одному спѣтую пѣснь. Капитанъ внимательно ко мнѣ присматривался, потомъ спросилъ, какъ меня зовутъ.

— Романъ Рыліенко, подхватилъ мой начальникъ.

— Молчи, дуракъ, не тебя спрашиваютъ, крикнулъ капитанъ.

Дякъ замолчалъ, опустивъ голову. Капитанъ велѣлъ мнѣ говорить, прибавляя, чтобы я не боялся, что онъ видитъ, что я не «простой кондиціи» и что онъ беретъ меня подъ свое покровительство. Ободренный рѣчью капитана, я сказалъ ему свою фамилію и приключенія, вслѣдствіе которыхъ я долженъ былъ оставаться дячкомъ. Этотъ разсказъ удивилъ его и, казалось, тронулъ. Онъ разругалъ сурово моего начальника, велѣлъ ему идти прочь, а меня оставилъ въ своей палаткѣ.

Но не долго продолжалась обманчивая учтивость капитана. Узнавъ, что я играю на «торбанѣ», онъ переодѣлъ меня козачкомъ, велѣлъ пѣть, плясать, играть на гитарѣ и отдалъ подъ надзоръ своимъ деньщикамъ. Съ ними я долженъ былъ и жить. Наконецъ

капитанъ заявилъ мнѣ, что такъ какъ я круглый сирота, потому что мои родители и родственники. по его словамъ, погибли будто-бы всѣ во время рѣзни, то онъ изъ состраданія возьметъ меня къ себѣ въ имѣніе въ курскую губернію, недалеко отъ г. Рыльска. Онъ обѣщалъ, что мнѣ тамъ будетъ хорошо, что я тамъ познакомлюсь съ моими однофамильцами, князьями Рыльскими, лишь бы я хорошо исполнялъ должность надсмотрщика за его имѣніемъ. Бѣжать изъ лагеря было не возможно, и я обѣщалъ исполнять въ точности его порученія.

На другой день капитанъ отправилъ меня въ кибиткѣ съ своимъ собственнымъ кучеромъ, давъ на дорогу полтинникъ и обѣщалъ хорошее годичное жалованье. Сердце у меня сжималось въ виду новаго моего положенія, и я не питалъ уже никакой надежды на освобожденіе изъ этой неволи; потому передъ кучеромъ я старался казаться веселымъ и очень довольнымъ предложеніемъ капитана. Кучеръ, вѣроятно наученный, расхваливалъ доброту. щедрость и богатство своего барина. Такъ обманывая другъ друга, мы доѣхали до Елисаветграда.

Снискавъ довѣріе моего надсмотрщика, я попросилъ у него позволенія пойти на базаръ для покупки вяленой рыбы. Онъ далъ мнѣ десять грошей на харчъ, говоря, что это онъ дѣлаетъ по порученію своего господина. При этомъ онъ повторялъ похвалы его щедрости и доброты, хвалилъ и меня за то, что я добрый малый и умѣлъ снискать его расположеніе.

На базарѣ какой-то господинъ замѣтилъ меня и подошелъ, говоря: «здравствуй, Ромуальдъ!» Я не помнилъ этого лица и боясь какой нибудь новой измѣны, отказался отъ своего имени. Тогда онъ сказалъ мнѣ мою фамилію и прибавилъ, что онъ высланъ Квиткевичемъ отыскивать его родственниковъ и друзей, что братъ мой Антоній и родственникъ Воюдзкій находятся въ домѣ здѣшняго управляющаго. Этотъ разсказъ возбудилъ во мнѣ довѣріе къ разсказщику и я сдался на его попеченіе. Онъ привелъ меня въ домъ управляющаго, гдѣ я съ радостію увидѣлъ своихъ родственниковъ. Отсюда управляющій отправилъ меня къ моимъ родителямъ, которыхъ я засталъ въ живыхъ. Капитанскій кучеръ, не дождавшись моего возвращенія, ворвался, было, за мною въ домъ управляющаго;

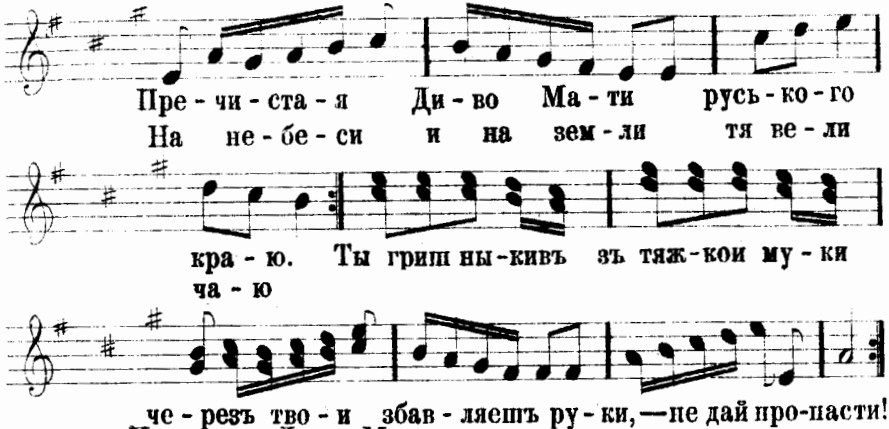
но тамъ, отколотивъ порядкомъ, прогнали его. Благодаря Провидѣнію, этимъ и окончились мои приключенія».

Что настоящій разсказъ моего отца вѣрно и точно записанъ, я ручаюсь, такъ какъ за время разсказа я вмѣстѣ съ моими сестрами дѣлалъ замѣтки, по которымъ и списалъ настоящій разсказъ.

Кромѣ этого разсказывалъ мой отецъ о несчастномъ случаѣ, постигшемъ въ то-же время сестру его, Елену Воюдзкую, мать упоминаемаго здѣсь Воюдзкаго.

Во время уманской рѣзни она бѣжала было къ родственникамъ своимъ на Волынь. У нея было два грудныхъ ребенка—близнецы. На дорогѣ она остановилась въ одной корчмѣ. Въ это время въ корчму прибѣжала шайка гайдамаковъ-козаковъ. Добрая кормилица, желая спасти ее, отдала ей свое платье, сама-же, взявъ на себя одежду госпожи, бѣжала съ дѣтьми въ близлежащій кустарникъ. Но это не помогло. Красота Воюдзкой выдала ее. Прибѣжавшіе козаки начали приставать къ Воюдзкой, сидѣвшей въ корчмѣ въ одеждѣ кормилицы. Они заставляли ее пить съ ними водку, а когда она отказывалась, стрѣляли надъ ея головой, угрожая смертію. Одинъ изъ козаковъ, узнавъ Воюдзкую, обратился къ ней со словами: «здорова, Галько!» Слезы ея и память добрыхъ ея поступковъ тронули козака. Онъ началъ разсказывать другимъ, какъ она помогала бѣднымъ, какъ часто своими просьбами освобождала людей отъ наказаній. При этомъ онъ заявилъ, что не дозволитъ, чтобы съ ней случилось малѣйшее зло. На это грозное заявленіе—это былъ атаманъ шайки—одинъ изъ козаковъ сказалъ: «коли даруешъ життя матери, оддаймо-жъ ій и дити». Козаки разбѣжались сейчасъ отыскивать дѣтей, и одинъ изъ нихъ принесъ ребенка на копьѣ и бросилъ къ ногамъ матери. Атаманъ наказалъ его сейчасъ-же «по-козацки». Изнывающая, съ сердцемъ, переполненнымъ отчаянія, бѣдная мать должна была продолжать путь съ оставшимся въ живыхъ ребенкомъ и кормилицею. Защитившій ее козакъ проводилъ ее нѣсколько миль до мѣста, откуда она безопасно могла продолжать свой путь.

Въ память чудеснаго спасенія моего отца, я прилагаю упоминаемую пѣснь, которую онъ пѣлъ, и ноты.



Пречистая Диво, Мати руського краю,
На небеси и на земли Тя величаю:
Ты гришнykивъ зъ тяжкои муки
Черезъ свои збавляешъ руки,
Не дай пропасти!

Тоби вси святыи служать родице Бога,
И мы гришни славимъ Тебе вси, яко мога,
Цилымъ серцемъ. Нехай мило
Тоби служить душа, тило,
Мати чистая!

Хто невдяченъ ласки твоей, скажи, которыи
Зъ-пидъ каменья для збавленья идуть до горы?
Темныхъ, хорыхъ и уломныхъ
Очищаешъ тамъ притомныхъ—
Прошу жъ, и мене
Май въ бачности и милости вирного слугу,
Не дай мени упадати въ велику тугу.
Скажи-жъ теперъ—колибъ знати:
Що зъ гришнykомъ будешъ дилати,
Пани ласкава!

Утикающихъ къ Тоби во всякой потреби
Знаешъ и ихъ вспомагаешъ, хотяй живешъ у неби.
Не выпускай же на вики
Зъ Твоей пресвятой опики
Мене гришного!

Подай руку въ тяжкій биди и утрапленью,
Даруй ласку просящему мени ку збавленью.
Ратуй, всимъ намъ оборона,
Просить Тя наша корона,
Яко царыци.
Зъ Сыномъ Твоимъ возлюбленнымъ буди ласкава,
Которому нехъ съ Тобою поклонъ, честь, слава
Во викъ виковъ не престане,
Поки сёго свита стане—
Одъ всихъ слугъ твоихъ!

ТУРЪ ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

Историко-зоологическія свѣдѣнія о турѣ.

Въ древности въ Европѣ жили двѣ породы дикихъ быковъ: зубръ (bos priscus) и туръ (bos primigenius). Зубръ до сихъ поръ сохранился въ Бѣловежской пущѣ, въ гродненской губерніи. Бѣловежская пуща—громадный сплошной лѣсъ или лѣсной островъ, отдѣленный отъ другихъ лѣсовъ Литвы селеніями и обработанными полями. Правительство заботливо охраняетъ зубровъ. Лѣсная стража ежегодно провѣряетъ ихъ число, заготовляетъ для нихъ на зиму сѣно, уничтожаетъ хищныхъ животныхъ. За умышленное убійство зубра виновный судится, какъ за уголовное преступленіе. Туръ принадлежитъ къ числу совершенно вымершихъ большихъ травоядныхъ животныхъ, и память о немъ сохранилась въ мѣстныхъ названіяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ.

О зубрѣ писали много [1]), и самого зубра можно видѣть въ лучшихъ европейскихъ зоологическихъ садахъ. О турѣ писали мало, и всѣ свѣдѣнія о внѣшнемъ видѣ и образѣ жизни тура мы почерпаемъ изъ старинныхъ книгъ, изъ замѣчаній, оброненныхъ мимоходомъ древними писателями.

Плиній говоритъ: «Скиѳія очень бѣдна животными и въ Германіи ихъ немного; но замѣчательны два вида дикихъ быковъ, именно, украшенный гривою бизонъ и отличающійся силою и бы-

---

[1]) *Усовъ*, „Зубръ“ (монографія); *Brehm*, Thierleben, II, и др.

стротою уръ». Плиній прибавляетъ къ этому, что несвѣдущій народъ называетъ уровъ буйволами» (bubalus).

Сенека говоритъ: «пестрые тигры даютъ тебѣ перси, мохнатые бизоны и дикіе уры съ широкими рогами хребты». Сенека здѣсь ясно различаетъ бизоновъ и уровъ чертами, характерными для обоихъ животныхъ.

У Марціала въ одномъ стихѣ поставлены рядомъ бизонъ и уръ, но послѣдній подъ именемъ bubalus: illi cessit atrox bubalus atque bison.

Юлій Цезарь въ своемъ сочиненіи De bello Gallico, въ описаніи Герцинскаго лѣса, говоритъ объ урѣ.

Сентъ-галенскій монахъ Экгартъ, умершій въ 1070 г., перечисляя мясную пищу, которую употребляли въ его монастырѣ, указываетъ на wizent и ur, какъ на двухъ разныхъ животныхъ [1]).

Существованіе тура въ Россіи, преимущественно, южной и западной, подтверждается многими свидѣтельствами, русскими и польскими. Въ поученіи Владиміра Мономаха, вставленномъ въ Лаврентьевскую лѣтопись подъ 1096 г., а составленномъ, по вѣроятному соображенію Погодина, въ 1099 г. [2]), находится слѣдующее выраженіе Владиміра: «Тура мя два метали на розѣхъ и съ конемъ» [3]). Изъ поученія видно, что мѣстомъ охоты на тура въ данномъ случаѣ были лѣса нынѣшней черниговской губерніи. Эпитетъ Всеволода въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» «яръ-туръ» получаетъ особенную силу и значеніе, если принять во вниманіе отзывы Плинія, Сенеки и Марціала объ урѣ, какъ о животномъ сильномъ, быстромъ и жестокомъ. Выраженіе храбрости воина посредствомъ сравненія его съ туромъ, можно думать, было довольно обычно въ древности, можетъ быть, было общимъ эпическимъ выраженіемъ. Въ началѣ Волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку, въ характеристикѣ кн. Романа Галицкаго, сохранившей обрывки древнихъ поэтическихъ мотивовъ, находится выраженіе: «храборъ бо бѣ, яко и туръ» [4]).

---

[1]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 82—83.

[2]) *Извѣстія* Акад. Наукъ, т. X, вып. 3.

[3]) *Лѣтопись*, изд. 1872 г., стр. 24 .

[4]) *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 43.

Матвѣй Мѣховскій въ трактатѣ о Сарматіяхъ 1521 г. говоритъ о дикихъ быкахъ или турахъ, какъ животныхъ, водившихся въ литовскихъ лѣсахъ [1]). Послѣ трактата Мѣховскаго въ исторіи знаній, относящихся къ міру животныхъ восточной Европы, замѣтно выступаетъ сочиненіе Іовія. Іовій замѣчаетъ, что въ Литвѣ, въ той ея части, которая примыкаетъ къ Пруссіи, водились туры (uri ingentes et ferocissimi taurorum specie). Повидимому, Іовій смѣшивалъ тура съ зубромъ, потому что послѣ приведенной фразы замѣчаетъ: quos Bisontes vocant [2]). Найболѣе цѣнныя извѣстія о турѣ находятся въ Запискахъ Герберштейна о Московіи. Изъ подробнаго описанія зубра и тура у Герберштейна видны особенности того и другаго. «Кромѣ тѣхъ звѣрей, которыя водятся въ Германіи, говоритъ Герберштейнъ, Литва имѣетъ еще бизонтовъ (bisons), буйволовъ (urus), лосей (alce), которыхъ иные называютъ онаграми, лѣсными лошадьми. Бизонта литовцы называютъ на своемъ языкѣ зубромъ, германцы неправильно зовутъ его Aurax или Urax... Бизонты съ гривой; шея и плечи ихъ косматыя; борода, висящая съ подбородка; волоса пахнутъ мускусомъ; голова короткая; глаза большіе, впалые, какъ-бы пылающіе; лобъ широкій... Спина зубра приподнимается въ видѣ горба, такъ что передняя и задняя части животнаго ниже середины». Далѣе слѣдуетъ описаніе охоты на зубра. «Буйволы, продолжаетъ Герберштейнъ, водятся только въ одной пограничной съ Литвой Мазовіи. На туземномъ языкѣ называются турами, а у германцевъ настоящее имъ имя Urox. Это въ самомъ дѣлѣ лѣсные быки, нисколько не отличающіеся отъ домашнихъ быковъ, развѣ только тѣмъ, что всѣ они черны и имѣютъ черную съ бѣлымъ полосу вдоль хребта. Ихъ не очень много, и на нѣкоторыя деревни возложены уходъ и присмотръ за ними; наблюдаютъ за ними почти такъ же, какъ въ какихъ-нибудь звѣринцахъ. Они случаются съ домашними коровами, но это сопровождается дурными послѣдствіями для нихъ, ибо потомъ прочіе буйволы не допускаютъ ихъ въ стадо, какъ обезчестившихся (infames); да и телята, рождающіяся отъ этого смѣшенія, не живучи. Король Сигизмундъ Августъ подарилъ мнѣ, когда я былъ у него

---

[1]) *Замысловскій*, Герберштейнъ, стр. 269.

[2]) Тамъ-же, стр. 277.

посломъ, одного выпотрошеннаго буйвола, котораго добили охотники, когда онъ полуживой былъ выгнанъ изъ стада; у него была вырѣзана кожа, которая покрываетъ лобъ, и я думаю, что это сдѣлано было не даромъ... Извѣстно, что пояса, сдѣланные изъ буйволовой кожи, цѣнятся дорого, и въ народѣ вѣрятъ, что опоясываніе ими помогаетъ въ родахъ. По этой причинѣ королева Бона, мать Сигизмунда Августа, подарила мнѣ два такихъ пояса, изъ которыхъ одинъ благосклонно приняла въ подарокъ отъ меня моя пресвѣтлѣйшая государыня, королева римская»[1]). Въ другомъ мѣстѣ Герберштейнъ говоритъ, что самогиты употребляли буйволовы рога вмѣсто чашъ[2]).

Лаврентій Сурій, писатель половины XVI в., говоритъ: «заблуждаются тѣ, которые уровъ зовутъ бизонами, ибо бизоны многимъ отличаются отъ уровъ[3]).

Блэзъ де Виженеръ въ «La Description du Royaume de Poloigne» 1573 г. упоминаетъ о турахъ, причемъ руководствуется Записками Герберштейна. Блэзъ де Виженеръ говоритъ, что туры отличались отъ домашнихъ быковъ величиной, уступая въ этомъ отношеніи только слонамъ. Цвѣтъ ихъ черный, съ бѣлой полосой на хребтѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ держали въ большихъ деревянныхъ оградахъ или паркахъ, что вполнѣ согласуется съ показаніями Герберштейна[4]).

Граціанъ де Бурго, конца XVI ст., также упоминаетъ объ урахъ и бизонахъ.

Нѣмцевичъ издалъ въ 1821 году дневникъ Муканте, бывшаго секретаремъ папскаго нунція при польскомъ дворѣ въ 1595 году. Здѣсь Муканте говоритъ, что онъ посѣтилъ большой королевскій паркъ близъ Варшавы, гдѣ были бизоны и туры.

Воевода Остророгъ, писавшій въ XVI ст. многія сочиненія, касающіяся охоты и сельскаго хозяйства, написалъ руководство къ устройству охотничьихъ парковъ, гдѣ совѣтуетъ не содержать въ одномъ и томъ же паркѣ бизоновъ и уровъ, ибо вслѣдствіе враж-

---

[1]) *Герберштейнъ*, Записки о Московіи, перев. Анонимова, стр. 168.

[2]) *Замысловскій*, Герберштейнъ, стр. 306. Примѣчаніе.

[3]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 85.

[4]) *Кулишъ*, Исторія возсоед. Руси, т. II, стр. 450.

дебной антипатіи эти животныя часто дрались бы. Кромѣ того, о турѣ упоминаютъ другіе писатели XVI вѣка, Мартынъ Кромеръ, Туанъ и Іоаннъ Богеръ, въ своихъ историческихъ и статистическихъ описаніяхъ Литвы [1]).

Писатели XVII вѣка, Генебергеръ, Гарткнохъ, Московій уже смѣшиваютъ зубра и тура и все, относящееся къ зубру, относятъ къ туру, или обратно.

Общій смыслъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ писателей XVI ст. о турѣ состоитъ въ томъ, что въ это время туръ становился рѣдкостью. Его уже оберегаютъ отъ истребленія, содержатъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, обязываютъ населеніе извѣстныхъ мѣстностей охранять стада туровъ. Цѣль охраненія туровъ могла быть различной: охота высокопоставленныхъ лицъ, снабженіе лучшими экземплярами королевскихъ парковъ, полученіе изъ кожи убитыхъ туровъ ремней съ суевѣрными врачебными цѣлями. Какъ-бы то ни было, охраненіе тура не спасло его отъ окончательнаго вымиранія, и въ XVII ст. совсѣмъ исчезъ Bos primigenius въ восточной Европѣ.

Герберштейнъ и Блэзъ де Виженеръ оставили рисунки тура; рисунокъ Герберштейна, между прочимъ, помѣщенъ въ монографіи Усова о зубрѣ; рисунокъ Блэза де Виженера въ концѣ 2 тома «Исторіи возсоед. Руси» П. А. Кулиша. Голова тура въ рисункѣ Блэза отчасти напоминаетъ голову зубра; рисунокъ Герберштейна, повидимому, вѣрнѣе передаетъ оригиналъ.

II.

Филологическія разысканія о турѣ.

Въ санскритскомъ sthira—быкъ, въ смыслѣ прилагательномъ обозначаетъ понятія крѣпкій, сильный, неподвижный, понятія, такъ подходящія для характеристики быка. Корень слова stha (stare) встрѣчается во всѣхъ арійскихъ языкахъ. Отсюда въ санскр. sthura—сильный человѣкъ, sthaura—сила, sthaurin, sthurin, sthorin—сильная лошадь. Къ этому разряду словъ относятся зендское staora—вьючное животное, осетинское stur—большое животное вообще, готское situr, англ-саксонское steor, styre, древне-верхне-нѣмецкое stiuri,

[1]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 87, 88.

sturi, ново-нѣмецкое stier—волъ, быкъ, названіе, до сихъ поръ напоминающее stark—сильный, крѣпкій. Во всѣхъ этихъ словахъ ясно обнаруживается опредѣленіе животнаго по силѣ, какъ главному качеству его.

Въ разныхъ языкахъ въ глубокой древности уже обнаружилась потеря начальнаго S. Такъ въ греч. thauros, латинск. taurus, сканд. thior, швед. tiur, датск. tyr, древне-слав. тоуръ, русск. туръ.

Любопытно, что эти арійскія названія для быка, домашняго или дикаго, встрѣчаются у народовъ семитическихъ: халдеевъ tora, сирійское tauro, араб. thavr. Трудно опредѣлить, въ какомъ отношеніи находится эта группа семитическихъ словъ къ арійскимъ наименованіямъ быка. Можно думать, что въ данномъ случаѣ заимствовали семиты [1]).

Въ славянскихъ языкахъ встрѣчается одна форма названія туръ, безъ начальной s [2]).

Нѣмецкое названіе для тура ur, urox производятъ отъ общаго ведическаго названія быка и коровы usra. Это слово обозначало лучъ, свѣтъ и быковъ съ шерстью красноватаго оттѣнка. Среднее s могло ассимилироваться слѣдующему затѣмъ въ usra r. Странно, однако, что животное чернаго цвѣта получило наименованіе отъ слова, означающаго красный цвѣтъ, и этой несообразности не устраняетъ предположеніе Пикте, что основной смыслъ слова usra былъ потерянъ германцами и кельтами [3]). Любопытно, что у славянъ слово оуръ въ древности имѣло совсѣмъ особое значеніе, именно означало героя, доблестнаго воина, богатыря. Такъ, въ одной древней болгарской рукописи, заключающей въ себѣ переводъ греческихъ сказаній о троянской войнѣ, находятся выраженія: грѣцкыѫ воеводы и саракинстіи оурове, царѣ и оурове гръцстіи» [4]).

У сербовъ и хорватовъ туръ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «дивій волъ» [5]), напоминающимъ малорусскій эпитетъ тура—оленя «дивное звѣря». Положеніе слова туръ въ малорусскомъ языкѣ неизвѣстно. Лексикальная сторона малорусскаго языка почти со-

---

[1]) *Pictet*, Les origines indo-europeennes, т. I, стр. 397.

[2]) *Mklosich*, Lexicon palaeoslavico—gr.—latinum, 1015.

[3]) *Pictet*, Les origines, т. I, стр. 339.

[4]) *Miklosich*, Lexicon palaeoslavico—gr.—latinum, 1063.

[5]) *Linde*, Słovnik, V.

всѣмъ неизслѣдована. Съ словомъ туръ сходны многія областныя великорусскія слова; но въ большинствѣ случаевъ это сходство случайное. Нѣтъ основаній, ни филологическихъ, ни логическихъ, связывать слово туръ съ такими словами, какъ турлыкать (напѣвать, чаще курлыкать; слово звукоподражательно «журавли курлыкаютъ»), турусы (пустословіе), турухтанъ (драчунъ куликъ, tringa pugnax), туркотъ (порода голубей, слово звукоподражательное отъ турчать). Можетъ быть, въ родственной связи съ туромъ находятся слова: турить, турнуть (тамб., костром. и др.) въ значеніи гнать, туркій (нижегор.) въ значеніи быстрый, туровить (волог., перм.) въ значеніи торопить, туровый (волог., новг.)—скорый, быстрый, турлукъ (рязан.)—частоколъ, плетень, турыкала или турыбала—охотникъ про себя, турыбала (тверск.)—неловкая, неуклюжая баба, турышко (волог.)—ведерце, туръ или турокъ (арханг.)—печной столбъ, коего окончаніе, или нога, расписывается пестро красками. Послѣднее слово встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ сѣвернаго края, напримѣръ: туру ногу пишетъ[1]).

Народъ часто даетъ названіе одного животнаго другому, когда перваго животнаго нѣтъ въ той мѣстности, гдѣ живетъ другое, но гдѣ первое животное было нѣкогда и воспоминанія о немъ сохранились. Такъ, неизвѣстно, къ какому виду рода cervus относилось исчезнувшее слово елень. Измѣнившись въ елень, оно относится къ двумъ разнымъ животнымъ, именно: на Сѣверѣ и въ Сибири оленемъ просто называется Cervus tarandus, сѣверный олень (эпитетъ сѣверный приданъ зоологами); на югѣ Россіи оленемъ называютъ Cervus claphus. Эти два вида животныхъ въ Россіи сходятся только въ одномъ мѣстѣ, именно Сибири, и тамъ тотчасъ же оба вида пріобрѣтаютъ два различныя видовыя названія; за первымъ остался олень, второй получилъ названіе изюбръ. Названіе серна также относится къ двумъ различнымъ видамъ, даже разныхъ семействъ, именно: серною называютъ козулю, Cervus capreolus, и собственно серну Capella rupicapra. Подобный же переносъ названія съ одного животнаго на другое обнаруживается въ словѣ туръ. Гдѣ не сходились Bos primigenius и Bison curapaeus, названіе тура могло отно-

[1]) *Даль*, Толковый словарь, т. IV, стр. 406; *Дополненія* къ нему, изд. Акад. Наукъ.

ситься къ тому и другому; тамъ же, гдѣ оба вида сходились вмѣстѣ, напр. въ Литвѣ и Польшѣ, тамъ явилось и два видовыхъ названія: туръ и зубръ [1]). На Кавказѣ туромъ называется дикій, каменный или горный баранъ, capra caucasica. Ученые туромъ назвали большаго жука, оленя или рогача [2]). Въ Литвѣ растеніе Hierochlea berealis называется зубровкой и туровкой [3]).

III.

Туръ въ личныхъ именахъ.

Извѣстно, что у народовъ, непросвѣщенныхъ христіанствомъ, личныя имена происходятъ отъ названій предметовъ физическаго міра, преимущественно названій растеній и животныхъ. У дикихъ и варварскихъ народовъ, напримѣръ, американскихъ индѣйцевъ, обычны личныя имена Волкъ, Лисица, Змѣя и т. п. Несомнѣнно, славяне въ языческую пору также употребляли названія растеній и животныхъ для обозначенія людей, какъ личныя имена. Замѣчательнымъ переживаніемъ служатъ сохранившіяся у сербовъ и болгаръ личныя имена по растеніямъ и животнымъ, напримѣръ, имя извѣстнаго сербскаго этнографа Караджича Вукъ, т. е. Волкъ. У болгаръ въ настоящее время встрѣчаются слѣдующія личныя имена по растеніямъ: Босилко (мужское) и Босилка (жен.), Вишнѐ (муж.) и Вишна (жен.), Врьбанъ (муж.) и Врьбана или Верба (жен.), Гроздѐ (муж.) и Грозда или Гроздана (жен.), Данко или Дѧбко (муж.), Лозана (жен.), Цвѣтанъ (муж.) и Цвѣтана или Цвѣтка (жен.), Билина, Дафна (греч. лавръ), Дуля (груша, айва), Карамфила (турец. гвоздика), Маслина (въ западной Болгаріи), Ружа, Ракита, Трендафила (греч. роза), Чиреша—все женскія личныя имена, и слѣдующія личныя имена по животнымъ, исключительно мужескія: Влѧко, Волко, Влѧчо, Влѧчанъ, Вѧко, Куртъ (турец. волкъ), Меца и Мечка (медвѣдь), Паунъ, Павлинъ, Рако, Славей. Въ западной Болгаріи встрѣчается женское личное имя Зазуля [4]). Въ сербскихъ пѣсняхъ встрѣчается слово туръ въ значеніи юнака, богатыря, Туре Влахине богатырь

---

[1]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 92—93.

[2]) *Даль*, Толковый словарь, т. IV, стр. 406.

[3]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 92.

[4]) *Каравеловъ*, Памятники народ. быта болгаръ, т. I, стр. 1861.

Волохъ, соотвѣтственно съ буй туръ Всеволодъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ».

Въ русскихъ лѣтописяхъ находятся указанія, что въ древній періодъ русской исторіи русскіе славяне имѣли личныя имена, произведенныя отъ названія животныхъ и, въ частности, тура. Въ первоначальной лѣтописи подъ 980 г.: Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою въ Полотьскѣ, а Туры въ Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася»[2]). Основателемъ Турова дѣйствительно могъ быть князь Туръ, согласно съ обычаемъ называть города по имени основателей. О древности этого обычая можно судить по тому, что на первыхъ страницахъ первоначальной лѣтописи уже встрѣчаются города Владиміръ, Ярославль, Святополчь, Борисовъ. Основателемъ Турова могъ быть князь славянскаго происхожденія. Въ лѣтописи встрѣчаются несомнѣнно русско-славянскіе люди съ личнымъ именемъ Туръ. Такъ въ лѣтописи, приписываемой Нестору, или первоначальной, подъ 1097 г. упоминается владимірецъ Турякъ. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1208 г. упоминается Петръ Туровичъ. Бо́льшаго довѣрія заслуживаетъ, однако, другое предположеніе, что основателемъ Турова былъ варягъ, по имени Туръ, землякъ упоминаемаго рядомъ съ нимъ Рогволода. Нужно думать, что воинственные варяги любили личное имя по сильному быку, туру. Слово Туръ было довольно обычнымъ въ именахъ варяжскихъ. Оно встрѣчается въ именахъ нѣсколькихъ варяжскихъ дружинниковъ въ договорѣ Игоря съ греками 945 года, какъ-то Турдовъ, Турбидъ, Турбенъ, отъ скандинавскаго thior, швед. tiur. На народномъ славянскомъ языкѣ. какой-либо Турдовъ или Турбидъ обращался въ Тура. Вообще, въ этой области личныхъ именъ славяне сходились съ норманнами, такъ какъ названія тура у тѣхъ и другихъ были почти тождественны въ фонетическомъ отношеніи.

Какъ извѣстно, русскій народъ уже въ древности, XII и XIII ст., оставилъ старинныя личныя имена по растеніямъ, животнымъ или нравственнымъ качествамъ и принялъ всецѣло личныя имена святыхъ, почитаемыхъ православною церковью, безъ различія отъ степени ихъ извѣстности или благозвучности.

---

[1]) *Лѣтопись* по Лавр. сп., 1873, стр. 74.

Въ настоящее время встрѣчаются фамильныя прозванія Туровъ, Туренко, Туранскій, Туринскій и т. п. Весьма сомнительно, чтобы въ основаніи ихъ лежало названіе животнаго тура, давно уже вымершаго.

IV.

Туръ въ мѣстныхъ названіяхъ.

Мѣстныя собственныя имена, происшедшія отъ тавра—тура, указываютъ, въ какихъ мѣстностяхъ водились туры въ большомъ количествѣ. Слово таврусъ встрѣчается во многихъ мѣстныхъ названіяхъ греческихъ и римскихъ. Къ этому разряду мѣстныхъ собственныхъ именъ принадлежатъ наименованія: Таврида, Taurasia или Augusta Taurinorum, нынѣ Туринъ въ сѣверной Италіи, Таврополіумъ—храмъ Діаны на островѣ Икаріи, Taurunum—городъ въ нижней Панноніи, нынѣ Бѣлградъ [1]). Нельзя не признать, однако, крайнимъ произволомъ сваливаніе въ одну кучу и пріуроченіе къ туру всѣхъ наименованій странъ и народовъ, гдѣ только слышится слово туръ или сходное съ нимъ,—сваливаніе, замѣтное въ Словарѣ Ходаковскаго [2]), въ книгѣ «Божества древнихъ славянъ» г. Фаминцына и въ особенности въ статьѣ г. Безсонова «Мнимый туранизмъ русскихъ», напечатанной въ «Чтеніяхъ москов. общ. ист. и древ. россійскихъ» (1885 г., кн. II). Древній народъ ады или уты и туръ—это два кита, на которыхъ держится вся филологія, этнографія, этнологія и археологія г. Безсонова. У г. Безсонова туръ переплетается съ тигромъ, этрусками, тюрингенцами, буй-туръ «Слова о Полку Игоревѣ» отождествляется съ британскимъ Артуромъ, и все это сводится къ туру (стран. 101); кентавръ—коне—туръ (101); этруски, туррены, туссагеты, туринги, тирольцы, турки, по словамъ г. Безсонова, «конечно изъ помянутаго тура». Мало того: «имя татаръ, продолжаетъ г. Безсоновъ, редупликація или удвоеніе корня тр, являющагося уже въ извѣстныхъ намъ наименованіяхъ: тигръ, туръ, тавръ» [3]). Сравнительная славянская филологія и мифологія все терпитъ. Въ этой области, загроможденной всякаго рода

---

[1]) *Кронебергъ*, лат.-рус. словарь, стр. 523.

[2]) *Погодинъ*, Русск. историч. сборникъ, 1844 г., т. VII.

[3]) *Чтенія* въ общ. ист. и древ. росс., 1885 г., т. II, стр. 110.

хламомъ, весьма полезной является строгая и суровая критика, въ родѣ уничтожающей рецензіи проф. Будиловича въ Журналѣ министерства народоднаго просвѣщеніи на «Славянскій міръ» генерала Риттиха.

Слово туръ входитъ во многія славянскія мѣстныя названія. Такъ сюда относятся словинскія: Турье, Турякъ, Турянци, Турья Глава, хорватскія: Турини, Туряньско, Турополье, Туриново село, сербскія: Турія, Турье, Турица, Туряке, чешскія: Туржи, Тура, Турице, Туровъ, Турова, Туровецъ, Туровище, Туровка, Турско, Турна, Тура луна, Турополе, польскія: Туръ, Туржецъ, Туры, Туржа, Туржынъ, Туревъ, Турово, Туровице, Туростово, Турова воля, Турже поле [1]). Въ Великороссіи находимъ мѣстныя названія: Тура (рѣчка въ лух. уѣз. костр. губ.), Турья (рѣка въ серп. уѣз. моск. губ.), Туринино (село въ калуж. губ.), Турово (село въ твер. и въ новгор. губ.), Тураево (село въ калуж. губ.), Турова (село въ яр. губ.), Волотуръ (тул. губер.), Верхотурье (перм. губ.) [2]). Туръ-озеро (въ кур. губер.), Туриково (въ костр. губ.), Туромша (въ ряз. губ.), Туренка (рѣка въ тул. губ.), Туровскій лѣсъ (въ ряз. губ.), Турская (село въ новг. губ.), Итурова пустошь (въ новг. губ.), Отурицы (въ новг. губ.), Обо-Турово (въ костр. губ.), Оботуринъ (рѣка въ твер. губ.), Туровское озеро (въ костр. губ.), Туренка (рѣка въ орл. губ.), Туровская (въ тамб. губ.), Туровъ логъ (въ кур. губ.). По замѣчанію Ходаковскаго, «обыкновенно являются сіи названія при нашихъ городищахъ» [3]).

Въ западной и юго-западной Россіи, въ Галиціи и Польшѣ сохранилось много мѣстныхъ названій, произведенныхъ отъ тура. Эти страны, въ особенности Литва и Волынь, въ древности были покрыты дремучими лѣсами, отчасти сохранившимися до настоящаго времени, и тутъ, нужно думать, водилось много туровъ и зубровъ. Такъ, въ волынской губерніи находимъ Турьи горы, въ кремен. уѣз., подъ Городищемъ, въ Загайцахъ, Турье поле, во владим. у., подъ Городищемъ, что въ Зимнѣ, Турійскъ, Туря (притокъ р. Припети). Въ кіевской губ. Турія, Турова божница. Въ черниговской

---

[1]) *Miklosich*, Die slavisch. Orstnamen, т. II, стр. 110.

[2]) *Фаминцынъ*, Боги славянъ, т. I, стр. 233.

[3]) *Погодинъ*, Русск. истор. сборн., т. VII, стр. 375.

губ. р. Турья, притокъ Снови. Въ Галиціи Турочки, Тураньско[1]). Названіе рѣки Стырь, можетъ быть, происходитъ отъ слова туръ, въ готской его формѣ stiur, древне-нѣм. stiuri, sturi[2]).

Отраженіе тура въ мѣстныхъ названіяхъ не представляетъ хронологическаго интереса. По этимъ названіямъ нельзя опредѣлить время исчезновенія тура въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ мѣстныхъ названій могли возникнуть отъ личнаго и фамильнаго прозванія перваго поселенца, причемъ самое прозваніе могло на нѣсколько столѣтій пережить тура, отъ котораго первоначально произошло. Во всякомъ случаѣ многія мѣстныя названія, произведенныя отъ тура, возникли въ глубокой древности и встрѣчаются уже на первыхъ страницахъ древней лѣтописи. Городъ Туровъ кіевской области, нынѣ село Турово минской губ., встрѣчается подъ 980 г. Подъ 1097 г. упоминается Турійскъ, гор. владимірской обл., нынѣ мѣст. волынской губерніи на рѣкѣ Турьѣ. Подъ 1146 г. упоминается Турова божница близъ Кіева; подъ 1283 г. село Турово курской области. Городъ Туръ на рѣкѣ Нѣманѣ упоминается въ числѣ древнихъ городовъ литовскихъ.

Нѣкоторыя мѣстныя названія отъ тура могли возникнуть потому, что, какъ мы уже видѣли, на обязанности жителей нѣкоторыхъ селъ лежало охраненіе этого животнаго[2]).

V.

Туръ въ малорусскихъ поговоркахъ.

Поговорки бываютъ разнаго рода. Однѣ поговорки вышли изъ пѣсенъ, и въ пѣсняхъ нужно искать ихъ полнаго значенія. Другія поговорки представляются результатомъ простаго наблюденія надъ міромъ физическимъ и имѣютъ самостоятельное происхожденіе и самостоятельную цѣну. Малорусскія поговорки о турѣ принадлежатъ къ послѣднему разряду поговорокъ народныхъ. Онѣ не повторяютъ пѣсенныя выраженія, пѣсенныя характеристики тура, а прибавляютъ къ нимъ новыя, оригинальныя черты народной наблю-

---

[1]) Тамъ же, стр. 343; *Головацкій*, Пѣсни, т. I, *Фамицынъ*, т. I, стр. 233.

[2]) *Pictet*, Les origines indo-europeennes, т. I, стр. 336.

[3]) *Лѣтопись* по Лавр. сп., 1872 г., стр. 74, 258, 457; *Фаминцынъ*, стр. 233; *Барсовъ*, Матеріалы, стр. 202.

дательности и народныхъ воспоминаній объ этомъ животномъ. Малорусскія поговорки о турѣ немногочисленны; но онѣ любопытны и цѣнны по вѣрной характеристикѣ тура въ главныхъ, существенныхъ его свойствахъ.

1) Гримъ такій, що хочъ туры гони, такъ не почують (Волынь).

2) Леминтъ такій, или глухе таке, що хочъ туры гони, то не почують (тамъ-же).

3) Зъ тобою ходити, якъ зъ туромъ водитись (варіантъ, якъ зъ гованомъ). (Подолія).

4) Баба, якъ туръ (встрѣчается у Илькевича).

5) Зираются, якъ на тура (говорятъ въ Галиціи и Подоліи).

6) Тутъ, туре, грузько (встрѣчается въ рукописи начала XIX ст., заключающей въ себѣ приказки изъ Уманщины).

7) У него натура, якъ у тура (у Илькевича и Войцицкаго).

8) Хорошъ и той пидъ тура (изъ Уманщины).

9) Выгонимъ сирого тура зъ луга (у Войцицкаго).

10) Сидитъ, якъ туръ у горахъ (запис. въ Кіевѣ) [1]).

Всѣ эти поговорки народнаго происхожденія; всѣ записаны въ юго-западномъ краѣ и въ Галиціи, и это обстоятельство не лишено значенія при рѣшеніи вопроса, гдѣ водились на югѣ Россіи туры и гдѣ они долѣе всего держались. Поговорки вѣрно передаютъ намъ основную особенность тура, его величину, тяжесть и цвѣтъ шерсти. Извѣстно, что цвѣтъ шерсти тура черный, но на спинѣ животнаго шла бѣлая полоска, и потому малорусскій эпитетъ тура сѣрый представляется вѣрнымъ. Въ особенности любопытны 9 и 10 поговорки, указывающія на пребываніе тура въ лѣсахъ Кіевщины и Волыни и на покрытыхъ лѣсами горныхъ отрогахъ Карпатъ въ Подоліи и Галиціи. Данныя о турѣ, находящіяся въ поговоркахъ, подтверждаются малорусскими пѣснями, представляющими нѣсколько новыхъ характерныхъ чертъ тура, точнѣе воспоминаній о турѣ.

Туръ изрѣдка встрѣчается въ малорусскихъ заговорахъ, напримѣръ, въ заклинаніи противъ кровотеченія: «тамъ на горѣ туры орали, красну рожу сіяли» [2])....

---

[1]) *Герберштейнъ*, въ пер. Анонимова, стр. 168.

[2]) *Номисъ*, Украинськи приказки, §§ 562, 645, 2662, 7813, 8587, 13323, 13328, 13338, 5296 и 1353.

VI.

Туръ въ малорусскихъ пѣсняхъ.

Въ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ или думахъ нѣтъ тура. Въ то время, когда слагались думы, въ XVII ст., тура уже не было въ южной Россіи. Туръ сохранился въ болѣе древнихъ малорусскихъ пѣсняхъ, именно въ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Въ колядкахъ говорится, что «хорошая жена мыла пеленки или ризы Спасителя на краю Дуная надъ синимъ моремъ и сушила ихъ въ тура на рози»[1]). Здѣсь примѣшался христіанско-легендарный мотивъ о Богоматери. Въ другихъ колядкахъ (напримѣр. Голов. II, 18) рѣчь идетъ вообще о бѣлой кошулѣ, или сорочкѣ славимаго домохозяина.

Одинъ изъ самыхъ обычныхъ, въ высшей степени распространенныхъ пріемовъ народной мысли въ созданіи пѣсенъ состоитъ въ мультипликаціи или увеличеніи числа предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ пѣсни, увеличеніи, большею частію выражающемся въ троеніи предмета. Вмѣсто одной дороги, одной травы, одного богатыря, является три дороги, три травы, три и болѣе богатырей. Повидимому, это формальное явленіе народной поэзіи обнаруживается въ тѣхъ мѣстахъ колядокъ, гдѣ говорится про девять роговъ тура-оленя. Газдынонька, т. е. домохозяйка, смотритъ въ чистое поле:

Ой высмотрѣла дивное звѣрье,
Дивное звѣрье, тура-оленя.
На головцѣ жъ му та девять рожкивъ[2]).

Въ другой галицко-русской колядкѣ зеленая дуброва шумитъ:

Бо въ себѣ чую дивное звѣря,
Дивное звѣря, тура-оленя,
Що на головцѣ девять рожечкивъ,
А на десятомъ теремъ збудованъ,
А въ томъ теремѣ кгречная панночка[3])....

---

[1]) *Ефименко*, Малор. заклинанія, стр. 13.
[2]) *Kolberg*, Pokucie, т. I, стр. 100.
[3]) *Головацкій*, т. II, стр. 48.

Этотъ мотивъ довольно часто встрѣчается въ колядкахъ, и въ сущности въ немъ нѣтъ ничего страннаго, если принять во вниманіе съ одной стороны громадные рога тура, съ другой свойственный народной поэзіи гиперболизмъ, poetica licentia. Извѣстно, что туръ часто смѣшивался съ зубромъ въ сообщеніяхъ иностранныхъ путешественниковъ и, можно думать, въ народныхъ разсказахъ, причемъ нѣкоторыя черты зубра или разсказы о немъ переносились на тура. Герберштейнъ говоритъ: «рога зубровъ большею частію были широки и расположены такъ, что въ промежуткѣ между ними могутъ усѣсться три хорошо сложенныхъ человѣка; этотъ опытъ былъ сдѣланъ, какъ утверждаютъ, королемъ польскимъ Сигизмундомъ, отцомъ нынѣ царствующаго Сигизмунда Августа, который, мы знаемъ, былъ хорошаго и крѣпкаго сложенія, вмѣстѣ съ двумя другими, которые были не меньше его» [1]). Тутъ, очевидно, есть преувеличеніе. Сказка эта тѣмъ болѣе любопытна, что повторяется въ сочиненіи Гуссовіана о бизонтѣ (1523 г.) [2]). Въ старинное время вѣроятно существовали подобнаго рода преувеличенные разсказы о величинѣ роговъ тура, проникшіе даже въ пѣсни. Судя по приведеннымъ колядочнымъ мотивамъ, въ южно-русскомъ народѣ ходилъ преувеличенный разсказъ о громадномъ быкѣ турѣ съ теремомъ на головѣ между рогами, причемъ въ разсказѣ могли быть дополнительныя, не дошедшія до насъ подробности о томъ, кто построилъ теремъ и съ какой цѣлью. Замѣчаніе о томъ, что въ теремѣ находится «кгречная панночка», даетъ поводъ предположить, что весь разсказъ о турѣ съ теремомъ на головѣ былъ пріуроченъ къ извѣстнымъ сказкамъ восточнаго происхожденія о томъ, какъ отецъ оберегаетъ сына или дочь отъ змѣя, колдуновъ, злыхъ людей. Подобнаго рода разсказъ находится въ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Ближайшимъ образомъ могло оказать вліяніе какое-нибудь житійное сказаніе или легенда, въ родѣ легенды о св. Христинѣ. Св. Христина, дочь благородныхъ, но нехристіанскихъ родителей, заключена въ башню вмѣстѣ съ 12 служанками и идолами [3]).

«Необходимо помнить, говоритъ А. Н. Веселовскій, что не все миѳическое или кажущееся таковымъ, необходимо древнее, исконное,

[1]) *Головацкій*, т. II, стр. 84, 612.

[2]) *Герберштейнъ*, Записки, стр. 167.

[3]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 85.

[4]) *Кирпичниковъ*, Греческіе романы въ новой литературѣ, стр. 221.

принадлежащее къ сути того или другаго эпическаго лица или образа, а могло приклеиться къ нему и впослѣдствіи, случайно, и тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше, въ порядкѣ хронологіи или географически, пѣсня или преданіе отошли отъ своего источника. Переселившись на новое мѣсто, оторванная отъ живыхъ корней, пѣсня легче подвергается превращеніямъ, особливо, когда она полюбилась, пришлась къ дому; въ такихъ случаяхъ она не только обростаетъ сказочными и миѳическими подробностями, но пріурочивается наново: захожато богатыря начинаютъ считать своимъ» [1]). Посмотрѣвши съ такой точки зрѣнія на «гречную панночку» малорусской колядки, мы можемъ сопоставить съ ней жену Святогора. Видитъ Илья Муромецъ:

Ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ;
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ.
Не видано и не слыхано [2]).

По замѣчанію М. Е. Халанскаго, «въ сказаніяхъ о Святогорѣ указано такъ много элементовъ книжныхъ (о сумочкѣ переметной, о смерти Святогора), что вопросъ о литературномъ происхожденіи былинъ объ этомъ богатырѣ кажется близкимъ къ положительному рѣшенію. Замѣчательно, что сами былины не присвояютъ русской землѣ этого богатыря»:

Святогоръ былъ Богомъ данный, не русскій,
И жилъ Святогоръ въ землѣ не русскія [3]).

Другой изслѣдователь былевой поэзіи г. Ждановъ указалъ на связь Святогора съ Самсономъ [4]). И В. Ягичъ и А. Н. Веселовскій также обратили вниманіе на эту связь. Въ былинахъ жена Святогора влюбляется въ Илью и, въ то время, когда мужъ ея спитъ, заставляетъ Илью сотворить съ нею любовь. Въ этомъ отношеніи

---

[1]) *Веселовскій*, въ Запискахъ, Академіи Наукъ, т. 45, стр. 350.

[2]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. I, стр. 37.

[3]) *Халанскій*, Великорус. былины, стр. 184.

[4]) *Ждановъ*, Къ литер.-ист. рус. былевой поэзіи, стр. 118.

она напоминаетъ коварную и развратную жену Соломона апокрифическихъ сказаній. При всемъ томъ, связь ея съ «гречной панночкой» колядки и Святогора съ туромъ представляется темной, и невольно напрашивается на мысль сначала одно предположеніе, что малорусскія колядки о турѣ и былины о Святогорѣ сложились подъ вліяніемъ разныхъ апокрифическихъ сказаній, затѣмъ другое предположеніе, что былъ одинъ, общій для этихъ колядокъ и былинъ житійный или легендарный источникъ; но при этомъ въ былинахъ о Самсонѣ и Святогорѣ нужно признать добавочныя наслоенія апокрифическихъ сказаній о Самсонѣ и Соломонѣ.

Въ галицко-русскихъ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ сохранились весьма любопытныя воспоминанія объ охотѣ на тура. Въ колядкѣ «гордый молодецъ».

Коня сѣдлае, гадку гадае:
Коню мій сивый, будь ми счастливый!
Поѣдемо жь мы въ чистое поле,
Въ чистое поле, та въ темный лѣсокъ,
За чорнымъ туромъ, за грубымъ звѣромъ.
Та якъ надыбавъ чорного тура,
И спопокъ стрилокъ... [1]).

Въ свадебной пѣснѣ, записанной въ жолковскомъ уѣздѣ:

Въ луженьку калиновомъ
Два дзвоны малесеньки,
Але голосеньки:
Выдзвонили и выголосили
Сѣраго тура зъ луга.

Далѣе слѣдуетъ уподобленіе: бояре жениха Ивана «вымовили Касуню видъ батенька» [2]).

Цвѣтъ тура опредѣленъ въ пѣсняхъ вѣрно. Также совершенно вѣрно опредѣлено любимое мѣстопребываніе туровъ—темные лѣса. Туръ названъ грубымъ, т. е. большимъ и свирѣпымъ. Но самое цѣнное въ свадебной пѣсни—воспоминаніе объ охотѣ на тура. Употребленіе колокольчиковъ, свистковъ, гудковъ на охотѣ вообще въ старину было обычно въ приложеніи къ разнымъ животнымъ.

---

[1]) *Головацкій*, т. II, стр. 69.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 238.

Польскій писатель начала XVI ст. сообщаетъ описаніе охоты татаръ за сайгой. «Когда, говоритъ онъ, въ какомъ-нибудь полѣ замѣтятъ стадо сайгъ, ханъ или предводитель татаръ съ множествомъ своихъ слугъ выѣзжаютъ верхомъ на лошадяхъ и, скрываясь въ очень высокой травѣ, со всѣхъ сторонъ окружаютъ поле. Какъ только начинаютъ бить въ литавры (timpanis), сайги, объятыя страхомъ, чрезвычайно быстро начинаютъ бѣгать отъ однихъ людей къ другимъ, приходятъ въ изнеможеніе, и тогда татары ихъ убиваютъ» [1]). Нѣчто подобное, нужно думать, продѣлывали на охотѣ за туромъ. Нужно было оцѣпить извѣстное количество лѣса, гдѣ были туры, и шумомъ выгнать звѣря на удобное для охоты мѣсто. Условія охоты могли измѣняться сообразно съ мѣстностью. Въ глухихъ лѣсистыхъ мѣстахъ охота на тура вѣроятно производилась такъ же, какъ и охота на зубра, а послѣдняго рода охота описана Герберштейномъ; рисунокъ охоты на зубра находится въ книгѣ Блэзъ де Виженера. Дѣло происходило такъ. Для охоты выбиралось удобное мѣсто, гдѣ деревья стояли бы въ извѣстныхъ промежуткахъ другъ отъ друга; стволы ихъ должны быть не слишкомъ толсты, чтобы не трудно было ходить около нихъ, и не слишкомъ тонки, чтобы за нихъ могъ спрятаться человѣкъ. У этихъ деревъ располагаются охотники по одному и зубръ, встревоженный преслѣдующими его собаками, выгоняется на это мѣсто и стремительно бросается на перваго попавшагося изъ охотниковъ, тотъ укрывается за деревомъ и при всякомъ удобномъ случаѣ вонзаетъ въ него охотничье копье. Звѣрь еще не падаетъ, не смотря на сыплющіеся на него удары, но свирѣпѣетъ все болѣе и болѣе, потрясаетъ рогами и языкомъ, который у него такъ шероховатъ и жестокъ, что онъ схватываетъ и притягиваетъ охотника однимъ прикосновеніемъ языка къ его одеждѣ; тутъ онъ уже не оставляетъ человѣка, прежде чѣмъ убьетъ его. Если кто хочетъ отдохнуть, уставши бѣгать кругомъ и бить, то бросаетъ животному красную шапку, которую оно топчетъ и терзаетъ рогами. Когда же кто-нибудь другой захочетъ принять участіе въ этомъ бою, пока еще животное не свалено, что необходимо сдѣлать, если они желаютъ воротиться

[1]) *Замысловскій*, Герберштейнъ, стр. 275.

цѣлыми, тотъ легко вызываетъ его противъ себя, крикнувъ хоть одинъ разъ лу—лу—лу (sono barbaro Lululu) [1]).

Вообще въ малорусскихъ поговоркахъ и пѣсняхъ обнаруживается непосредственное и близкое знакомство народа съ туромъ. Самыя пѣсни объ охотѣ на тура относятся къ древнему времени, по меньшей мѣрѣ къ XVI ст., вообще къ тому отдаленному времени южно-русской исторіи, когда туръ былъ обычной дичью. Приведенныя выше галицко-русскія колядка и свадебная пѣсня заключаютъ въ себѣ такія древнія бытовыя черты, что возникаетъ предположеніе о современности ихъ поэтическихъ и бытовыхъ мотивовъ охотамъ Владиміра Мономаха, т. е. о возникновеніи этихъ мотивовъ въ до-монгольской южной Руси.

VII.

Туръ въ великорусскихъ былинахъ.

Туръ встрѣчается почти исключительно въ былинахъ о Добрынѣ и Маринкѣ, въ былинахъ о Василіи Игнатьевичѣ и въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичу. Марина оборачиваетъ Добрыню въ гнѣдаго тура и посылаетъ его въ поле, гдѣ пасутся девять туровъ, все оборотни, изъ прежнихъ жениховъ ея. Когда Добрыня былъ обращенъ въ тура, то былъ всѣмъ турамъ атаманъ [2]). Въ побывальщинѣ Марина беретъ Добрыню за кудри и перекидываетъ его черезъ плече, приговаривая: «Гдѣ былъ Добрыня Никитичъ, тутъ стань златорогій туръ!» [3]). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ Марина говоритъ:

Обверну Добрыню я сорокою,
Обверну Добрыню я вороною,
Обверну Добрынюшку я свиньею,
Обверну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ!» [4]).

и затѣмъ по очередно обращаетъ его въ этихъ животныхъ. Большею частью Добрыня обращается только въ тура.

---

[1]) *Гербершгейнъ*, Записки, стр. 167.

[2]) *Кирѣевскій*, Пѣсни, т. II, стр. 47, 57, 58.

[3]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. I, стр. 173.

[4]) *Гильфердингъ*, Онежскія былины, стр. 833.

У ней было въ полѣ тридевять туровъ,
Сбылся въ полѣ тридесятый туръ.
Рожки у тура да въ золоти;
Ножки у тура да въ серебри,
Шерсть на туру да рыта бархата (Гильф., 833).

Въ одномъ варіантѣ (Гильфердингъ, стр. 26) Добрыня туръ топчетъ въ полѣ стада гусиное, лебединое, овечье, коровье и лошадиное, и потому узнаютъ въ немъ богатыря. Въ другомъ варіантѣ (Гильф., стр. 1206) Марина посылаетъ Добрыню—тура «къ турецкому морю», въ третьемъ варіантѣ (Гильф., стр. 1251) «во темные лѣса».

Въ былинахъ о Василіи Игнатьевичѣ туры пріурочиваются къ Кіевщинѣ.

Изъ подъ бѣлыя березы кудревастенькой,
Изъ подъ чуднаго креста Леванидова,
Выходила турица златоругая
Со своими со турами со дѣтушками.
Случилось идти турамъ мимо Кіевъ градъ,
Мимо тую стѣну городовую... [1])

Въ варіантѣ былины о Василіи Игнатьевичѣ «шли четыре тура златорогіе» [2]).

Въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ туръ упоминается мимоходомъ въ описаніи корабля Соловья, бока котораго были выведены «по туриному» (Гильф., стр. 173, 952, 977). Любопытнымъ представляется лишь слѣдующее мѣсто въ одномъ, рѣдкомъ варіантѣ былины о Соловьѣ Будиміровичѣ:

.... бѣжитъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей со единымъ.
Единый корабликъ передомъ бѣжитъ,
Передомъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;
Высоко его головка призаздынута;
Носъ—корма была по звѣриному,
А бока сведены по туриному,

---

[1]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. I, стр. 174.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 39.

Того ли тура заморскаго,
Заморскаго тура Литовскаго [1]).

Послѣднія слова въ пѣсни показываютъ, что русскій народъ считалъ тура «заморскимъ» звѣремъ, точнѣе литовскимъ. Положеніе тура въ былинахъ довольно неопредѣленное. Во многихъ варіантахъ былинъ о Добрынѣ и Маринкѣ тура совсѣмъ не встрѣчается; его замѣняетъ лошадь (у Кирѣев., т. II, стр. 43), сѣрый волкъ (у Гильф., стр. 116), жаба (Ib., стр. 1327). Вездѣ туръ называется гнѣдымъ, тогда какъ въ дѣйствительности туръ былъ чернаго цвѣта. Слово гнѣдый означаетъ темно-рыжій цвѣтъ. Повидимому, подъ туромъ былинъ скрывается зубръ, на что указываетъ не только названіе тура литовскимъ, но и постоянный эпитетъ гнѣдой. Еще Аристотель, описывая зубра, замѣтилъ, что у него «шерсть блѣдно-бурая, желтоватая». Цвѣтъ шерсти зубра мѣняется по времени года. Зимой коротковолосыя части тѣла темно-бураго цвѣта; шея и плечи значительно свѣтлѣе съ изсѣра-желтоватымъ налетомъ; конечности темно-бураго, почти чернаго цвѣта. Лѣтомъ цвѣтъ шерсти свѣтлѣе и впадаетъ въ желтовато-сѣрый тонъ. Вообще, зубръ безошибочно можетъ быть названъ гнѣдымъ.

Что представленіе сказателей былинъ о турѣ смутно, видно изъ выраженія «морской туръ», встрѣчающагося въ одной онежской былинѣ [2]).

Предполагая, что основные мотивы былинъ о Добрынѣ и былинъ о Василіи сложились на югѣ Россіи въ до-монгольское время, можно допустить, что въ это время вошелъ въ былины и туръ, и затѣмъ, съ переходомъ былинъ о Добрынѣ и Мяринѣ и былинъ о Василіи Игнатьевичѣ на сѣверъ, обезличился и потерялъ присущія ему природныя черты.

Появленіе тура въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ, можетъ быть, произошло случайно, независимо отъ мѣста и времени возникновенія былинъ этого разряда, на основаніи дѣйствительнаго бытоваго факта. Извѣстно, что скандинавы морскимъ судамъ придавали форму животныхъ. Мы не склонны думать, что былины о Со-

---

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 318.

[1]) *Гильфердингъ*, стр. 1327.

ловьѣ Будиміровичѣ выработалась изъ свадебныхъ пѣсенъ [1]) и, опираясь на большую устойчивость былинъ и на многія историко-бытовыя варяжскія черты былинъ о Соловьѣ, придерживаемся стараго, высказаннаго еще Ѳ. И. Буслаевымъ мнѣнія, что въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ сохранилось воспоминаніе о смѣломъ варяжскомъ гостѣ, воинѣ-купцѣ.

Ученыхъ миѳологическаго направленія соблазняли золотые рога тура. Въ народной поэзіи эпитетъ золотой прикладывается къ самымъ разнообразнымъ предметамъ. Такъ, въ малорусской поэзіи съ эпитетомъ золотой встрѣчаются сѣдло, грива лошади, человѣческіе волоса, челнокъ, весло, столъ, ножъ, тарелка, перстень, соха, серпъ и многіе другіе предметы. Большею частію эпитетъ этотъ вообще означаетъ доброкачественность предмета, вмѣсто прозаическаго слова хорошій. Говорятъ-же и въ настоящее время въ интеллигентномъ обществѣ: золотой человѣкъ, золотое сердце, не связывая съ словомъ золотой ничего таинственнаго. Выраженіе »туръ—золотые рога» и происшедшее отсюда выраженіе «златорогій туръ» только показываетъ, что слухъ о громадныхъ рогахъ литовскаго зубра зашелъ на далекій русскій сѣверъ. Нужно замѣтить, что въ народныхъ пѣсняхъ съ золотыми рогами является не только туръ, но и олень. Въ галицко-русскихъ колядкахъ часто встрѣчается только «туръ-олень»; въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчается «бѣлый олень золотые рога» [2]).

VIII.

Туръ въ обрядахъ.

Такъ какъ bos primigenius—туръ оставилъ послѣ себя слѣды въ личныхъ и мѣстныхъ именахъ, въ поговоркахъ и пѣсняхъ народныхъ, то нужно отыскать его еще въ обрядахъ, въ томъ почти всегда вѣрномъ предположеніи, что всякій предметъ, укоренившійся въ народной поэзіи, проникаетъ и въ обряды народные, въ силу внутренней органической связи обряда и пѣсни, происхожденія изъ одного и того-же родника народнаго духа.

---

[1]) *Халанскій,* Великорус. былины, стр. 147.

[2]) *Шейнъ,* Рус. нар. пѣсни, т. I, стр. 448.

Предположеніе это оправдывается въ приложеніи къ туру. Нельзя сказать, чтобы многіе обряды связаны были съ туромъ; напротивъ, число такого рода обрядовъ незначительно, и всѣ они одного характера, сходны между собою по времени исполненія и внѣшнимъ его формамъ.

Въ разныхъ странахъ, въ древнее и новое время, на рождественскихъ святкахъ соблюдается обычай ряженія. Ученые миѳологической теоріи объясняютъ этотъ обычай обряднымъ выраженіемъ перемѣнъ временъ года или языческихъ боговъ. Ученые, придерживающіеся теоріи литературнаго и бытоваго заимствованія пѣсенъ и обрядовъ, усматриваютъ въ святочныхъ ряженіяхъ и маскахъ остатки римскихъ Врумалій. Наиболѣе распространено ряженіе козою: это встрѣчается въ Россіи, Болгаріи, Румыніи, Норвегіи, Англіи и Германіи. Къ распространеннымъ принадлежатъ также маски коня и тура: нѣм. Fasnachtschimmel, «бѣсовская кобылка» древнихъ русскихъ колядокъ, «турица» дубровницкой масляницы. А. Н. Веселовскій думаетъ, что «Туръ Сатана» колядскихъ игрищъ, о которомъ говоритъ авторъ Синопсиса, представлялъ животную маску: въ Польшѣ и Галиціи еще недавно водили на святкахъ по домамъ парня, наряженнаго туромъ-быкомъ [1]). Въ львовскомъ Номоканонѣ XVII в. упоминаются языческія игрища Туры. Весенній праздникъ до сихъ поръ называется у славянъ Турище. Въ Галиціи Турицы празднуютъ въ началѣ мая или на Зеленой недѣлѣ [2]). Тоже обыкновеніе встрѣчалось у словаковъ и поляковъ [3]).

Происхожденіе и значеніе обрядныхъ животныхъ или, точнѣе сказать, животныхъ обрядовъ можетъ быть различно. Въ основаніи обрядныхъ представленій животныхъ лежатъ древнія религіозно-миѳическія воззрѣнія народа на природу, или олицетвореніе ея силъ и явленій въ образѣ животныхъ (солнце—жаръ птица, птица веретеница, вѣтеръ—орелъ или соколъ), или въ большинствѣ случаевъ жертвоприношеніе животныхъ богамъ, преимущественно богамъ покровителямъ земледѣлія и брака. Обычай приносить животное въ жертву смѣнился разнообразными символическими и обряд-

---

[1]) *Веселовскій*, Записки Акад. Наукъ, т. 45, стр. 128.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав. на прир., т. I, стр. 664.

[3]) *Miklosich*,, Die Ortsnamen, т. II, стр. 110; *Linde*, Słownik, V.

ными его выраженіями въ быту народномъ. Можно думать, что въ основаніи всѣхъ обрядовъ съ свиньею, косою, бараномъ, пѣтухомъ скрывается древнее жертвоприношеніе богамъ этихъ животныхъ; въ рѣдкихъ сравнительно обрядахъ съ лошадью и быкомъ скрывается или жертвоприношеніе, или символическое выраженіе купли продажи невѣсты.

Обряды съ туромъ, повидимому, имѣютъ особое значеніе. «Грубый звѣрь, черный туръ» не могъ быть жертвеннымъ животнымъ. Нужно думать, туръ въ обрядахъ замѣнилъ быка, корову или козу; другими словами, онъ попалъ въ обряды случайно, изъ цѣлей развлеченія и удовольствія, доставляемаго преувеличеніемъ предмета, гиперболизмомъ, проникъ въ обряды въ тѣхъ именно мѣстностяхъ Европы, гдѣ водился въ значительномъ количествѣ.

Обрядовое значеніе тура преувеличено покойнымъ Аѳанасьевымъ до сверхъ-естественнаго значенія, а г. Фаминцынымъ до значенія божества.

«Въ памяти нашего народа, говоритъ Аѳанасьевъ, сохранились отрывочныя воспоминанія о яромъ турѣ—свѣтломъ, весеннемъ плодотворящемъ быкѣ бога-громовника. Эпитетъ ярый указываетъ на творческія силы весны и роднитъ тура съ именемъ древне-славянскаго божества Ярила (Перуна—плодотворителя)». Въ другомъ мѣстѣ Аѳанасьевъ говоритъ, что «славяне чествовали тура, какъ воплощеніе божества» [1]).

Аѳанасьевъ находитъ, что съ названіемъ тура нераздѣльны понятія о быстромъ движеніи и стремительномъ напорѣ: туровый, туркій, турить и проч. Это вѣрно, но нельзя понять, при чемъ тутъ богъ-громовникъ. Болѣе или менѣе отвлеченныя понятія источникомъ имѣютъ всегда простые предметы внѣшней природы, и понятія о быстромъ движеніи и стремительномъ напорѣ самымъ естественнымъ образомъ могли образоваться отъ «грубаго звѣря», яраго и стремительнаго тура.

Аѳанасьевъ замѣчаетъ далѣе, что народныя «весеннія пѣсни вспоминаютъ Тура—удалаго молодца и соединяютъ его имя съ другими прозваніями Перуна: ой, Туръ-Дидъ-Ладо!» Здѣсь все сомнительно и спорно, начиная отъ пѣсни, откуда взятъ припѣвъ и кончая каждымъ именемъ изъ этихъ трехъ именъ въ припѣвѣ.

[1]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. славянъ, т. I, стр. 662—663.

Появленіе тура—удалаго молодца въ весеннихъ пѣсняхъ такъ-же легко и просто объясняется, какъ Туре-Влахинче сербскихъ пѣсенъ, какъ буй-туръ Всеволодъ Слова о полку Игоревѣ,—эпитетомъ молодца, по сильному bos primigenius, туру.

Аѳанасьевъ выдвигаетъ затѣмъ мѣстныя названія. «Именемъ тура, говоритъ онъ, народъ окрестилъ многія географическія мѣстности». Это также вѣрно, но снова нужно добавить, мѣстныя названія не имѣютъ значенія для миѳологическаго толкованія обряднаго тура. Какую натяжку допускали иногда миѳологи, видно изъ слѣдующихъ словъ Аѳанасьева: «Особенно любопытны названія озеръ: Волотуръ, Воловье око, Туръ-озеро. На метафорическомъ языкѣ древняго славянина озеро—эта свѣтлая, зеркальная масса воды, заключенная въ округлой рамкѣ береговъ, уподоблялась глазу быка... Такъ какъ съ одной стороны тучи представлялись небесными источниками, а съ другой самое созданіе земныхъ водъ приписывалось Перуну, низводителю дождевыхъ ливней, то очевидно, что въ указанныхъ названіяхъ озеръ кроется языческое вѣрованіе въ происхожденіе этихъ водоемовъ отъ тура громовника» (663). Изъ возможныхъ многихъ объясненій предмета здѣсь ученый избралъ самое затѣйливое и мудреное объясненіе. Гораздо проще предположить, что приведенныя выше названія озеръ произошли по той причинѣ, что вблизи ихъ водились туры, на подобіе того, какъ произошли названія озеръ Лебяжье, Кабанье, Медвѣжье.

Наконецъ Аѳанасьевъ указываетъ на то мѣсто Синопсиса, гдѣ говорится, что «простолюдины» на своихъ законопротивныхъ сборищахъ нѣкоего Тура-сатану и прочія богомерзкія скареды измышляюще—воспоминаютъ», Что разумѣлъ Иннокентій Гизель подъ Туромъ-сатаной, нельзя сказать съ полной точностью. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе А. Н. Веселовскаго, что здѣсь скрывается обличеніе святочнаго ряженія туромъ, ряженія, нѣкогда обычнаго въ Малороссіи и до сихъ поръ сохранившагося въ Галиціи. Самое слово «скареды» указываетъ на святочныя игры, гаданія и переряживанія, съ точки зрѣнія духовнаго лица «богомерзкія».

Г. Фаминцынъ своимъ обширнымъ изслѣдованіемъ «Божества древнихъ славянъ» создалъ цѣлый славянскій Олимпъ и тура также помѣстилъ въ общество боговъ. «Близко родственнымъ Ярилѣ божествомъ, говоритъ г. Фаминцынъ, былъ на Руси и несомнѣнно

также у южныхъ и западныхъ славянъ Туръ, имя котораго въ первоначальномъ смыслѣ означало быка, представителя бога солнца и обусловливаемаго симъ послѣднимъ плодородія» (стр. 233). Главной фактической опорой г. Фаминцына служатъ мѣстныя названія, въ особенности Турова божница близъ Кіева. Авторъ не допускаетъ предположеній, что названіе церкви могло произойти отъ построенія въ Туровомъ, наполненномъ турами лѣсу, или отъ имени строителя-жертвователя Тура, и полагаетъ причиной названія божество Тура. Фактическія данныя, приведенныя уже Аѳанасьевымъ въ пользу мнѣнія о сверхъ-естественномъ значеніи тура, г. Фаминцынъ увеличиваетъ приведеніемъ нѣсколькихъ пѣсенныхъ выраженій о златорогомъ турѣ, причемъ усматриваетъ въ этихъ выраженіяхъ «солнечную природу Тура» (стр. 237).

Изслѣдованіе г. Фаминцына произвело неблагопріятное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Проф. А. И. Кирпичниковъ въ статьѣ: «Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ славянъ», напечатанной въ CCXLI части Журн. Минист. Нар. Просвѣщенія, замѣтилъ: «строго говоря, изъ всѣхъ боговъ русскихъ непоколебимо можетъ вынести критику только одинъ Перунъ» (стр. 65).

Общій выводъ настоящей статьи можетъ быть резюмированъ въ немногихъ словахъ: Bos primigenius, грубый звѣрь—черный туръ существовалъ въ южной и западной, быть можетъ въ средней и сѣверной Россіи съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка включительно. Какъ животное очень крупное и сильное, на котораго охота сопряжена была съ большими опасностями, и какъ животное, рогами и кожей котораго пользовались для домашнихъ подѣлокъ и съ суевѣрными лѣчебными цѣлями, туръ производилъ сильное впечатлѣніе на мысль и воображеніе народа и вошелъ въ народные обряды, поговорки и пѣсни, сохранившіеся отчасти, въ силу консерватизма народной жизни, до настоящаго времени.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

НЕИЗДАННЫЙ РАЗСКАЗЪ Г. Ѳ. КВИТКИ.

Лѣтомъ 1885 года харьковскій городской голова И. О. Фесенко передалъ мнѣ небольшой разсказъ Г. Ѳ. Квитки, въ письмахъ, на русскомъ языкѣ, съ содержаніемъ изъ харьковской жизни. Подписи автора нѣтъ, но по тону, по изложенію, по языку и, главное, по почерку разсказъ несомнѣнно написанъ Г. Ѳ. Квиткой. Письмо Квитки красивое, четкое. Рукопись звключаетъ въ себѣ два листа простой, желтоватой писчей бумаги. Время сосгавленія разсказа—тридцатые годы. Въ небольшомъ разсказѣ Квитки находится краткая, но мѣткая характеристика женъ и дочерей стариннаго харьковскаго дворянства, изложенная въ формѣ переписки. Приводимъ здѣсь этотъ разсказъ цѣликомъ. **С.**

ПИСЬМО 1-е.

Отъ г-жи Перепеловской къ г-жѣ Клунь-Ятровской.

Крутогоровка, 2 сентября 183... года.

Милой мой другъ, матушка сестрица Настасья Карповна!

Первое мое дѣло, возвратясь съ ярмонки, зная, что у тебя во многихъ вещахъ запасъ давно вышелъ и ты безъ всего этого сидишъ и даже безъ чаю, поспѣшить отправить изъ купленныхъ мною для тебя покупокъ, что понужнѣе, а именно то и посылаю: чаю 1 ф., кофею 10 фунтовъ, сахару 1 пудъ, мыла простого 2 пуда, сальныхъ, граненыхъ свѣчей 20 фунтовъ. Канальскіе цѣны на все! А содержаніе, такъ ужасъ! Вообрази, что я за двѣ комнаты, правда, на Сумской улицѣ, недалеко отъ театра и благороднаго собранія, платила восемъ рублей въ сутки, да содержаніе де-

вяти лошадей, восьми человѣкъ прислуги и для насъ провизіи, стоило двѣнадцать рублей въ сутки. Такъ вотъ, какъ хочешь, двадцать рублей въ день, кромѣ театра, куда всякой день должны были возить дѣтей! Спасибо, въ благородное собраніе дамъ впускаютъ даромъ; но все нужны и тамъ издержки. Какъ-бы ни было, надобно-же и имъ свѣтъ и ихъ свѣту показать, хотя Дуничка еще и ребенокъ. Да таки не даромъ ихъ вывозили: у насъ что-то наклюнулось. Управившись съ домашними хлопотами, немедленно поспѣшу по долгу моему къ тебѣ, матушка сестрица, пріѣхать, поразсказать и заблаговременно посовѣтоваться. Проклятой сахаръ замучилъ меня! Знавши, что на разъ-ярмонкѣ все бываетъ дешевле, я отложила его покупать до послѣдняго дня; думала, куплю, уложу и въ тотъ-же день выѣду. Что-жъ! на мою бѣду и возвышся цѣна! Былъ сорокъ два съ полтиною и всѣ такъ покупали; а тутъ вдругъ сорокъ три! Что мнѣ дѣлать! Три дня лишняго прожила уже безъ всякаго дѣла, все ходила изъ лавки въ лавку, билась, билась, торговалась, торговалась, сорокъ три да сорокъ три, хоть въ руки не бери! До слезъ дошло! И какъ-же иначе: проживаюсь, трачусь и не могу выторговать. Спасибо уже одинъ купецъ уважилъ меня, къ нему я пристала и ровно полтора дня выторговывала. Онъ, видя мои хлопоты, сжалился и уступилъ по сороку два съ полтиною, и то, думаю, потому, что сразу брала два пуда и таки ему и надоѣла; однако-жъ нужды нѣтъ, не отстала отъ людей и не переплатила лишняго. Свѣчи отличныя, рекомендую, береги, матушка сестрица, для большихъ гостей, божился купецъ, что не текутъ и запаха не слышно. Вотъ ужъ мыло съ душкомъ, ну такъ дешево, а въ хозяйствѣ сойдетъ, какъ и хорошее, но въ цѣнѣ разница. Всей покупкѣ подробный счетъ пришлю вмѣстѣ съ прочею покупкою, которой съ подводами завтра ожидаю. Все ращитаю и остальныя деньги, когда прійдется, пришлю; я твоего не захочу; Богъ съ нимъ, матушка сестрица! У Фомки, спроси, особо въ бумагѣ запечатанная осьмушка сахару; недоставало въ головахъ до полнаго пуда, но я таки вытребовала. Чай Майюконъ отличный, пять рублей за фунтъ, чуть было тебя не промотала, не взяла и другаго фунта,—ужъ куды-бы ни шло,—да побоялась, не прикинула-бы мнѣ

назадъ. Прошу тебя, матушка сестрица, кушать все посылаемое на здоровье и вспоминать объ усердіи покупавшей,

преданной тебѣ сестры
Ефимьи Перепеловской.

ПИСЬМО 2-ое.

Отъ той-же къ той-же.

По титулѣ 4 сентября.

Только что хотѣла посылать къ тебѣ Ваську съ покупками, какъ и Фомка воротился съ отвѣтомъ отъ тебя. Какъ жаль, что твой чай испортили, положивъ его въ ящикъ съ мыломъ! Ей-Богу, этому не я причиною: это все проклятая Афроська! Сколько она у меня добра перевела, а съ малыхъ лѣтъ за мной ходитъ и ничего не смыслитъ. Впрочемъ эту бѣду можно исправить: прикажи, матушка сестрица, чай положить въ сѣно на сутки,—тотчасъ мыльный запахъ отобьетъ, а ежели нѣтъ, такъ мадамѣ и дѣтямъ прикажи выдавать; помаленьку изойдетъ и деньги не пропадутъ. Дѣточекъ же у тебя, слава Богу! по чашкѣ, такъ шесть чашекъ.

Охъ, дѣти, дѣти! теперь меня раздумье беретъ и съ одной подрошею дѣвченкой, а у тебя ихъ двѣ на возрастѣ, да еще каши сколько! Только мы и жили пока въ дѣвкахъ; а тамъ заботы, попеченіе все объ нихъ и для нихъ, а черезъ нихъ истинно! во вдовствѣ и люди насъ обѣгали. Хоть-бы и погнался кто за выгоднымъ имѣніемъ нашимъ, такъ какъ поглянетъ на длинный нашъ хвостъ, что малъ-мала меньше, такъ и раздумаетъ; а мы и сиди, да няньчись съ ними. Они, они заѣдаютъ нашу молодость, да еще увидимъ, что отъ нихъ дальше будетъ, когда, ничего не видя, Пазинька часто твердитъ: батинькина деревня, да сколько доходовъ получается съ батинькиной деревни? Поглядишь, нынче дѣти смышленнѣе насъ и нашихъ отцевъ. Богъ съ ними!

Посылаю при семъ всю прочую покупку и щетъ въ двухъ стахъ рубляхъ, отъ тебя данныхъ. Сдѣлай одолженіе, матушка сестрица, повѣрь пожалуста сама, или поручи кому сощитать повѣрнѣе, не ошиблась-ли я? Я выкладывала на щетахъ, а Пазинька арифметикою, только я все что-то сомнѣваюсь. Ужасное дѣло! Столько покупокъ, а будто должно еще оставаться два рубли трид-

цать четыре копѣйки. Я все сама записывала и думала, что свои передержала, а выходитъ, что надобно доплатить. Волосы дыбомъ становятся! Еще повторяю убѣдительнѣйшую просьбу, повѣрь повѣрнѣе, и ежели я обочлася, то передачу пришли черезъ сего. Послѣ ярмонки въ чувство не приду, поиздержалася ужасно! А еще расходы предстоятъ... ты просишь, чтобы я объяснила, что у насъ наклюнулось? Хотѣла было къ тебѣ сама ѣхать и посовѣтоваться, какъ съ истиннымъ моимъ другомъ и съ сестрою, которую я съ малолѣтства привыкла чтить и обязана ей за многое и которой я всѣмъ жертвовать готова; но не могу теперь навѣстить тебя и милой моей крестницы Лизаньки ко дню ея ангела, потому что завтра во всемъ домѣ располагаю мыть полы и потому боюсь отлучиться: канальи, все не такъ вымоютъ, какъ при глазахъ преданной тебѣ сестры

Евгеніи Перепеловской.

При семъ посылаю ярморочнаго твоимъ дѣткамъ: Фесинькѣ и Лизанькѣ по аршинцу атласной ленточки моднаго цвѣта, Стешинькѣ и Любинькѣ полную бумагу кедровыхъ орѣшковъ, Глашинькѣ каменную куколку, а Митенькѣ гремушечку. Пусть помнятъ ласки любящей ихъ тетки.

ПИСЬМО 3-е.

Отъ Пазиньки Перепеловской къ Фесинькѣ Клунь-Ятровской.

Крутогоровка. 4 сентября 183... г.

Милая моя ma chere Фесинька!

У меня такъ много разсказать тебѣ, что было-бы на цѣлый день. Я съ нетерпѣніемъ ожидала, что моя ma chere поѣдетъ къ твоей ma chere mere на имянины Лизаньки, но вышло напротивъ. Какъ это справедливо, что Iomme praupoge, а Dieu dispoge. Ma chere mere очень озабочена: завтра будутъ во всемъ домѣ мыть полы, потомъ рѣзать птицу, бучить столовое бѣлье, также и постельное, пересыпать гостинные пуховики... Vous demanderai: вѣрно будутъ гости? А я тебѣ отвѣтствую: oui, ma chere, будутъ... Ахъ!.. ты можешъ отгадать, зачѣмъ?.. Я всѣ дни въ большемъ смущеніи Pour quoi-же я не Васька! Я бы теперь поѣхала къ тебѣ и все разсказала, но за неимѣніемъ возможности разсказать изустно, раскажу тебѣ въ сихъ строкахъ.

Во первыхъ, милая моя ma chere Фесинька, въ твою грудь передаю важную тайну моего сердца. Узнай! Я чувствую, что я..... влюблена! Такъ я уже ношу зародышъ сего гибельнаго пламени въ сердцѣ моемъ. О amour, amour! Ни одинъ смертный не избѣгнетъ судьбы, возлагаемой на него оковами любви.

Онъ уланскій капитанъ и очень comme il faut! Росту высокаго, строенъ, ахъ какъ строенъ! прелесть! бѣлокуръ, краснощекъ..... а усики! Усики, что нынѣ дѣйствуетъ одинаково съ древними стрѣлами амура..... Эти усики сама любовь насадила, аврора, поливая ихъ своими слезами во время его сна, возрастила, игры и смѣхъ, въ нихъ поселившись и ежечасно играя ими, образовали эти восхищающія завитки, а лукавый купидонъ, скрываясь въ нихъ, обращаетъ наше вниманіе на его розовыя губки и обѣщаетъ невыразимое блаженство тѣмъ, чьи уста прильнутъ къ нимъ. Глаза..... Hebas! глаза точно такіе, какъ помнишь, мы, читая новый романъ: *Матери-соперницы*, воображали графа Росманда. Тотъ-же огонь, таже выразительность, тоже очарованіе. En un mot, онъ весь совершенство, прелесть, нѣчто неземное. Третій день выѣзда моего на ярмонку былъ роковой для твоей ma chere Пазиньки! Въ тотъ день я потеряла свободу и pour toujour!..... Выѣхавъ съ ma chere mere въ ряды и пришедъ въ ту лавку, гдѣ собирается весь bomonde, мы начали ради скуки пересматривать кое-какіе товары, какъ вдругъ звукъ шпоръ и громъ сабли, такъ сильно плѣняющій насъ дѣвицъ и изъ дали, поразилъ слухъ мой и произвелъ во мнѣ какое-то невыразимое чувство. Оборачиваюсь—вижу..... его! Довольно было и видѣть его, но онъ кинулъ на меня взглядъ, который очень громко договорилъ въ моемъ сердцѣ. Что потомъ было, я не могу тебѣ дать отчета, потому что я была въ величайшемъ смущеніи отъ того, что онъ не спускалъ съ меня глазъ и пожиралъ меня пламенными своими взглядами. Ma chere скоро перешла въ серебряную лавку и съ намѣреніемъ, видя, что и онъ скоро за нами туда же вошелъ, спрашивала самыхъ богатыхъ вещей, годныхъ только для приданаго и будто располагала ихъ купить. Онъ стоялъ тутъ же посматривалъ на серебро, но на меня смотрѣлъ очень внимательно. Что то такое спросилъ онъ у ma chere mere и потомъ il adresse ко мнѣ: «не холодно-ли вамъ, сударыня?»—Увы, послѣднее слово сказано было съ такимъ очарованіемъ!..... Погода точно была сы-

рая, при холодномъ вѣтрѣ, но я очень поняла, что онъ чрезъ то хотѣлъ сказать, не холодно-ли мое сердце? и потому, приведя на память всѣхъ героинь читанныхъ мною романовъ, вошла въ ихъ характеръ и въ мое положеніе, дабы не отразить его при первой встрѣчѣ и не ввергнуть въ отчаяніе, я отвѣчала томнымъ голосомъ, сообразно чувствамъ сердца моего: «холодъ мнѣ не свойственъ», потупила глаза и покраснѣла съ самодовольнымъ видомъ, что не уронила себя и показала, что я дѣвушка съ воспитаніемъ и очень умѣю разобрать, что и къ чему говорится. Потомъ онъ и началъ отборными словами разспрашивать: гдѣ мы живемъ, давно-ли пріѣхали и т. под. Я едва переводила духъ, отвѣчала хотя и въ замѣшательствѣ, но каждое слово украшая фразой изъ какого нибудь романа. Ma chere mere вмѣшалась и вела съ нимъ рѣчь, а я стояла..... и была вся зрѣніе и вниманіе. Это свиданіе, рѣшившее судьбу сердца и чувствъ моихъ, продолжалось не такъ долго, какъ бы я желала. Мы уѣзжали и онъ, сажая насъ въ карету, спросилъ, какъ я замѣтила, трепещущимъ голосомъ, будемъ-ли мы въ театрѣ. Я поспѣшила успокоить его; восторгъ былъ написанъ на его лицѣ и мы разстались.

Въ театрѣ я тотчасъ замѣтила его. Онъ съ однимъ коннымъ адьютантомъ очень прилежно осматривали всѣ ложи. Къ сожалѣнію, моя ma chere mere взяла ложу въ нижнемъ ярусѣ и они не скоро насъ замѣтили, но, узнавъ, тотчасъ поспѣшили къ намъ притти. Адьютантъ наговорилъ намъ тьму привѣтствій и тотчасъ подсѣлъ къ ma chere mere. Во весь спектакль онъ не умолкалъ: слова лились у него обильною рѣкою. Безъ памяти любитъ своего товарища и только лишь о немъ все говорилъ. Разсказывалъ, что у него двѣ тысячи душъ въ Кавказскихъ горахъ, полторы тысячи въ Сибирскихъ степяхъ и пребогатѣйшія рыбныя ловли въ Черномъ морѣ. Хвалилъ качества души его и сердца. Жалѣлъ, что ежели онъ женится, такъ ревность его замучитъ; потому что онъ желалъ-бы, чтобы онъ никогда съ нимъ не разлучался, а ежели онъ дойдетъ до того несчастія, что онъ женится, то онъ, оставшись совершенно одинъ въ мірѣ, затоскуется до смерти. Меня до слезъ тронула такая между ними дружба и всѣ слова его, ты можешь вообразить, съ какою жадностью глотала..... Онъ-же нашелъ мѣсто подлѣ меня, говорилъ, разумѣется тихо, много любовныхъ сладостей и все въ

относительномъ смыслѣ, но я очень умѣла постигнуть прямую цѣль его предметовъ, но однако-же ничего ему не отвѣчала, краснѣла и смущалась.

Imajinez же, что вышло? Съ нами въ ложѣ была Дуничка и заглядѣвшись на театръ, такъ расхохоталась, что и не уймется. Всѣ обратились на нашу ложу и онъ спросилъ меня: «что это за дѣвочка?» Я посовѣстилась назвать ее сестрою и только сказала: «это наша... такъ»... и отвлекла его вниманіе на другую матерію. Наши кавалеры проводили насъ до коляски съ милою заботливостію.

Hebas! если-бы я описывала тебѣ всѣ мои чувства, мысли и воображенія, услаждавшія меня во всю слѣдовавшую потомъ ночь, то исписала-бы пол-дести бумаги, но ты можешь все вообразить, ты была въ подобномъ положенін... и знаешь все по опыту.

На другой день мы нашли его въ лавкахъ одного; онъ насъ ожидалъ и ведя меня изъ лавки въ лавку, гордился, когда я называла его mon chevalier. Ахъ! какъ мнѣ хорошо было съ нимъ вездѣ! Онъ ангажировалъ меня въ Собраніи на первую кадриль, куда мы и поспѣшили пріѣхать и—a propos—я такъ была щегольски одѣта, что сама себя не помнила отъ радости. Моя милая ma chere mere не пожалѣла денегъ, а модная мадамъ истощила все свое искусство, только снуровка была немного тѣсновата и я едва дышала. Все было хорошо.... но начинаются танцы,—собираются кадрили, я стала съ нимъ, начинаютъ... imajinez же мое смущеніе? Фигура кадрили новая, презапутанная, пренепонятная; я смѣшала всѣхъ, разстроила и принуждена была выйти изъ круга. Imajinè! Русскихъ кадрилей уже вовсе не танцуютъ, а всѣ французскія, пребезтолковыи, которыхъ безъ танцмейстера нельзя выучиться. Къ довершенію моего горя, послѣ нѣсколькихъ кадрилей, танцовали котильонъ, а ты знаешь, что я отъ полнокровія не могу долго кружиться, и тотчасъ потеряю кадансъ, слѣдовательно я просидѣла весь вечеръ безъ танцевъ и, что пуще всего, онъ порхалъ, какъ зефиръ, съ другими граціями, а его Душенька etc abandannée: Que faire! За то онъ былъ со мной на другой и слѣдующіе дни; для меня, онъ говорилъ, жилъ въ рядахъ, для того, чтобы тамъ видѣть меня, а на квартиру ma chere mere его не приглашала, потому что наша квартира была прегадкая и тѣсна, чтобы принять такого гостя. Прощаясь, при послѣднемъ свиданіи, онъ сказалъ, что скоро надѣется

быть у насъ въ деревнѣ и повергнетъ судьбу свою къ ногамъ моимъ. Не ясно-ли это?

Pour cela мы и ожидаемъ его на сихъ дняхъ. И такъ, поѣздка наша въ Харьковъ была не даромъ. En fin je serai marie. Первое мое дѣло по выходѣ замужъ будетъ способствовать любви твоей и отвергнувъ всѣ препятствія, довести тебя къ желаемой тобою цѣли, хотя-бы и противъ воли, даровавшей тебѣ жизнь. Но qui est lui хорошее на закуску: il est Alexice, Prince Bourminsky. Ah! ma chere Фесинька, votre chere cousine sera marie et sera princesse.

Pour toujour votre Pasinka.

ЗАПИСКА.

Отъ князя Бурминскаго къ пріятелю.

Харьковъ. 2-го Сентября 183...

Съ полученіемъ сего прикажи, moncher Basile, моему Филькѣ, собравъ весь мой княжескій гардеробъ, скакать, сломя голову, ко мнѣ въ Харьковъ. Ссуди его деньгами для найма, не болѣе какъ верховаго коня. Благодаря моей философіи, все мое княжеское имущество можно на такомъ экипажѣ перевести на край свѣта. Да будетъ вѣдомо тебѣ и кому о томъ вѣдать надлежитъ, что подмѣченная нами перепелочка, она же и Пазинька, морившая насъ въ ложѣ своими романическими возгласами, не смотря на свою глупость и немиловидность, точно имѣетъ отцовскихъ триста душъ и пропастное приданое; въ этомъ меня увѣрилъ близкій по деревнѣ сосѣдъ ея и который, выслушавъ описаніе моихъ владѣній въ Кавказскихъ горахъ, Сибирскихъ степяхъ и въ глубинѣ Чернаго моря, какъ одолженія себѣ, проситъ взять себя сватомъ и ручается за успѣхъ, а потому мы и спѣшимъ скорѣе увѣнчать пламенную мою любовь. Дабы же мнѣ еще болѣе плѣнить мою ma chere Пазиньку, пришли мнѣ романы нашей полковой поповны; изъ нихъ я долженъ научиться съ ma chere Пазинькою и отвѣчать ей въ томъ-же тонѣ.

Знай и объявляй, что какъ скоро женюсь, тотчасъ плачу долги тебѣ и всему свѣту.

Твой Алексѣй.

Наставь пожалуста Фильку разсказывать въ домѣ невѣсты о моемъ несмѣтномъ богатствѣ, ежели ты не забылъ сочиненнаго тобою о немъ описанія. Здѣшнимъ машер-мерамъ оно одно только и нужно.

СУДЬБА КРАСАВИЦЫ.

(Софія Глявоне-Витте-Потоцкая) [1]).

Въ апрѣлѣ 1778 года маіоръ Витте, сынъ каменецъ-подольскаго коменданта, въѣзжалъ въ Жванецъ во главѣ отряда артиллеріи, подъ сильнымъ эскортомъ кавалеріи разнаго рода. Цѣлью похода было привѣтствіе королевскаго посла Боскампа Лясопольскаго, возвращавшагося изъ Турціи. Посланникъ только чрезъ два мѣсяца прибылъ на берега Днѣстра; собравшаяся здѣсь шляхта встрѣтила его торжественно.

Посолъ имѣлъ въ своей свитѣ двухъ молодыхъ дивной красоты гречанокъ: одну пятнадцатилѣтнюю, которой даже имени не знаемъ, другую тринадцатилѣтнюю, Софію, родную сестру первой. Современныя извѣстія утверждаютъ, что Боскампъ везъ ее для короля, потому что хотя оффиціально занималъ высшія должности, но при дворѣ исполнялъ различныя двусмысленныя порученія; вѣроятно и въ этотъ разъ онъ везъ для короля эту прелесть, пріобрѣтенную у бѣдной торговки въ Цареградѣ. Почему онъ не взялъ ее съ собой въ Варшаву, а оставилъ на границѣ—трудно объяснить. Возвращаясь къ тѣмъ же извѣстіямъ, слѣдовало бы повторить, что Боскампъ хотѣлъ сначала своимъ описаніемъ красавицы поджечь любопытство въ коронованномъ вѣтренникѣ и выговорить для себя двойное вознагражденіе. Намъ же кажется, что побудило его оставить это сокровище на границѣ государства путешествіе черезъ Австрію, гдѣ царствовала набожная, съ пуританскими воззрѣніями на нравственность, Марія Терезія.

[1]) Переводъ съ польскаго. Изъ истор. разсказовъ д-ра Антонія I.

Гдѣ первоначально поселились красавицы, сказать не съумѣемъ, вѣроятнѣе въ Хотинѣ. Здѣсь скоро онѣ обратили на себя вниманіе молодаго маіора Витте, проникнутаго либерализмомъ и уже надлежащимъ образомъ просвѣтившагося въ тогдашней Варшавѣ, куда отецъ такъ часто посылалъ его. Сначала онъ сталъ ухаживать за старшей, но скоро она наскучила ему; онъ бросилъ увлеченную и отыскалъ ей мужа. Хотя мы нигдѣ не встрѣчаемъ затѣмъ отмѣтки о ней въ каменецкихъ метрическихъ книгахъ о бракахъ, но знаемъ, что чрезъ десять лѣтъ она была первой женой хотинскаго паши.

Второй—Софіи суждено было сыграть болѣе блестящую роль въ судьбахъ нѣсколькихъ семействъ, занимавшихъ выдающееся положеніе въ падающей Польшѣ въ послѣдній ея моментъ.

Іосифъ Витте перенесъ свою любовь со старшей сестры на младшую. «Потомъ, выучивши ее не скоро польскому и французскому языкамъ, по словамъ «манифеста» Каролины Витте, обвѣнчался съ нею по обряду римско-католической церкви, такъ какъ она, предупрежденная судьбой сестры и совѣтами подкомандныхъ офицеровъ, не хотѣла иначе отвѣчать на его страсть».

Первая наставница, которая «отесала Софію Витте отъ новогреческихъ манеръ и познакомила съ тономъ высшаго общества», была жена подполковника Лоская. Софія сохранила къ ней благодарность до смерти: сначала выдала ее замужъ за Грохольскаго, брацлавскаго воеводу, подаривши ему нѣсколько сотъ тысячъ злотыхъ, а когда Грохольскій умеръ, взяла къ себѣ вдову и заботливо пеклась о ней; какъ о матери, до самой ея смерти.

Учиться долго у Лаской она не могла. Мы знаемъ, что Лясопольскій съ Софіей прибылъ въ Жванецъ 21 іюня 1778 года, а 3 апрѣля слѣдующаго года она была уже въ Каменцѣ.

«Константинопольская madame только недѣлю тому назадъ пріѣхала сюда, ожидая изъ Варшавы какихъ-то резолюцій», пишетъ съ сарказмомъ старикъ Витте къ Дѣдушинскому, большому своему пріятелю.

Ему, старыхъ хрнстіанскихъ убѣжденій воину, не по вкусу было это новаторство; не ожидалъ бѣднякъ, что вскорѣ долженъ будетъ называть ее невѣсткой! 14 іюня 1779 года ксендзъ Антоній Хмелевскій, каноникъ каѳедральный каменецкій, благословилъ этотъ

бракъ въ зиньковецкомъ костелѣ (предмѣстьи старой крѣпости), съ согласія Адама Красинскаго, каменецкаго бискупа: вѣнчались Іосифъ Витте, шефъ пѣхотнаго полка, съ Софьей Клявона, свидѣтелями были: Игнатій Прыбышевскій, капитанъ того же полка, и Симеонъ Квятковскій, мѣстный житель.

Старикъ комендантъ ничего не зналъ о бракѣ, и этому не слѣдуетъ удивляться; обстоятельство это объясняется неудовольствіемъ бискупа Красинскаго: имѣли оии между собою счеты еще со времени барской конфедераціи. Отецъ впрочемъ скоро простилъ сына, да и что-жъ наконецъ онъ могъ бы сдѣлать? И вотъ уже 26 іюня, спустя двѣнадцать дней послѣ злосчастиаго брака, пишетъ онъ къ зятю своему полковнику Бертранду:

«День именинъ (св. Іоанна) провели, какъ поминки, такъ какъ въ этотъ день я долженъ былъ уступить просьбамъ сына и простилъ его за то, что безъ вѣдома родителей женился на той чужестранкѣ, которую его милость Боскампъ привезъ себѣ въ жены. И вотъ Боскампу вѣнецъ гороховый, а намъ крапивный. Надо, значитъ, и это испытаніе принять отъ Бога. Стоялъ уже, по милости Бога, на такой ступени, съ которой могъ достичь лучшаго положенія; но если онъ хочетъ довольствоваться и этой долей, пусть имъ Богъ даетъ счастіе».

Грустью и разочарованіемъ вѣетъ отъ этихъ словъ. Въ утѣшеніе старику отцу говорили, что Лясопольскій привезъ Софію съ намѣреніемъ жениться на ней (будущую жену развѣ оставилъ бы на границѣ?), что происходила она изъ стариннаго греческаго рода Геличи или Маврокордато, а воспитывалась въ домѣ французскаго посла въ Стамбулѣ. Однако мы видимъ, что метрика опровергаетъ эти басни.

Каролина Витте разсказываетъ, что прекрасная Софія сама просила на колѣняхъ стараго коменданта о прощеніи и благословеніи сына и ея мужа. Она была дивно хороша: въ большихъ чорныхъ очахъ виднѣлись тоска и страстность; въ движеніяхъ ея было столько невыразимой прелести, на губахъ столько покорности и мольбы, что генералъ, извѣстный своей суровостью и энергіей, уступилъ.

— Встань, моя милая, воскликнулъ онъ; ты такъ хороша, что не удивляюсь сыну, сдѣлавшему глупость. Встань! Прощаю и благословляю.

Мать была тверже, а можетъ и тщеславнѣе: она не могла простить сыну mesaliansa, слегла въ постель и уже больше не вставала; въ ноябрѣ (24) слѣдующаго года закрыла глаза. Сынъ, видно, не ожидалъ смерти матери, такъ какъ въ маѣ 1780 года выѣхалъ въ Францію съ красавицей женой.

Въ Парижѣ Софія пріобрѣла лоскъ, который еще больше увеличилъ ея прелести. Тамъ, она, семнадцатилѣтняя, разсталась съ «предразсудками», которые удерживали ее еще на пути нравственности и супружеской вѣрности. «Тамъ, говоритъ Хронщевскій, народная молва прославляла ея красоту, а monsieur, позже король Людовикъ XVIII, боготворилъ ее и преклонялся предъ ея красотой».

Въ Парижѣ у молодаго супружества родился первый сынъ; въ книгахъ о рожденіяхъ, хранящихся въ каѳедральномъ каменецкомъ костелѣ, мы находимъ вшитую метрику на французскомъ языкѣ, дословный переводъ которой приводимъ здѣсь: «17-го декабря 1781 года родился въ Парижѣ въ улицѣ..... въ домѣ..... Иванъ, сынъ Іосифа и Софіи Витте, законныхъ супруговъ. Совершалъ обрядъ крещенія надъ ребенкомъ, съ разрѣшенія епископа Бомонъ, настоятель прихода св. Евстафія, священникъ (подпись неразборчива).

Въ 1782 году молодая пара уже вернулась въ Каменецъ. Софія съ той поры вмѣстѣ съ Аксамитовской Теклей, сестрой мужа [1]), принимаютъ всегда участіе во всѣхъ мѣстныхъ торжествахъ. Красавица-гречанка кружитъ головы офицерамъ и сводитъ съ ума всю окрестную молодежь. Въ домѣ шефа всегда полно гостей; въ день св. Іосифа и св. Станислава (королевскіе именины) бывали балы съ иллюминаціями, фейерверками и пушечной пальбой. Софья кокетни-

---

[1]) Въ Каменцѣ осталось преданіе, что и дочь Ивана Витте, Текля, вышла замужъ противъ воли родителей за славетнаго каменецкаго армянина Аксамитовскаго, и по этому поводу каменецкіе жители, въ насмѣшку надъ надменностію коменданта, сочинили такую пѣсенку:

Czy wy wiecie,
Panie Wice,
Wasza curka
W axamicie.

Примѣч. переводч.

чаетъ съ волокитами; со всякимъ обращается одинаково любезно и вызывающе. На блестящихъ вечерахъ въ комендантствѣ, съ претензіями на французскую галантность и вкусы, первый разъ ученица подполковницы Лоскай начинаетъ пробовать свои собственныя силы, примѣняя вывезенную изъ Парижа теорію къ практикѣ. Очарованная шляхта теряетъ голову; даже старикъ комендантъ начинаетъ вѣрить въ дипломатическія способности невѣстки.

Въ 1784 году Богъ далъ имъ другаго сына. Вотъ выпись изъ метрическихъ книгъ: «2 декабря я, ксендзъ Хмелевскій, каноникъ каѳедральный каменецкій, совершилъ таинство крещенія надъ новорожденнымъ Корнелемъ, Іосифомъ, Станиславомъ, сыномъ Іосифа де-Витте, шефа пѣхотнаго полка, и Софьи «Челече», законныхъ супруговъ; воспріемниками были» и т. д.

Здѣсь уже, какъ видимъ, выступаетъ фамилія Челече, выдуманная для успокоенія пустаго тщеславія стараго коменданта. Однако и внукъ, и дѣдъ скоро умерли, одинъ за другимъ. Послѣдній разстался съ жизнію въ декабрѣ 1785 года. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Іосифъ сталъ комендантомъ крѣпости, а жена всемогущей госпожей гарнизона, города и окрестностей.

Іосифъ Витте смотрѣлъ на ухаживанья за его женой сквозь пальцы, не принимая въ соображеніе, что супруга честолюбива, безъ всякихъ убѣжденій и испорчена похвалами, а самъ онъ некрасивъ и уже не первой молодости. Софія поставила цѣлью своей жизни, будь, что будетъ, стать высоко. Тихій городъ, населенный главнымъ образомъ армянами, мало соотвѣтствовалъ ея видамъ. Наконецъ, не разъ долетало до ея ушей, что ея мужъ, достигшій генеральскаго чина, сынъ мѣстнаго жителя, т. е. мѣщанина, а о его армянскомъ происхожденіи и говорить было нечего: довольно было посмотрѣть на эту мѣшковатую фигуру, съ кривыми ногами, смуглымъ лицемъ, огромнымъ приплюснутымъ носомъ, небольшой головой, покрытой шерстистыми, завивающимися въ кудри волосами—все это только раздражало красивую комендантшу, ознакомившуюся съ парижской жизнью.

Надоѣли ей слишкомъ грубоватыя и угловатыя ухаживанія пограничныхъ паничей, и она подумывала о Потоцкомъ. Только что полученное имъ генеральство отъ артиллеріи было предлогомъ къ визиту. Но визитъ не удался, и вотъ она повернула къ русскимъ, стоявшимъ постоянно лагеремъ на границѣ

Рѣчи-Посполитой. Тѣ, какъ извѣстно, охотно принимали всякую услугу, платя за нее щедро, но, что самое пріятное, никогда не поднимали носа. Надо признать, что русскіе Екатерининскіе генералы отличались большой галантностью и особенной податливостію къ прекрасному полу.

M-me Витте имѣла передъ глазами не одинъ готовый примѣръ того, какъ играли въ политику, и жаждала подражать такимъ примѣрамъ, не задумываясь надъ тѣмъ, насколько это нравственно. Первые ея шаги на этомъ пути покрыты таинственностію. Современные мемуары говорятъ подробно, что она была въ Вѣнѣ, въ Стамбулѣ, гдѣ посѣтила французскаго посла Шуазеля, въ русскомъ лагерѣ, наконецъ въ Петербургѣ, что оказала большія услуги русскому правительству и что Екатерина, вознаграждая прекрасную гречанку, отдала ей въ вѣчное владѣніе порядочное имѣніе въ Бѣлоруссіи, прирѣзанной къ Россіи по первому раздѣлу Польши.

Постараемся хоть немного разъяснить этотъ періодъ въ жизни Софіи.—Война турецкая, въ которой принимала участіе каменецкая комендантша, объявлена была въ 1788 г., а окончена миромъ въ Яссахъ 1792 года. По источникамъ, какіе имѣемъ подъ рукой, можемъ утвердительно сказать, что наша героиня представлялась царицѣ въ Крыму, а въ іюнѣ 1787 г. сѣла въ Херсонѣ на корабль и вмѣстѣ съ Мнишковой, во главѣ двѣнадцати женщинъ, отправилась въ Константинополь. Мѣнчевскій охранялъ путешественницъ. M-me Витте имѣла цѣлью этого вояжа посѣщеніе старой бѣдной матери. Это во всякомъ случаѣ дѣлаетъ ей честь: родительница была не очень чувствительнаго сердца, если продала дочь; но дочь не отплатила взаимностью, хотя имѣла на то право. Свиданіе впрочемъ продолжалось не долго, потому что уже осенью Софія была во Львовѣ. Измученная ревностью мужа, она рѣшилась поселиться здѣсь на долго. «Но Витте скоро узналъ о ея возвращеніи и полетѣлъ къ ней мириться; вымаливалъ у нея прощенія за прежнія оскорбленія и въ будущемъ обѣщалъ быть деликатнѣе. Покорность мужа смягчила ее, и она дала себя упросить къ дальнѣйшему сожительству».

Поведеніе гречанки, преобразившейся въ польскую генеральшу, заставило мужа забыть дисциплину. Узнавши, что Софія не думаетъ двинуться изъ Львова, онъ просилъ короля позволить

ему поѣхать за нею. Вотъ какъ Станиславъ Августъ отвѣчалъ ему 4-го сентября: «и не думай оставлять крѣпости изъ-за своей жены. Вѣдь ты надѣлалъ-бы и себѣ, и намъ стыда, оставляя свой постъ въ самую критическую минуту. Во всякомъ случаѣ, твоя жена скоро должна возвратиться. Довѣрься ея уму; она сама придумаетъ, какимъ образомъ и куда ей найлучше и найприличнѣе будетъ возвратиться». Витте не послушалъ приказа короля и поѣхалъ. Это сошло ему безнаказанно, а потому впослѣдствіи онъ рѣшился на другой, болѣе продолжительный, вояжъ, тоже безъ разрѣшенія, въ погоню за легкомысленной женой. Но не будемъ предупреждать событій.

Въ началѣ 1788 года Софія опять вернулась въ Каменецъ. Изъ современныхъ записокъ мы узнаемъ, что она гостила въ лагерѣ Салтыкова, осаждавшаго въ маѣ того-же года съ австрійскими войсками хотинскую крѣпость. Очарованный ея красотой, генералъ, расположившійся въ лагерѣ подъ Брагой, давалъ блестящіе въ честь ея балы, но главное, до того поддался ея чарамъ, что даже поступился военною честью.

Вотъ что пишетъ участникъ этой войны, Энгельгардтъ. Салтыковъ донесъ фельдмаршалу Потемкину, собиравшемуся тогда осадить Очаковъ, что Хотинъ сдается на капитуляцію, проситъ только о трехдневномъ перемиріи. Фельдмаршалъ, ожидая вѣсти о сдачѣ, приказалъ зарядить пушки, чтобы объявить о новой побѣдѣ; но новый курьеръ пріѣхалъ съ новымъ рапортомъ, въ которомъ Салтыковъ доноситъ, что согласился на трехдневное перемиріе. Потомъ еще два раза возобновлялъ перемиріе. Потемкинъ этимъ былъ очень недоволенъ. Говорили тогда довольно громко, что причиной лѣнивой осады Хотина и больше чѣмъ девятидневнаго перемирія была любовь Салтыкова къ красивой женѣ каменецкаго коменданта Витте, которая часто пріѣзжала въ русскій лагерь. Сестра ея, какъ первая жена паши, жила въ Хотинѣ. Салтыковъ, поддаваясь мольбамъ возлюбленной, постоянно посылалъ письма черезъ парламентера отъ m-me Витте въ Хотинскую крѣпость и отвѣты, оттуда принесенные, вручалъ прекрасной Софіи. Этотъ первый успѣхъ заохотилъ нашу героиню къ дальнѣйшимъ шагамъ. Можетъ быть, наконецъ, Салтыковъ, желая умѣрить гнѣвъ Потемкина и зная его сла-

бость къ красивымъ женщинамъ, послалъ ему гречанку, какъ удовлетвореніе за уступку, сдѣланную туркамъ подъ Хотиномъ.

Не знаемъ уже, отъ Потемкина-ли, или изъ Каменца поѣхала красавица въ Варшаву. По недостатку свѣдѣній, слѣдовало-бы предположить, что она взяла въ столицу Польши русскія предложенія. Россія, занятая войной съ Турціей, не желала перемѣнъ въ Рѣчи-Посполитой. M-me Витте не способна была, конечно, отвратить ихъ, но могла присмотрѣться ко всему и потомъ отдать подробный отчетъ Потемкину, такъ какъ онъ велъ политику на собственный страхъ, независимо отъ петербургскаго кабинета, всегда заботясь, надо отдать ему справедливость, объ истинныхъ пользахъ своего отечества.

Какъ-бы то ни было, а Нѣмцевичъ, бывшій тогда въ Варшавѣ, такъ описываетъ madame Витте:

«Хороша, какъ богиня Грида. Одѣвалась разъ по гречески, другой по европейски. Гдѣ показывалась, приводила всѣхъ въ восторгъ; толпы тѣснились къ ней; многіе вскакивали на скамьи, чтобъ только ее видѣть».

«Въ это-то время увидѣлъ ее Щенсный Потоцкій и влюбился въ нее страстно. Но, будучи разсерженъ, что сеймъ его не слушаетъ, отложилъ свою любовь до болѣе благопріятнаго времени». Софія однако вернулась изъ столицы неудовлетворенная. Слишкомъ много слышала она въ ней протестовъ противъ Россіи; король обошелся съ нею болѣе чѣмъ равнодушно, а Потоцкій хоть, казалось, пожиралъ ее глазами, былъ молчаливъ и пасмуренъ болѣе обыкновеннаго: страсть и надменность боролись въ немъ съ любовію къ отечеству. Паденіе было близко; можетъ быть, онъ предчувствовалъ его!

«Комендантша, пишетъ одинъ изъ офицеровъ каменецкаго гарнизона, Дальке, очень недовольна Варшавой; его милость король едва проговорилъ къ ней нѣсколько словъ; цѣлый дворъ отворачивался отъ нея».—«Предпочитаю эту крѣпость столицѣ», такъ по крайней мѣрѣ говорила она. Но supponitur, что эта птичка изъ клѣтки скоро улетитъ». И дѣйствительно, улетѣла, потому что уже въ 1789 году встрѣчаемъ ее въ лагерѣ подъ Очаковымъ и въ свитѣ князя Потемкина въ Яссахъ. А блестящая въ самомъ дѣлѣ была эта свита, почти королевская; среди русскихъ генераловъ тутъ

были: князь Ангальтъ-Бернбургскій, принцъ де-Линь, графъ Браницкій, князь Нассау, Іосифъ Понятовскій, графъ д'Амеасъ и много австрійскихъ офицеровъ.

Изъ женщинъ Потемкина окружали: невѣстка (bratowa) фельдмаршала, графиня Самойлова, графиня Браницкая, графиня Долгорукова, графиня Головина, графиня Гагарина, словомъ: цвѣтъ аристократіи. Безпрестанные празднества и балы, театръ, балетъ и концерты, подъ управленіемъ знаменитаго артиста Сарти,—роскошь невиданная доселѣ....

Императрица стала равнодушна къ своему старому фавориту, вся привязанность ея перешла на молодаго Валеріана Зубова; но она позволяла все таки Потемкину черпать à discretion изъ казначейства; и князь, разочарованный, предчувствуя свое паденіе, видя свое вліяніе пошатнувшимся, не жалѣлъ казны, желая забыться въ безумной роскоши.

Натурально, madame Витте померкала въ этой плеядѣ звѣздъ первой величины, но держалась «за новую клямку» крѣпко, предчувствуя, что на ея сторонѣ скоро будетъ побѣда. Мужъ не умѣлъ внушить ей привязанности къ падающей Польшѣ, да и самъ ее не любилъ, если, тоскуя по Софьѣ, въ августѣ 1789 года полетѣлъ за ней подъ Очаковъ, не спросивъ на это разрѣшенія у своего начальства. За такое самовольство онъ былъ отставленъ отъ должности каменецкаго коменданта, но, должно быть, не очень сожалѣлъ объ этомъ и остался при русской арміи. Благодаря вліянію жены, онъ добился у Потемкина того, что тотъ создалъ для него должность коменданта въ Херсонѣ, съ жалованьемъ въ 6,000 р. с., куда онъ и отправился въ началѣ 1791-го года. Пробывъ на этой должности до 1797 года, Витте уже генералъ-лейтенантомъ вернулся въ Подолію и поселился въ имѣніи, которое получилъ отъ Потоцкаго за проданную жену.

Сближеніе прекрасной Софіи съ Щенснымъ началось въ Яссахъ, куда недовольные королемъ заглядывали часто, ведя переговоры съ Потемкинымъ, а потомъ съ Безбородко. У насъ въ рукахъ почти доказательство того, что m-me Витте выступила здѣсь въ роли политическаго агента, кокетствомъ склоняя колеблющагося Потоцкаго принять предложенія «сѣверной союзницы». На человѣка съ небольшимъ умомъ слишкомъ много было разставлено здѣсь сѣтей;

прежде всего щекотали спѣсь, поддерживали олигархическія убѣжденія, а тутъ еще самая красивая женщина, ангелъ или сатана во плоти, вѣшается ему на шею, нашептывая сладкія слова любви, и съ свойственной восточнымъ націямъ образностью рисуетъ ему будущее счастье его отечества, а его самого въ этомъ отечествѣ—первымъ гражданиномъ, можетъ быть королемъ, котораго благословятъ подданные. Была это идиллія на изнанку, если можно такъ такъ выразиться. Какъ во Франціи придворные играли въ Аркадію и чувствительныхъ пастушковъ, не предвидя кровавого зарева революціи и воздвигнутой ею гильотины, такъ въ то же время и надменный польскій шляхтичъ старался принаровить эти буколическія затѣи къ своимъ убѣжденіямъ, залегшимъ въ его узкомъ умѣ; онъ жаждалъ Аркадіи, но такой, чтобъ она лежала у его ногъ и чтобъ настоящіе пистушки играли на флейтахъ на мотивы его тщеславія. Потоцкій долженъ былъ пасть. Эту печальную страницу исторіи разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ: задыхаешься, читая эти выцвѣтшіе документы; хотя они и доказываютъ больше глупости, нежели подлости, все же въ сердцѣ мимо воли закипаетъ негодованіе къ виновникамъ катастрофы. Мы воспитаны еще подъ вліяніемъ могущественной традиціи; мы съ молокомъ матери всосали убѣжденіе въ измѣнничествѣ тарговицкой «троицы»; пѣли намъ объ этомъ надъ колыбелью пѣсенки, поражавшія дѣтское воображеніе, а народъ въ полѣ проклиналъ въ тоскливой пѣснѣ «воеводскаго сына».

Внуки тарговичанъ кончили скверно, и свидѣтели ихъ смерти шептали намъ устрашающую сентенцію: «даромъ пропадаетъ за вину дѣда, тарговичанина». И въ общественномъ мнѣніи конфедерація—преступленіе, за которое не достаетъ уже наказанія въ уголовномъ кодексѣ. Тульчинецкія богатства уменьшались, таяли изъ за Тарговицы; линія тульчинецкая, имѣвшая во главѣ гетмановъ, захудала страшно—за Тарговицу. Громъ за громомъ ударялъ въ это гнѣздо орловъ, лившихъ свою цѣнную кровь за отечество, богъ мщенія низвергалъ во адъ гордыхъ, а потому падшихъ ангеловъ. То были впечатлѣнія первыя—отроческія; потомъ юноша, читая «Библію Тарговицкую» и Колонтая «Объ упадкѣ конституціи 3-го мая», укрѣплялся въ увѣренности въ преступленіи. Въ настоящее время, когда новые матеріалы выхо-

дятъ изъ подъ спуда, при чтеніи этихъ полинявшихъ документовъ конца XVIII-го вѣка, отрывочно, но ярко, искренно, безъ обмана рисующихъ эпоху, закрадывается невольное сомнѣніе; изстари вкоренившееся убѣжденіе «объ измѣнѣ магнатовъ» исчезаетъ; выступаютъ обстоятельства смягчающія, уменьшающія мѣру преступленія. Тяжесть его падаетъ не на трое плечей, а на большинство народа; троица же—это козлы отпущенія... Таково наше нынѣшнее убѣжденіе о конфедераціи. Но у насъ нѣтъ силы обставить его подробнѣйшими доказательствами, потому что хладнокровіе безпристрастнаго разсказчика насъ оставляетъ, традиція беретъ перевѣсъ, мысль путается по слѣдамъ молвы и партіозныхъ мнѣній. Закроемъ нашъ портфель, повторяя, можетъ быть, сотый разъ, что еще не пора говорить о тѣхъ временахъ.

Возвращаясь къ разсказу, прибавимъ, что Потоцкій сошелся окончательно съ Софіей въ Яссахъ. По началу мужъ удовлетворялся скромнымъ вознагражденіемъ; но чтобы и это не имѣло ясныхъ признаковъ продажи, сохранилъ наружное приличіе: взялъ будто на себя доставку пшеницы въ Молдавію для русскихъ войскъ отъ 15 до 30 т. корцевъ. Деньги ему заплатилъ Потемкинъ. Пшеница совсѣмъ не была доставлена, Потоцкій же черезъ нѣсколько лѣтъ заплатилъ казначейству все, что взялъ Витте.

Прекрасная Софія, подъ знаменемъ тарговицкимъ и покровительствомъ Россіи, въѣзжала съ своимъ возлюбленнымъ въ Польшу въ маѣ 1792 года, но тайно; въ обществѣ не показывалась, скрывалась въ Тульчинѣ, гдѣ пребывалъ маршалъ конфедераціи съ своимъ штабомъ, хотя всѣ уже знали объ ихъ отношеніяхъ, даже жена маршала Юзефина Потоцкая, жившая тогда въ Петербургѣ.

Первый разъ ловкая гречанка открыто является въ обществѣ могущественнаго Потоцкаго въ Гроднѣ. По окончаніи конфедераціи она выѣзжаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Россію въ мартѣ 1793-го года. Ужасное было тогда положеніе маршала конфедераціи: отечество гибнетъ; въ сердцѣ предчувствіе проклятій, въ глазахъ зрѣлища руинъ вмѣсто фантастическаго грандіознаго зданія золотой старо-шляхетской вольности. И, еслибы не любовь къ Софіи, можетъ быть, въ другой разъ онъ поднялъ бы на себя руки. Но дома его ожидала улыбающаяся, тоскующая, прекрасная, какъ ангелъ, любовница, чувствовавшая уже себя матерью, шептавшая ему, что

онъ долженъ жить для нея! Бѣдный маршалъ, всегда игравшій въ идиллію, но теперь уже дѣйствительную, а не шляхетскую, повѣрилъ любви Софіи, забывъ, что красивая гречанка въ лагеряхъ Салтыкова и Потемкина вступила на путь супружеской невѣрности. Поэтому сейчасъ онъ входитъ въ условія съ женой, заключаетъ съ нею такъ называемую «комплянацію», которую императрица Екатерина утвердила 23-го мая 1793 года. Состоитъ она изъ девятнадцати пунктовъ. Содержаніе ихъ такое: Потоцкій, больной неизлечимой болѣзнью, выѣзжаетъ за границу, все имѣніе отдаетъ своей женѣ, передаетъ ей опеку надъ дѣтьми, жена же обязывается выплачивать ему ежегодно 50 т. голанд. черв. въ два срока (1-го іюля и 2 января), а послѣ его смерти туже сумму обязана давать въ продолженіи двухъ лѣтъ тому лицу, которое укажетъ Потоцкій.

Покончивъ такимъ образомъ съ своими дѣлами, Потоцкій въ обществѣ m-me Витте и нѣсколькихъ своихъ придворныхъ, между которыми были: бригадиръ Рудницкій, адъютантъ Метцель, камердинеръ Бистецкій и парикмахеръ Дудзиньскій, переименованный въ казначея, двинулся въ Гамбургъ, съ намѣреніемъ никогда больше не возвращаться на родину.

Жена его, Маріанна Юзефина Потоцкая выѣхала на Украину. Отмѣчаемъ здѣсь еще одинъ фактъ, очень любопытный. Софія Витте «за непристойную жизнь была обжалована Юзефиной изъ Мнишковъ Потоцкой предъ императрицей. Императрица именнымъ указомъ осудила ее на заключеніе въ монастырь», но та своевременно успѣла улизнуть за границу. Щенсный не ставилъ женѣ въ укоръ этого ея поступка; онъ умѣлъ прощать ей не разъ предъ тѣмъ, а теперь самъ столько-же нуждался въ прощеніи.

II.

Влюбленная пара поселилась въ Гамбургѣ. Не очень весело провела тамъ Софія два съ половиною года вмѣстѣ съ Щенснымъ, въ обществѣ его придворныхъ,

Послѣ блестящихъ баловъ подъ Очаковымъ, послѣ безумныхъ оргій въ Гроднѣ, пребываніе въ нѣмецкомъ городѣ, хотя-бы и въ такомъ торговомъ, какъ Гамбургъ, можно было сравнить только съ монастырской жизнью. Прибавьте къ этому пасмурное по природѣ настроеніе маршала и сумасшествіе бригадира Рудницкаго, кото-

рый, тоже входя въ составъ свиты, считалъ себя духомъ изъ другаго міра, а на пребываніе на землѣ смотрѣлъ, какъ на изгнаніе, какъ на адъ и наказаніе за отступничество отъ своего знамени.

Потоцкій также сгибался подъ тяжестью обвиненій. Родина вновь раздѣлена; затѣмъ революція Костюшки съ кровавымъ эпизодомъ народнаго движенія въ Варшавѣ, съ тѣми висѣлицами, на которыхъ возлѣ Коссаковскаго, Ожаровскаго, Забѣловъ, Четвертинскаго, Боскампа были повѣшены родственники и его пріятелей, потомъ паденіе Рѣчи-Посполитой и собственное разореніе. Соберите все это, и вы будете имѣть понятіе о жизни этихъ добровольныхъ изгнанниковъ на чужбинѣ.

Гречанка не могла противиться ударамъ, направленнымъ на судно, править которое взялъ на себя ея возлюбленный. Часто потомъ повторяла она, что смѣло можетъ грѣшить, такъ какъ въ Гамбургѣ за всѣ будущія прегрѣщенія она принесла покаяніе съ излишкомъ.

Одиночество тутъ чувствовалось полное.

Потоцкій силился всѣми способами выйти изъ этого положенія, запрашивалъ къ себѣ путешествующихъ русскихъ и соотечественниковъ, но и тѣ, и другіе избѣгали непріятной встрѣчи, а потому онъ рѣшился войти въ сношенія съ гражданами Гамбурга, сдѣлалъ «славетнымъ райцамъ» визиты и, пользуясь первымъ торжественнымъ днемъ, запросилъ ихъ къ себѣ на пышный балъ.

Въ назиаченный день никто изъ мѣстныхъ сановниковъ не явился. Это униженіе въ высшей степени оскорбило могущественнаго владѣльца Тульчина.

А тутъ бѣда стала заглядывать въ глаза, денегъ изъ имѣнія не высылали, надо было продавать излишки, цѣнныя фамильныя вещи шли жидамъ въ залогъ, на письма въ имѣніе не получалъ отвѣта.

Печальное положеніе, не правда ли?

Чтобы надлежащимъ образомъ понять его, надо вернуться назадъ. Мы знаемъ, что Щенсный, оставляя Петербургъ, заключилъ «комплянацію», по которой жена обязана была выплачивать ему ежегодно 50 т. червонцевъ; за то цѣлое имущество переходило къ ней и ея дѣтямъ. По утвержденіи императрицей Екатериной

этого договора, Юзефина Потоцкая сейчасъ же уѣхала въ Тульчинъ для принятія имѣнія въ управленіе и приведенія дѣлъ въ порядокъ. Именно къ этому времени относятся имѣющіяся у насъ до дюжины ея писемъ въ Гамбургъ, которыя подробно рисуютъ печальное положеніе края. Считаемъ необходимымъ извлечь изъ нихъ въ дополненіе нѣсколько подробностей.

Пройдемъ молчаніемъ отношенія супруговъ, хотя удивляться надо тому достоинству и деликатности, съ какой Юзефина отнеслась къ отъѣзду мужа и къ поздней его страсти. Помимо воли приходится повѣрить въ искренность двустишія, сложеннаго въ ея честь и очень тогда популярнаго въ Польшѣ:

Твое мѣсто въ брачныхъ узахъ другая заступила,
Но ее свѣтъ презираетъ, а твоя память намъ мила.

Но пойдемъ дальше.

Не забывайте, что дѣло происходитъ между вторымъ и третьимъ раздѣломъ Польши. Громадныя имѣнія Потоцкаго остались за кордономъ, т. е. въ той части земли, которая была присоединена къ Россіи, между тѣмъ всѣ имущественные интересы этихъ провинцій улаживались въ Дубнѣ, на Волыни, принадлежавшей еще урѣзанной недавно Рѣчи Посполитой. Большое было это затрудненіе, потому что дубенскіе контракты составляли главный рынокъ, а капиталисты не хотѣли заключать никакихъ сдѣлокъ (1793, 1794, 1795 гг.), не будучи увѣрены въ будущемъ.

Потоцкій владѣлъ тремя милліонами морговъ [1]) пахатной и степной земли, но главный доходъ имѣнія составляла продажа водки. Новое правительство обложило ее податью, на которую тульчинское имѣніе теряло 30 т. ежегодно, а такъ какъ на имѣніяхъ тяготѣли долги (восемь милліоновъ) и касса тульчинецкая не въ состояніи была выплачивать проценты, то поднялся большой ропотъ между кредиторами, пожелавшими возвращенія долговъ.

Потоцкая, незнакомая съ дѣлами, очутилась сначала въ очень непріятномъ положеніи и потому писала обо всемъ мужу. Маршалъ сталъ сейчасъ искать займа, обратился въ Амстердамъ, прося сто тысячъ червонцевъ подъ залогъ всего имѣнія; но банкиры ему отказали. Потоцкіе, видно, пользовались уже плохимъ кредитомъ на

[1]) Моргъ=1317 квад. саж.—*Примѣч. перев.*

заграничныхъ биржахъ: фирма Прота пошатнулась тогда, и многіе потеряли. Винцентій Потоцкій, жившій въ Немировѣ, задолжалъ 787 т. голандскихъ червонцевъ и не въ состояніи былъ выплатить ихъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что Щенсный не нашелъ кредита у капиталистовъ. Желая наконецъ быть аккуратнымъ, онъ задумалъ продать все имѣніе за 300 тысячъ червонцевъ, но купца не нашелъ. Посудите сами, моргъ украинской земли предлагали купить по «два злотыхъ польскихъ», и охотниковъ не нашлось. Трудно это понять, особенно теперь, когда за аренду этого морга платимъ 30 и 40 злотыхъ польскихъ въ годъ. И однакожъ я тутъ ничего не прибавлю; всѣ данныя для разсказа я черпаю изъ многихъ и достовѣрныхъ записокъ и корреспонденцій.

Потоцкая, въ виду такого печальнаго положенія дѣлъ, опустила руки, забрала фамильные брильянты и серебро, полученное въ приданое, выѣхала въ Петербургъ, пріобрѣла тамъ красивый домъ и стала въ немъ жить. Не имѣя доходовъ, она не могла ими дѣлиться съ мужемъ; а этотъ послѣдній тратился изо дня въ день, проживая послѣднее.

За то господа комиссары имѣній, подстаросты, стали потомъ магнатами, и теперь не одинъ внукъ разбогатѣвшаго такимъ образомъ офиціалиста даже не хочетъ догадаться, что дѣдушка тихонько пользовался изъ кассы Потоцкаго.

Не смотря на бѣду и недостатки, навѣрно Щенсный не вернулся бы на родину, еслибъ не Іосифъ Внтте, законный супругъ его возлюбленной Софіи, въ то время уже носившій титулъ «графа». Наскучило ему комендантство на херсонскихъ степяхъ; онъ хотѣлъ еще пожить въ свое удовольствіе, да денегъ не хватало. У этого стараго вертопраха все было для продажи; все продавалъ онъ очень выгодно и, не смотря на то, его карманъ всегда былъ дырявый. Такъ и теперь нѣсколько десятковъ разъ онъ напоминалъ Потоцкому, но, не получая отвѣта, послалъ ему грозный ультиматумъ, потребовавъ жену, на что конечно имѣлъ право.

Прелестная Софія задрожала; предъ ея глазами стоялъ грозный мужъ, съ точки зрѣнія турка смотрящій на жену, плачемъ и лаской заставила она возлюбленнаго вернуться.

Онъ привезъ гречанку во Львовъ, а самъ отправился на Украину. Львовъ однако не пришелся по вкусу эксъ-комендантшѣ.

Тамъ жила тогда родственница маршала, Екатерина Коссаковская, урождснная Потоцкая, извѣстная кастеляншa каменецкая; она не любила Щенснаго, не могла поэтому ласково относиться и къ го подругѣ. Надменная вдова сурово смотрѣла на ихъ отношенія, не освященныя таинствомъ, и ея жизнь была доказательствомъ ея убѣжденій.

Сраженная этой первой своей неудачей, Софія начала хлопотать о разводѣ съ мужемъ. Архіепископъ львовскій отказалъ ей; въ Люблинѣ постигла ее также неудача. Одинъ изъ адвокатовъ предложилъ ей обратиться къ «судамъ шляхетскимъ»; тѣ дѣйствительно согласились признать разводъ, но только на извѣстныхъ условіяхъ, а именно: primo, если жена дастъ присягу, что принуждена была вступить въ бракъ; secondo, если мужъ въ продолженіи шестнадцати дней противъ этого протестовать не будетъ. Снабженная такимъ документомъ, прекрасная сепаратка, считавшая уже себя таковой, пріѣхала въ Каменецъ. Здѣсь она нашла столько напоминавшаго ея прошлое, нашла и хорошаго знакомаго, летичевскаго бискупа Сѣраковскаго, тарговицкаго совѣтника, назначавшагося когда-то ея посланникомъ въ апостольскую столицу, словомъ пріятеля дома Потоцкихъ. Къ нему-то поспѣшила Софія съ своимъ дѣломъ. Натурально, прелатъ разсмѣялся ей въ глаза и посовѣтовалъ примириться съ Витте. Онъ увѣренъ былъ, что они скоро и легко поладятъ другъ съ другомъ.

Испуганная гречанка поспѣшила въ Умань.

Щенсный тѣмъ временемъ старался уничтожить фатальное для него условіе, извѣстное подъ именемъ «комплянаціи», и уговорить жену къ разводу.

Во дворцѣ Пилявитовъ жилъ въ то время генералъ-фельдмаршалъ Суворовъ, предводитель войскъ, расположенныхъ въ южныхъ губерніяхъ. Взялъ онъ на себя роль посредника и миротворца между супругами. Генералъ насколько былъ отважнымъ воиномъ, на столько плохимъ дипломатомъ. Желая помирить стороны, онъ еще больше поссорилъ ихъ. Напросился онъ къ Потоцкимъ на обѣдъ. Супруги конечно были очень рады; сѣли къ обѣду вмѣстѣ съ своимъ медіаторомъ. Сначала рѣчь шла о вещахъ постороннихъ, но въ концѣ фельдмаршалъ ребромъ поставилъ вопросъ о разводѣ·

Юзефина молчала; Щенсный легко протестовалъ, а генералъ все больше и больше входилъ въ свою роль.

— Ну, эта ваша Виттиха! воскликнулъ онъ: я проучилъ бы ее! Вотъ что сдѣлала съ человѣкомъ!—и прибавилъ, указывая на маршала: потерялъ зубы отъ большой любви, состарѣлся, пожелтѣлъ! Отошлите вы Виттиху мужу въ степи, а сами возвращайтесь сюда, потому что любовь—это глупость, когда есть одинадцать душъ дѣтей и уже такихъ взрослыхъ.

Потоцкій сидѣлъ, какъ на иголкахъ, наконецъ не могъ вынести колкостей, закрылъ лице платкомъ, показывая видъ, что пошла кровь носомъ, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ Умань.

Между тѣмъ дѣло прекрасной Софіи окончательно было выиграно, хотя она очень боялась этого свиданія въ Тульчинѣ. Щенсный возвратился съ рѣшительнымъ намѣреніемъ окончательно порвать связи съ женой. Послѣдняя сейчасъ опять вернулась въ Петербургъ, но не хотѣла согласиться ни на уничтоженіе «комплянаціи», ни на разводъ.

Легче дѣло пошло съ Витте, потому что тутъ деньги могли все сдѣлать, и медіаторъ нашелся ловкій и хитрый—Антоній Новина Злотницкій, другъ дома, вскормленный хлѣбомъ Потоцкихъ, и теперь хотъ генералъ-комендантъ Каменца и украшенный орденами, но все таки въ имущественномъ отношеніи бѣднякъ, а потому заискивающій у тульчинскаго «королька».

Пригласилъ онъ Витте изъ Херсона въ Ободовку, село подъ Уманью, которую держалъ въ «безплатной арендѣ»; сюда пріѣхала и Софія, и ея хмурый обожатель. «Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, пишетъ въ своемъ реманифестѣ Новина Злотницкій, шли торги съ большими заботами для меня и непріятностями отъ Витте. Наконецъ, хотя Потоцкій и поручилъ мнѣ предложить ему два милліона, которые онъ ему уже давалъ три года тому назадъ; но я всевозможными способами уговорилъ Витте получить 500 т. польскихъ злотыхъ, нѣсколько тысячъ корцевъ пшеницы и ту сумму, которую прежде подарилъ madame Витте». Въ дѣйствительности было это нѣсколько иначе.

Витте старался на сколько возможно выгоднѣе продать «продуктъ», купленный двадцать лѣтъ назадъ за сравнительно дешевую цѣну (самъ онъ заплатилъ Боскампу за прекрасную Софію

лишь тысячу червонныхъ злотыхъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшилъ поскорѣе покончить продажу, такъ какъ этотъ продуктъ въ образѣ красивой женщины начиналъ уже старѣться. Софіи тогда уже считали тридцать лѣтъ. а это не мало для женщины, родившейся на востокѣ.

Торговались крѣпко. Потоцкій ничего не хотѣлъ прибавить. Витте не уступалъ, а предметъ торга совсѣмъ этимъ не оскорблялся, наоборотъ: льстили этой женщинѣ и цѣна, и купецъ. Не забывайте, что она воспитывалась почти на порогѣ гарема и что первыя впечатлѣнія вынесла оттуда.

Послѣ долгихъ споровъ супруги пришли къ соглашенію. Любопытный этотъ договоръ такъ начинается.

«Графъ де Витте, генералъ-поручикъ войска ея императорскаго величества, кавалеръ ордена св. Станислава, съ одной стороны, и Софья графиня де Витте съ другой, въ силу основанныхъ на каноническихъ правилахъ и другихъ важныхъ обстоятельствахъ трехъ декретовъ бракоразводнаго львовскаго суда отъ 17-го ноября 1795 г., 19 января и 26 янв. 1796 г., признаютъ справедливыми и ненарушимыми слѣдующія условія, заключенныя между ними по добровольному соглашенію» и т. д.

Суть этихъ условій слѣдующая.

Жена уступаетъ мужу права на Бѣлорусскія имѣнія и 150 т. злотыхъ, дарованныхъ ей Потоцкимъ по векселю: кромѣ этого, даетъ ему еще 400 т. золотыхъ на покупку Грушевскаго ключа, который принадлежитъ Потоцкому въ Ушицкомъ уѣздѣ. Имѣніе это должно быть куплено на имя сына, но отецъ имѣетъ на него права пожизненнаго владѣнія. Потоцкій квитуетъ всѣ долги Витте, въ томъ числѣ и долгъ за недоставленную въ Яссы пшеницу, суммою до 450 т. злотыхъ; наконецъ Потоцкій обязывается воспитывать сына графа Ивана Витте, въ то время пятнадцатилѣтняго мальчика. Согласитесь, что тутъ больше двухъ милліоновъ. Ниже мы увидимъ, что старый развратникъ не остановился на этомъ.

Условія подписаны 18 февраля 1796 г. Витте такъ радъ былъ дачной сдѣлкѣ, что, побуждаемый чувствомъ благодарности, купилъ у Злотницкаго Демшинъ, сельцо подъ Каменцемъ, прилегающее къ Грушевскому ключу, заплативъ за него довольно щедро—150 т. Злотницкій въ свою очередь отправился въ Петербургъ и, послѣ долгихъ трудовъ, уничтожилъ «комплянацію», но только уже по смерти

Екатерины, которая защищала Юзефину. Ему однако не удалось принудить ее къ разводу, и только скоропостижная смерть Юзефины въ началѣ 1798 г. положила конецъ распрѣ.

Любовники были обвѣнчаны 17-го апрѣля того же года. Бракъ совершенъ тихо, почти безъ свидѣтелей, въ церкви на предмѣстьи Тульчина (Нестерваркѣ). Вѣнчалъ мѣстный пріоръ доминиканъ по латинскому обряду.

Епископъ Сѣраковскій предлагалъ свои услуги и хотѣлъ пріѣхать въ Тульчинъ на бракъ, но Щенсный ловко отклонилъ предложеніе. Не приходилось какъ-то такъ скоро послѣ смерти второй жены праздновать свадьбу торжественно и шумно; оставшіеся послѣ нея дѣти все же были и его дѣти.

Новожены стали играть въ идиллію, съ той только разницей, что маршалъ принялъ ее въ серьезъ, а жена его приступила къ этой комедіи съ извѣстнымъ легкомысліемъ.

Потоцкіе поселились въ Умани. Здѣсь-то Щенсный развелъ садъ, который въ память возлюбленной третьей своей жены Софіи назвалъ «Софіевкой». Съ лихорадочной поспѣшностью старался онъ кончить его. Метцель, извѣстный артиллеристъ и отчасти инженеръ, нѣкогда адъютантъ маршала и товарищъ его по путешествію въ Гамбургъ, распоряжался работами. Денегъ не жалѣли. Игрушка эта, возбуждая увиленіе посѣтителей и до сихъ поръ, стоила восемь милліоновъ. Развѣ это не идиллія?—только въ большихъ размѣрахъ, какъ все, что ни дѣлалъ Потоцкій.... Если дарилъ онъ Рѣчи Посполитой, то цѣлый полкъ съ значительнымъ запасомъ пушекъ; если устраивалъ конфедерацію, то Тарговицкую; если заводилъ садъ, то Софіевку!

Но въ этомъ громадномъ саду пастушеская простота, хотя дорогой цѣной купленная, прежде всего. Здѣсь луга, рощи, скалы, ручьи, а среди этой красоты три разбитые обелиска:

. . . . . ukochane cienie
Wam na cześć: Konstantemu, Mikule, Helenie,

Bez względu na małżeństwo zamknął los do tru n.y.
Wielkie domu nadzieje i przyszłe kolumny [1]).

Однимъ словомъ,—это были памятники троихъ дѣтей Потоцкаго отъ Софіи, умершихъ въ младенчествѣ.

На берегу тихаго ручья поставленъ бюстъ Трембецкаго, возлѣ котораго Щенсный Потоцкій на красной мраморной доскѣ написалъ слѣдующее осьмистишіе, единственное его поэтическое созданіе, извѣстное публикѣ:

Płyń, strumyku, cichym biegiem,
Te na zawsze rzucaj cienie,
Z kwiecistym się żegnaj brzegiem,
Dzikie skrapiać spiesz kamienie.
Tak szczęśliwy dzień uchodzi,
Choć zbyt rzadki dla człowieka,
Ledwie się go ujrzeć godzi,
Tylko błyśnie i ucieka [2]).

Нашелся наконецъ и пѣвецъ, который воспѣлъ чудеса этой Софіевки. Коснулся онъ всего: перечелъ заслуги семейства, о теперешнемъ устроителѣ этого чудеснаго уголка выразился дипломатически, отдѣлываясь двустишіемъ:

A co czynił dla kraju, co dla swoich ziomków,
Na osobnej to karcie damy dla potomków [3]).

---

[1]) . . . . . Милыя тѣни, вамъ на честь: Константину, Николаю и Еленѣ. Безпощадно для родителей заключила судьба во гробъ семьи великія надежды и въ будущемъ ожиданья.

[2]) Въ теченьи тихомъ плыви, мой ручеекъ,
Бросай на вѣкъ тѣ тѣни,
Съ цвѣтистымъ берегомъ прощайся
И дикіе спѣши кропить каменья.
Такъ счастья день для насъ проходитъ:
Опъ рѣдкій гость для человѣка,
И чуть узрѣть его удастся,
Какъ онъ мелькнетъ и въ мигъ уходитъ.

[3]) А что дѣлалъ онъ для края, для своихъ единозёмковъ,
Мы особо о томъ скажемъ для потомковъ.

Но обѣщаніемъ и ограничился: не хватило у него смѣлости тогда, послѣ погрома, выступить съ масличной вѣтвью мира, со словомъ примиренія, а можетъ—и прощенія. За то о Софіи распространялся широко. Прежде, двадцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, когда Софія проѣзжала, какъ генеральша Витте черезъ Варшаву за границу, вызывая своей красотой всеобщій крикъ удивленія, тотъ-же придворный пѣвецъ почтилъ ее стихомъ удивленія не безъ примѣси ироніи:

Sliczna Zofio, twoje nawiedziny
Wiodą mi na myśl obaloną Troję,
Z podobnej ona zginęła przyczyny,
Jakzę się słusznie o Kamieniec boję [1]).

Теперь, когда та же Софія стала Потоцкой, а королевскій пѣвецъ перешелъ на содержаніе тульчинскаго владѣльца, онъ нѣсколько иначе выразилъ свой восторгъ:

. . . . . To miejsce, Zofio, więcej sdobisz sama,
Podobniejsza niebiankom Adama.
Ciebie tu spuścił Olimp, chcąc trudy nadgrodić
I chcąc takiego męża ważne troski słodzić.
Godne są w jego domu wiek utwierdzać złoty
Twe wdzięki, twe piękności, twe łagodne cnoty,
A póki między rodem ludzkim raczysz gościć,
Poł świata czcić cię będzie, drugie poł zazdrościć [2]).

Маршалъ принималъ это за чистую монету. Онъ щедро наградилъ Трембецкаго, давъ ему за поэму, въ которой восхвалялась Софіевка и добродѣтели его жены, двѣ тысячи червоныхъ злотыхъ! Никогда самый геніальный поэтъ не получалъ такого гонорара!

---

[1]) Твои посѣщенья, прелестная Софія, приводятъ мнѣ на мысль осажденную Трою. Отъ подобной причины она погибла,—какъ же мнѣ серьезно не бояться за Каменецъ?

[2]) Это мѣсто, Софія, сама ты больше украшаешь, подобясь небожителямъ Адама. Тебя Олимпъ сюда спустилъ, чтобы награждать труды мужа и услаждать его великія скорби. Твои чары, твои прелести, твои высокія качества способны въ его домѣ золотой вѣкъ утвердить. И пока въ родѣ людскомъ гостить будешь, всегда половина свѣта будетъ покланяться, а другая завидовать тебѣ.

Какой-то досужій высчиталъ, что камергеръ получилъ за каждый стихъ по четыре червонца. Все произведеніе состояло изъ пятисотъ стиховъ; впрочемъ не было у насъ терпѣнія провѣрить счетъ.

Графъ де Лагардъ перевелъ на французскій языкъ «Софіевку», а въ прибавленіи написалъ удивительную исторію самой Софіи, подъ заглавіемъ: «Прекрасная фанаріотка», въ которой Каменецъ сравнилъ съ Троей, а Софію съ Еленой. Должно быть, его наградили еще щедрѣе, чѣмъ камергера. А почтенная наша литература съ вѣрой приняла эту сказку. Dziennik domowy, выходившій въ Познани, повторилъ ее на своихъ страницахъ.

Забавлялись, какъ видимъ, въ Умани, потому что дѣйствительность была печальна.

Щенсный изъ семи дочерей, оставшихся послѣ Мнишковой, пять выдалъ замужъ, а двѣ остались дома; сыновья учились въ Петербургѣ. Кругомъ держали аренды ex-тарговичане и друзья: Гулевичъ, Мощинскій, Злотницкій, Томашевскій и скромный Рудницкій, у котораго помѣшательство перешло въ тихую меланхолію. Иногда заглядывалъ сюда старикъ гетманъ Браницкій, нѣсколько генераловъ изъ Августовской эпохи, кое-кто изъ русскихъ властей, даже окрестная шляхта.

Жизнь, слѣдовательно, тянулась сносно, относительно даже весело, еслибъ не новое несчастье, которое было слѣдствіемъ легкомысленныхъ и непостоянныхъ наклонностей супруги.

Старшему сыну маршала, Юрію Щенсному, любимцу отца было тогда 22 года. Это былъ красивый мужчина, необузданный, избалованный матерью, съ шаткими убѣжденіями; да и неудивительно: ексъ-піаръ Тросколавскій, самъ не высокой нравственности человѣкъ, воспитывалъ его съ самаго дѣтства и конечно не могъ вкоренить ихъ въ немъ. И вотъ этотъ любимецъ родителей, ставши камеръ-юнкеромъ при царскомъ дворѣ, поселился въ Петербургѣ. Началъ онъ при дворѣ пошаливать: карты, женщины и мотовство стали единственной цѣлью его жизни; а гулялъ онъ такъ шумно, съ такимъ увлеченіемъ, что этимъ обратилъ на себя вниманіе императора Павла. Узнавъ, что паничъ въ теченіи года сдѣлалъ на два милліона злотыхъ долговъ, царь такъ разсердился, что сейчасъ же

выслалъ съ фельтъегеремъ мота-сына къ отцу подъ опеку. Это случилось въ 1799 г.

Маршалъ заплатилъ безъ жалобы долги сына, которыхъ было, должно быть, больше указанной сейчасъ цифры, потому что новые кредиторы безпрестанно посылали свои жалобы въ Тульчинъ чрезъ мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ. Не поражало это Щенснаго нисколько: наоборотъ, желая представить новое доказательство своей привязанности къ расточителю, онъ купилъ на его имя, кромѣ выдѣленной части, Немировское имѣніе (у Винцентія Потоцкаго), въ которомъ считалось 10 тыс. душъ; затѣмъ подарилъ ему Могилевскій ключъ съ прилегающими селами, въ 6 тыс. душъ.

Но молодой вѣтренникъ скучалъ послѣ столичной жизни; уманскій дворецъ казался ему тюрьмою. Одно оставалось ему: по примѣру всѣхъ окружающихъ его, играть въ идиллію; и онъ началъ эту игру, избравъ предметомъ пастушеской любви тридцатипятилѣтнюю мачиху.

Сначала отецъ легкомысленно относился къ этимъ заигриваніямъ, потому что, подозрительный ко всѣмъ вообще, вѣрилъ безусловно, до идолопоклонства, женѣ.

Можетъ быть причиною этого была спѣсь? Онъ, истинное королятко польское, поднявшій бѣдную невольницу изъ уличной пыли до такого высокаго положенія, могъ ли допустить, что она, ставши его женой, подумаетъ объ измѣнѣ? А между тѣмъ здѣсь повторилась очень обыкновенная въ жизни исторія. Всѣ уже давно догадывались о сближеніи пасынка съ мачихой, только онъ одинъ ничего не зналъ. Можетъ быть, неудачи внѣ дома сдѣлали Потоцкаго слѣпымъ для всего того, что дѣлалось вокругъ него.

А между тѣмъ въ это время его alter ego во всѣхъ его политическихъ дѣяніяхъ, Антоній Злотницкій, разсерженный за отказъ ему въ арендѣ, разоблачалъ съ неизвинительнымъ цинизмомъ, въ манифестахъ и реманифестахъ, старательно переписываемыхъ шляхтой, всѣ тайны, всѣ интриги тульчинскаго магната, изображая его еще болѣе черными красками, чѣмъ тѣ земяне-сосѣди, которые учились исторіи недавняго прошлаго по пѣснямъ и пасквилямъ.

Въ этихъ отвратительныхъ писаніяхъ мелкаго пограничнаго шляхтича, осыпаннаго благодѣяніями семейства Потоцкихъ, вліяніе которыхъ сдѣлало его богатымъ панамъ и значительнымъ чиновни-

комъ, Щенсный представляется громадной силой, которая изъ-за родоваго тщеславія разрушила зданіе Рѣчи-Посполитой и погребла подъ его развалинами независимость и свободу ея сыновъ. Это было слишкомъ тяжелое обвиненіе для человѣка, который самъ признавалъ за собой вину, объясняя ее заблужденіемъ. Но толпа, всегда склонная побить каменьями за малѣйшую вину, тѣмъ охотнѣе забрасывала грязью золотой крестъ Пилявитовъ и плевала въ глаза съ ненавистью, презрѣніемъ и проклятіемъ.

Вокругъ гордаго магната все больше и больше росло число непріятелей и во главѣ ихъ онъ видѣлъ своихъ бывшихъ товарищей, со сжатыми кулаками грозящихъ обвиняемому. Должно быть, предполагали они, что злословіе поможетъ имъ обмыть въ слезахъ обиженныхъ свои собственныя одежды, загрязненныя недавней продажностью. Вѣроятно и Злотницкій придерживался того же мнѣнія, потому что онъ слишкомъ громко кричалъ, чтобъ его слушала темная шляхетская толпа.

Потоцкій на это поруганіе отвѣтилъ съ достоинствомъ—потомъ замолчалъ.

Пока онъ еще жилъ подъ родной кровлей, подъ той великолѣпной кровлей, и доблесть была не чужда дому, въ то время золотая надпись на тульчинскомъ дворцѣ, по крайней мѣрѣ, на половину не была анахронизмомъ; теперь объ этомъ и разговора не было.

У него жена—купленная невольница; не ея то вина, что созданная баядеркой, она заняла мѣсто матери у домашняго очага въ семействѣ самомъ знатномъ въ цѣлой Польшѣ.

Но Потоцкій любилъ, а потому вѣрилъ и былъ слѣпымъ. Поэтому, когда въ жизни общественной встрѣчали его горечь и обманъ, онъ шелъ къ своей кролевѣ и госпожѣ, чтобы подлѣ нея найти успокоеніе и отраду. Шелъ и засталъ ее въ объятіяхъ любимѣйшаго сына! Нѣтъ злодѣянія, которое заслуживало бы такого наказанія!

Маршалъ окаменѣлъ, онъ заперся между четырехъ стѣнъ. Ревность, гордость, спѣсь наталкивали его на самые противурѣчивые планы; онъ оттолкнулъ отъ себя жену и сына, какъ нѣкогда оттолкнуло его отъ себя общество.

Въ это время Іосифъ Витте съ цинизмомъ торгаша написалъ письмо къ Потоцкому, донося ему, что знаетъ о «приключеніи», но вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ поправить его старую ошибку, предлагая купить у него другую жену, гораздо моложе прежней и равную по красотѣ; что же касается цѣны, то обѣщалъ быть даже болѣе умѣреннымъ.

Не хочется вѣрить всему этому, и однако мы не прибавляемъ ни одного слова лишняго къ тому, что намъ даютъ достовѣрные современные источники.

И въ эту-то тяжелую пору безнадежной печали явился передъ Потоцкимъ человѣкъ изъ другого совершенно міра.

То былъ Тадеушъ Грабянка, ливскій староста, подолянинъ, мистикъ, основатель и глава Авиньонской секты, теперь ищущій пріюта въ чужихъ домахъ.

И онъ имѣлъ значительное состояніе, но пожертвовалъ имъ для своего ученія; предъ нимъ лежала открытою дорога къ чинамъ и почестямъ, но онъ отрекся отъ нихъ, во имя высшихъ цѣлей; у него была жена любящая, дѣти привязанные, но и ихъ онъ оставилъ для идеи.

Эта идея невѣдомой силой толкала его, со знаменемъ въ рукахъ, на которомъ были какіе-то таинственные и непонятные для толпы знаки, въ среду чужихъ людей, проникнутыхъ матеріализмомъ. Ничто не смущало его: ни грозная инквизиція, ни облитая кровью гильотина... Онъ всегда оставался самимъ собою, вѣрный убѣжденіямъ, которыя пропагандировалъ.

Такимъ его видѣли въ Авиньонѣ, гдѣ за нимъ ухаживали королевскіе сыновья и принцы крови, такимъ онъ былъ и теперь, отвергнутый всѣми, безъ гроша въ карманѣ, въ скромномъ и потертомъ платьѣ. Въ полныхъ огня глазахъ его выражалась вѣра, въ улыбкѣ спокойствіе и чарующая прелесть, въ манерахъ кротость и мягкость. Такія двѣ противоположности встрѣтились теперь и хотя обѣ шли по ложнымъ дорогамъ, но иллюминатъ Грабянка имѣлъ перевѣсъ надъ Тульчинскимъ магнатомъ, которымъ руководило самолюбіе почти во всю его жизнь. Теперь однако, когда все вокругъ разбито и разломано, онъ схватился, какъ утопающій за соломенку, за новаго пророка. Вѣроятно, онъ сталъ бы мистикомъ, еслибъ наконецъ не смиловалась смерть надъ нимъ, самымъ

богатымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

Щенсный умиралъ одинокимъ; у ногъ его стоялъ на колѣняхъ всегда вѣрный Бистецкій, старый и испытанный другъ, у изголовья почтеннный докторъ Гриколевскій.

Ни сынъ, ни жена не имѣли мужества предстать передъ этимъ застывающимъ лицомъ, носившимъ уже признаки смерти.

Сынъ въ сосѣдней комнатѣ заливался слезами, а жена, скрытая въ складкахъ полога, закрывавшаго кровать ея господина и повелителя, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ его послѣднему дыханію.

Въ испуганныхъ черныхъ горящихъ глазахъ выражалось угрызеніе совѣсти за вѣроломство; представлялся ей кожаный мѣшокъ, пронимала уже дрожь отъ холодной морской воды. Удивительно похожа она была въ это время на гаремную рабыню,

Щенсный Потоцкій, маршалъ тарговицкой конфедераціи, генералъ-аншефъ русской арміи, кавалеръ ордена Александра Невскаго и обоихъ польскихъ, умеръ 15 марта 1805 г.

Великолѣпные похороны устроили ему дѣти.

Третій сынъ покойнаго Ярославъ, двадцатилѣтній въ то время юноша, занялся устройствомъ этой печальной церемоніи. Немного явилось шляхты, чтобы отдать послѣдній долгъ магнату; но за то громадными толпами собрался народъ и несъ на своихъ плечахъ останки своего благодѣтеля.

Положили ихъ въ костелѣ доминикановъ въ Тульчинѣ; по этой причинѣ это скромное деревянное зданіе родственники покойнаго снесли и на его мѣстѣ построили великолѣпный каменный монастырь, оконченный 1819 г.

Печальна однакожъ была судьба Потоцкаго и по смерти; даже праху его не суждено было узнать покоя. Въ 1833 г. костелъ доминикановъ былъ передѣланъ въ православную церковь, и останки маршала были перенесены въ кладбищенскую каплицу. Воры забрались туда, выбросили тѣло изъ гроба, сняли съ него богатый мундиръ, ордена и медальонъ съ изображеніемъ Гертруды Комаровской, который пріятели повѣсили ему на шею, потому что онъ объ этомъ просилъ передъ смертью: не разставаясь съ нимъ во всю свою жизнь, онъ и по смерти хотѣлъ имѣть его возлѣ себя.

III.

Не долго длился трауръ въ тульчинскомъ дворцѣ по смерти маршала. Прекрасная вдовушка, тревожившаяся за будущее, теперь вздохнула свободно. Прежде всего она занялась приведеніемъ въ порядокъ имущества; стала понимать стоимость денегъ; хотѣла обезпечить себѣ старостъ независимую и спокойную. Ей уже стукнулъ 40-й годъ, и хотя она была все еще хороша собой, однакожъ отлично понимала, что въ очень недалекомъ будущемъ красота ея угаснетъ безвозвратно и что поэтому прежде всего надо позаботиться о матеріальномъ обезпеченіи. И не трудно было это сдѣлать, потому что ея мужъ не оставилъ духовнаго завѣщанія, притомъ она имѣла дѣло съ наслѣдниками, удивительно уступчивыми и равнодушными ко всякимъ денежнымъ разсчетамъ: они такъ много наслѣдовали, что больше или меньше получатъ послѣ отца, все таки останутся богачами въ полномъ значеніи этого слова. Поэтому сейчасъ-же вмѣстѣ съ пасынкомъ она поѣхала въ Петербургъ, чтобы привести дѣла въ порядокъ.

«Тогдашній министръ Сперанскій невѣрно доложилъ императору Александру, что по статуту литовскому вдова, оставшаяся послѣ мужа, у котораго отъ первой жены остались дѣти, должна получить равную часть съ пасынками и своими дѣтьми, и то не пожизненно, а въ вѣчное владѣніе».

«На основаніи такого толкованія закона, Потоцкая получила 8-ю часть имущества, наравнѣ съ четырьмя пасынками и тремя своими сыновьями».

«Позже узналъ императоръ, что былъ обманутъ, и Сперанскій попалъ къ немилость» (прибавимъ отъ себя: совсѣмъ не потому, что онъ сдѣлалъ одолженіе Потоцкой).

«Вышелъ именной указъ, чтобъ для другихъ порядокъ наслѣдованія по литовскому статуту былъ сохраненъ; но Потоцкая удержала за собой имѣніе».

Такъ пишетъ Хронщевскій, найлучше знакомый съ мѣстными отношеніями.

Въ концѣ 1805-го вернулись обое, Софія и Юрій, изъ столицы. Съ этого момента началась сумасшедшая жизнь въ Тульчинѣ. Ма-

чиха въ объятіяхъ пасынка была царицей въ толпѣ шулеровъ и сорвиголовъ, стекавшихся сюда чуть-ли не изъ цѣлой Европы. Во главѣ этой толпы былъ извѣстнѣйшій Гадзевичъ (Хадзевичъ—называетъ его Хронщевскій); за нимъ слѣдовалъ князь Адамъ Понинскій, генералъ временъ Рѣчи-Посполитой, посолъ на Гродненскомъ сеймѣ, стоявшій въ рядахъ оппозиціи, сынъ не блаженной памяти подскарбія, который обыкновенно о себѣ говаривалъ, что, хотя онъ и безъ страха (sans peur), но ужъ вовсе не безъ упрека (sans reproche). Третьимъ въ этомъ тріумвиратѣ былъ Кантонъ, французъ, умѣвшій съ картами продѣлывать всевозможные фокусы. На второмъ планѣ группировались: салонный Валицкій рядомъ съ грубоватымъ Міѣнчинскимъ и циникомъ Гуровскимъ, сыномъ извѣстнаго вора;—просимъ извиненія за слишкомъ жесткое выраженіе, но мы любимъ называть вещи ихъ собственными именами. Оберпровіантмейстеръ русской арміи Обольяниновъ, квартировавшій въ Тульчинѣ, довѣрялъ измѣнчивой картѣ не мало денегъ, даже старый Трембецкій оставлялъ на зеленомъ столѣ свой эмеритурный пенсіонъ. За нимъ шла цѣлая шеренга мѣстныхъ шулеровъ: играли здѣсь всѣ—посессоры, комиссары, подскарбіи, лакеи, повара, кучера.

Распутный Гадзевичъ, пользовавшійся европейской извѣстностію, какъ плутъ, и проведшій даже извѣстнаго французскаго министра Фуше, умѣлъ раздуть эту пагубную страсть. Желая идти «на вѣрняка», какъ онъ самъ выражался, т. е. желая на вѣрняка обыграть молодаго тульчинскаго владѣльца, онъ не нашелъ лучшаго средства для этого, какъ развратить всѣхъ его окружающихъ.

Въ одну почти минуту нѣсколько милліоновъ перешло въ руки счастливыхъ или проныривыхъ.

Потоцкій передалъ управленіе имѣніемъ подчиненнымъ, самъ же цѣлые дни и ночи проводилъ за «фараономъ»; забылъ даже о своей страсти къ мачихѣ. При бѣшеной и поджигаемой страсти къ выигрышу пламенная любовь къ женщинѣ таяла и гасла. Это былъ первый ударъ для гречанки, столько лѣтъ торжествовавшей. Она увидѣла себя брошенной, а это навело ее на многія мысли, припомнило ей приближающееся время отцвѣта и одинокую осень. И сердце ея сжалось отъ боли, запылало ненавистью къ виновникамъ этого охлажденія.

Съ особеннымъ упрямствомъ она стала преслѣдовать Гадзевича, но нашла въ немъ отважнаго противника! Онъ отбивался на каждомъ шагу. Когда однажды, пишетъ Генрихъ Ржевуцкій, она упрекала его въ жадности за то, что онъ нахально требовалъ слѣдуемыя ему деньги отъ ея пасынка, котораго довелъ до раззоренія, постоянно его обыгривая, онъ ей на это отвѣтилъ:

— Вашъ пасынокъ былъ гораздо болѣе меня жаденъ: то, что я хотѣлъ у него выиграть, не доведетъ его до нищеты; а онъ, имѣя отъ предковъ два милліона дохода въ годъ, хотѣлъ взять у меня послѣднихъ триста червонныхъ злотыхъ, потому что, начиная со мною играть, хорошо зналъ, что больше ничего у меня нѣтъ. А впрочемъ мы съ вами должны поддерживать другъ друга, потому что обоихъ насъ привезли на пагубу этого семейства: васъ моремъ, а меня сухимъ путемъ.....

Это былъ намекъ на происхожденіе Софіи.

Въ другой разъ она спросила его, когда онъ намѣренъ оставить Тульчинъ.

— Я имѣю большое сходство съ нарывомъ, милая графиня: я прорываюсь лишь тогда, когда достаточно наполнюсь.

Эти мелкія стычки повторялись безпрестанно; въ борьбѣ обѣ стороны не всегда употребляли честныя средства; а страдалъ отъ этихъ ссоръ по преимуществу человѣкъ, котораго не интересовали эти дрязги; страдалъ вдвойнѣ, потому что терялъ здоровье и раззорялъ состояніе.

Хронщевскій въ своихъ неоконченныхъ мемуарахъ отчетливо рисуетъ всѣхъ участниковъ этихъ оргій. Когда еще жилъ маршалъ, въ тульчинскомъ дворцѣ почти не употребляли картъ, одинъ только разъ подскарбій Понинскій, толкуя съ нимъ о покупкѣ галицкихъ имѣній, подговорилъ его сыграть въ азартную игру и впродолженіи двухъ часовъ выигралъ у него 30 тысячъ червонцевъ. Щенсный тогда-же далъ слово больше двухъ злотыхъ на карту не ставить, и сдержалъ его.

За то въ домахъ «граціалистовъ» и пріятелей дома, которыхъ поселилось въ Тульчинѣ очень много, «фараонъ» процвѣталъ; особенно были извѣстны вечеринки, которые устроялъ у себя Клембовскій. Весело на нихъ проводили время. Клембовскій пріѣхалъ въ Тульчинъ на возахъ съ вещами Юзефины Потоцкой.

Этотъ широкоплечій и высокій блондинъ былъ дворецкимъ у своей барыни и постояннымъ ея фаворитомъ. Иногда она забывала о немъ; но онъ не оскорблялся этимъ, терпѣливо выжидалъ, былъ готовъ явиться по первому требованію и опять попадалъ въ милость.

Клембовскій научился красиво, т. е. каллиграфически, писать, и потому обязанностью его стало веденіе корреспонденцій. По смерти своей балгодѣтельницы онъ остался въ Тульчинѣ и немногимъ ее пережилъ, въ концѣ 1799 г. умеръ скоропостижно, оставивъ много движимаго имущества, какъ-то: серебра, часовъ дорогихъ, красиваго оружія, и забавнѣе всего, въ спискѣ тѣхъ вещей, составленномъ оффиціально, стоитъ больше «тысячи колодъ картъ» и погребъ съ большимъ запасомъ винъ. Кромѣ всего этого по немъ осталась аренда двухъ селъ, Русавы и Александровецъ, въ ямпольскомъ уѣздѣ.

Если-бы все это цѣнить по нынѣшней стоимости, то имущество Клембовскаго превышало 500 тысячъ злотыхъ.

Не смотря на то, что администрація искала наслѣдниковъ, ихъ вовсе не нашлось; никто не признавалъ его своимъ родственникомъ, хотя, если вѣрить Хронщевскому, Клембовскій оставилъ родственниковъ много.

У него-то молодой Юрій, подъ надзоромъ гувернера, пробовалъ свои первыя силы на зеленомъ полѣ. Всегдашнимъ ихъ партнеромъ былъ Сѣраковскій, летичевскій, потомъ каменецкій бискупъ. Еще будучи каноникомъ въ Варшавѣ, проигрывалъ онъ тихую и пѣтую обѣдню, часто посохъ и инфулу отдавалъ жидамъ въ закладъ, чтобы добыть нужную копѣйку на фараона! Да и такія ли еще средства употреблялъ этотъ «князь церкви», чтобы добыть деньги? О немъ безъ колебанія можно сказать, что все у него было продажно.

По смерти маршала его первородный сынъ ввелъ карточную игру въ самомъ дворцѣ, потому что не было уже надобности скрываться. Въ это-то время и началась въ Тульчинѣ «холостая жизнь», во всемъ значеніи этого слова!

Софія въ лагеряхъ научилась вольному лагерному обращенію. Чтобы попасть въ эту компанію, не надо было доказательствъ о происхожденіи, объ общественномъ положеніи, приличныхъ манеръ,

соотвѣтствующей одежды, ничего, кромѣ кошелька, наполненнаго деньгами, и готовности играть цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы.

Но можетъ вамъ любопытно знать, кто побѣждалъ? Были такіе счастливцы! Гадзевичъ выигралъ два милліона злотыхъ, князь Понинскій половину этой суммы, Кантонъ 500 тысячъ злотыхъ, Томашъ Вигурскій, адвокатъ, брацлавскій совѣтникъ во время Таргowицы, болѣе 700 тысячъ злотыхъ.

Эта скотина вела себя по кабацки: поссорившись съ Трембецкимъ, онъ ударилъ его по лицу, а вызванный оскорбленнымъ на дуэль, донесъ о вызовѣ полиціи. Бѣдный поэтъ, огорченный, впалъ въ тихое помѣшательство и уже до смерти не приходилъ въ сознаніе.

Думаете ли, что передъ Вигурскимъ заперли двери тульчинскаго дворца? Какое! Остался постояннымъ его гостемъ: вѣдь у него столько было денегъ для игры!

Съ отвращеніемъ рисуемъ картину этого упадка, не имѣя права пропустить ее, такъ какъ она представляетъ нѣсколько лѣтъ изъ жизни женщины, которая хотя и носила вдовій чепецъ, но, не соображаясь съ своимъ положеніемъ, неистовствовала, какъ вакханка.

Вѣроятно къ этой эпохѣ относятся разнообразные вирши, рисующія ея поведеніе. Можетъ не повѣрите, что изъ этихъ писаній, пачкающихъ Софію, можно бы составить порядочный томикъ? Расходились они по шляхетскимъ домамъ въ формѣ эпиграммъ, разсказовъ или діалоговъ. Такая была тогда мода. Найболѣе же мы встрѣчаемъ здѣсь четверостишій особаго рода, имѣвшихъ значеніе въ тогдашнемъ обществѣ.

Начало эта литература получила у насъ давно, но особенно стала развиваться въ половинѣ XVII вѣка, въ царствованіе Яна Казимира. Во время саксонской династіи она носитъ характеръ тяжелый и неуклюжій, на половину пасквиля, на половину сатиры. Четырехлѣтній сеймъ былъ кульминаціонной точкой ея развитія; но и времена сеймовъ 1784—1786 гг. уже были изобильны этими произведеніями, по крайней мѣрѣ, много этихъ летучихъ строфъ я нашелъ въ архивѣ Грабянокъ. Не мало тамъ рѣчи о Софіи Витте, а потомъ Потоцкой.

Старостина ливская, Терезія Грабянка урожденная Стадницкая, принадлежала къ другому лагерю, а потому ея приверженцы доставляли ей все, что было писано о Тульчинѣ и его обитателяхъ. Не

смотря на искреннѣйшее наше желаніе, мы не можемъ помѣстить здѣсь и маленькаго отрывка, потому что всѣ они безъ исключенія для печати не годятся.

Презрительное ли отношеніе къ ней общества, равнодушіе ли любовника, или наконецъ солидный возрастъ толкнули Софію на путь благоразумія?

Ея объятія, ея ласки, страстный огонь ея сгубили уже не одну жизнь. Послѣдняя жертва трепетала у ея ногъ. Гетманскій правнукъ царилъ здѣсь, на этомъ рубежѣ, не отвагой, не добродѣтелями, не совѣтами, какъ его дѣды, а распущенностью, развратомъ и пьянствомъ. Жертва должна была погибнуть, какъ погибли и многіе другіе.

Вслѣдъ за ликвидаціей любовной, вслѣдъ за появленіемъ въ сердцѣ симптомовъ банкротства, настала и имущественная ликвидація. И здѣсь разореніе полное. Могилевскій ключъ проданъ еще въ 1806 году; другія имѣнія покупали счастливые партнеры, или старые товарищи отца и сотрудники по послѣдней конфедераціи: Мощинскій, Гулевичъ, Вигурскій, Юковскій, Лещинскій, Моссаковскій. На остальныхъ имѣніяхъ тяготѣли большіе долги. Годъ, два такой жизни, и громадное состояніе, оставшееся послѣ Щенснаго, пошло бы съ молотка.

Надо было его спасать.

Юрій отдавалъ всю свою часть кредиторамъ, т. е. 30 тысячъ крѣпостныхъ, серебро большой стоимости и очень цѣнную галлерею картинъ, купленную у Винцентія Потоцкаго. Точный счетъ показалъ, что всего этого будетъ мало. Бѣдный безумецъ въ первый разъ взглянулъ въ пропасть, разверзшуюся передъ нимъ, и оцѣпенѣлъ отъ ужаса; отозвалось въ немъ благородное чувство, извѣстная честность Потоцкихъ взяла перевѣсъ; здѣсь шло дѣло не столько о немъ самомъ, сколько о кредиторахъ, съ которыми разсчитаться онъ не могъ, и о братьяхъ, которыхъ довѣренностью злоупотреблялъ, какъ опекунъ.

— Я тебя спасу, отозвалась въ то время Софія: я возьму твои долги на себя, хотя они простираются до 13 милліоновъ злотыхъ съ лишнимъ; но съ однимъ условіемъ....

— Согласенъ на все съ охотой, воскликнулъ обрадованный.

— Мое условіе, чтобы ты сейчасъ же навсегда оставилъ страну.

Юрій остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Не понимаю, прошепталъ онъ.

— Чтобы сейчасъ навсегда оставилъ страну, повторила Софія и, не давая ему проговорить слова, продолжала дальше:

— Выѣдешь сегодня, или завтра, или найбольше черезъ недѣлю; я буду тебѣ платить ежегодно по 50 тысячъ червонцевъ до моей смерти, а послѣ смерти эта обязанность перейдетъ на дѣтей. Это послѣднее мое слово. Подумай и выбирай между униженіемъ и разлукой.

И вышла, оставляя пораженнаго любовника.

Никакія просьбы не могли поколебать ея рѣшимости; осталась неумолимой до конца.

Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ оскорбить любовь старѣющейся женщины, обмануть послѣднее ея чувство.

Это происходило въ 1809 г. Юрій Щенсный скоро оставилъ страну. Спустя годъ, онъ умеръ въ Берне, во Франціи, одинокій, съ чувствомъ сожалѣнія о жизни, такъ необдуманно испорченной. Предсмертное его воззваніе къ младшимъ братьямъ полно глубокой горести.

Въ предсмертной исповѣди онъ подводитъ какъ бы итогъ всей своей жизни, въ поученіе тѣмъ, которыхъ былъ опекуномъ; въ концѣ искренно прощается съ Софіей, выражая ей благодарность и благословеніе. Ей онъ совѣтовалъ остепениться. Хотя преждевременная смерть есть какъ бы удовлетвореніе и расплата за безумно проведенную жизнь, но онъ ожидаетъ ее во всякомъ случаѣ съ раскаяніемъ во всѣхъ проступкахъ и съ большимъ сожалѣніемъ, что такъ легкомысленно растратилъ сокровища, данныя ему отъ Бога.

Что сталось съ его товарищами?

Князь Понинскій и Кантонъ окончили жизнь въ Тульчинѣ, Юковскій также умеръ, скоропостижно. Трембецкій еще нѣсколько лѣтъ догоралъ, забытый и оставленный всѣми. Въ минуты сознанія, онъ брался писать дѣянія Рѣчи-Посполитой и собирать документы, оправдывающіе поведеніе Щенснаго Потоцкаго во время Тарговицкой конфедераціи.

Умеръ онъ въ 1812 г., завѣщавъ бумаги Софіи. Но бумагъ послѣ его смерти найдено немного, да и тѣ не имѣли никакой

цѣнности. Осталось еще нѣсколько хроникъ, на которыхъ онъ подѣлалъ помѣтки. У насъ было такихъ два фоліанта Гваньина и Кромера; но отмѣтки, сдѣланныя на нихъ авторомъ «Софіевки», не заключали въ себѣ ничего достойнаго вниманія.

Изъ всей этой плеяды картежниковъ доля Гадзевича была самая печальная. Мстительная гречанка, при помощи связей и своего вліянія, достигла того, что его выслали въ глубь Россіи, а деньги его расплылись. Жена Гадзевича, дѣвушка простого званія, которую онъ вымѣнялъ на ключъ и называлъ Сойкой, осталась вѣрной ему до конца. Она лично просила Александра I объ освобожденіи мужа. Императоръ былъ очень удивленъ, потому что даже ничего не зналъ о ссылкѣ, и приказалъ освободить Гадзевича, но было уже поздно: онъ умеръ въ корчмѣ подъ лавкой, распившись отъ огорченія.

Послѣдній періодъ жизни Софіи Потоцкой начался въ 1810 г. и продолжался до ея смерти. Эти послѣдніе годы были какъ-бы раскаяніемъ ея въ грѣхахъ. Провела она эти годы въ постоянныхъ и добросовѣстныхъ трудахъ; все время ея уходило на благотворенія, на заботливое воспитаніе дѣтей и подготовленіе ихъ будущаго положенія. Съ лѣтами прошла легкомысленность, но гречанка не стала и ханжой. Напротивъ, не перестаетъ она быть веселой; жизнь ведетъ роскошную, но не раззорительную; сначала живетъ въ Тульчинѣ, но, поссорившись съ сыномъ, переѣзжаетъ въ Умань. И тамъ не избѣгаетъ она общества, охотно въ немъ бываетъ, пріобрѣтаетъ важность, свойственную нашимъ матронамъ, окружаетъ себя бѣдняками и заботится о нихъ, тайно помогаетъ обѣднѣвшимъ шляхетскимъ семействамъ, которыя прежде служили Потоцкимъ, словомъ, становится совсѣмъ другой, нравственно хорошѣетъ.

Важность и приличіе господствуютъ въ Умани, а потому окрестныя сосѣдки начинаютъ посѣщать вдовушку, входя съ ней въ ближайшія сношенія; здѣсь ужъ нѣтъ больше мѣста баламъ, импонирующимъ своей роскошью, недавнихъ оргій и безумія, время въ этомъ маломъ кружкѣ проходитъ очень пріятно, и сюда съѣзжается много сосѣдей и сосѣдокъ.

Въ нашей коллекціи есть портретъ Софіи именно отъ этого времени. Это пятидесятилѣтняя матрона, со слѣдами былой красоты; лицо выразительное, не смотря на бурно проведенную жизнь.

Не тѣ уже черныя, полныя огня, очи, притѣненныя длинными шелковистыми рѣсницами; теперь они подернуты уже мглой, но смотрятъ на свѣтъ Божій весело; волосы причесаны гладко, только на вискахъ завиты въ пукли и тронуты сѣдиной; не блестятъ они уже, какъ прежде, не разсыпаны небрежно на прикрытыхъ роскошныхъ плечахъ. На губахъ—выраженіе добродушія и внутренняго самодовольствія, какъ бы эти губы, принося присягу, никогда не нарушали ее ни однимъ грѣшнымъ поцѣлуемъ, ни одной кокетливой улыбкой.

Одежда на ней тоже скромная: голубой бархатный капотъ, опушенный мѣхомъ; шея обрамлена тонкимъ кружевнымъ воротникомъ; прекрасная Софія одной рукой подперла щеку, а въ другой держитъ яблоко.

Не имѣлъ ли въ виду художникъ представить символъ вѣроломства Евы прародительницы? А что портретъ, представленный здѣсь, есть дѣйствительно изображеніе Софіи Потоцкой, вотъ доказательства. Достался онъ намъ изъ первыхъ рукъ, изъ небольшой коллекціи Іосифа Витте и снабженъ его подписью.

Присматриваясь къ этимъ яснымъ и спокойнымъ чертамъ, мимовольно задаешь себѣ вопросъ: неужели эта женщина грѣшила, не сознавая грѣха? Или она подчинялась первому увлеченію, не соображаясь даже съ тѣмъ, какія послѣдствія повлечетъ оно за собой.

Какъ бы тамъ ни было, но лицо Софіи на портретѣ полно того спокойствія, какое дается только внутреннимъ представленіемъ о честно проведенной молодости, о лѣтахъ прожитыхъ согласно съ заповѣдями. Еще разъ повторяемъ, что сердце этой женщины навсегда останется неразгаданной психологической загадкой.

Можетъ быть, и тогдашнія обстоятельства вліяли на настроеніе Софіи. Все то общество, среди котораго она провела самыя лучшія минуты жизни, по очереди стало прощаться съ нею, переходя въ иной лучшій міръ. Закрыла она глаза полковницѣ Лоскай, послѣ женѣ брацлавскаго воеводы Грохольскаго, своей первой учительницѣ. Послѣдняя утрата была для нея очень чувствительна; она сама утверждала, что особенно ее опечалила смерть двухъ лицъ: этой импровизированой воеводихи и князя Потемкина Таврическаго и что этого любовника своего она жалѣла, какъ роднаго отца.

Почтенный генералъ Орловскій, тогдашній каменецкій комендантъ, былъ очень удивленъ, слыша это признаніе изъ устъ m-e Витте.

Тарговицкая старшина также по очереди ложилась во гробъ; мы говоримъ здѣсь о лицахъ близкихъ и связанныхъ съ Щенснымъ Потоцкимъ не только политическими убѣжденіями, но и интимностью и сосѣдними отношеніями, всегда окружавшихъ извѣстнаго рода почтеніемъ вдову своего принципала.

Бискупъ Сѣраковскій и бригадиръ Рудницкій при жизни ея мужа въ одинъ и тотъ же годъ разстались съ этимъ міромъ (1812), а по смерти маршала и другіе очень скоро потянулись за нимъ.

Шеренгу эту началъ собой безсчастный противникъ конституціи 3-го мая, завзятый сторонникъ шляхетской вольности, Янъ Сухоржевскій, бѣднякъ, искавшій пріюта по зажиточнымъ домамъ шляхты. Онъ, можетъ быть, сотый разъ прибылъ въ Тульчинъ погостить и тутъ сложилъ свои измученныя косточки (1807); скончались затѣмъ гетманы: Северинъ Ржевускій (1811 г. въ Вѣнѣ), Францискъ-Ксаверій Браницкій (1819 г. въ Бѣлой Церкви), заступавшіе мѣсто маршала Михаилъ Вилевскій (1816), Антоній Пулавскій (1820), совѣтники брацлавскіе и подольскіе: Бенедиктъ Гулевичъ (1818), Томашъ Вигурскій, Северинъ Качковскій, Людвикъ Голынскій, Адамъ Мощинскій (1822 г.), братья Моссаковскіе,—маіоръ и предназначенный посломъ къ Портѣ Оттоманской. Изъ всей этой толпы возвысившихся изъ комиссаровъ до званія воеводскихъ сановниковъ, а позже тульчинскихъ и уманскихъ поссесоровъ, пережили ее только Антоній Новина Злотницкій, Бонча, Дызма-Томашевскій и Клеменсъ Лещинскій.

Первый участвовалъ въ войнѣ съ Персіей и со времени недоразумѣній, упомянутыхъ нами выше, не сходился уже больше съ Потоцкими. Второй писалъ неудачные георгики и неустанно работалъ надъ отыскиваніемъ, если не доказательствъ, оправдывавшихъ прошедшее поведеніе, то по крайней мѣрѣ смягчающихъ обстоятельствъ. Шуринъ его Хронщевскій собралъ все это въ одно, но все таки этого недостаточно, чтобы вынести оправдательный вердиктъ. Томашевскій не переставалъ бывать въ Тульчинѣ и Умани, всегда съ надлежащимъ почтеніемъ къ Софіи Потоцкой. Клеменсъ Лещинскій, преобразившійся изъ подстаростія въ полковника, а

потомъ въ богатаго помѣщика, предводительствовалъ съ честью въ Винницкомъ уѣздѣ. До конца остался онъ вѣренъ семейству, которое вывело его въ люди, служилъ совѣтомъ вдовѣ, на плечахъ которой всегда было много заботъ по имѣніямъ.

И первый мужъ Софіи предупредилъ ее на пути ко гробу; умеръ онъ въ 1814 году, дождавшись почтенной старости, и хотя не разъ выходили между ними недоразумѣнія, но у Софіи въ сердцѣ всегда оставалась благосклонность къ нему. Боялась она его, какъ мужа, и всегда старалась пріобрѣсти его дружбу. Эта благосклонность выражается съ достаточною степенью въ оставленномъ ею духовномъ завѣщаніи: упоминая о сынѣ отъ перваго брака и о записи, сдѣланной въ его пользу, она прибавляетъ: «хотя онъ сынъ отъ другаго отца, но всегда былъ и теперь искренно привязанъ къ своимъ братьямъ и сестрамъ, а потому надѣюсь, что сыновья и дочери Потоцкіе, почитая Іосифа Витте, какъ отца своего, не будутъ мнѣ ставить въ вину этого новаго доказательства привязанности моей къ сыну отъ перваго брака».

Около 1820 г. здоровье Софіи стало надламываться; но она привѣтствовала старость спокойно и съ улыбкой. Одна дочь вышла замужъ за графа Киселева; сынъ Александръ, любимецъ и гордость матери, былъ уже ротмистромъ гвардіи. А что онъ былъ «гордостью» дѣйствительно, это онъ доказалъ всею своею послѣдующею жизнію. Вотъ какъ изображаетъ его Хронщевскій.

«Дослужившись чина, онъ укрылся въ тишинѣ частной жизни, весь отдаваясь музыкѣ, чтенію и самому ласковому и простому обхожденію съ сосѣдями. Получивши въ молодости громадное состояніе, онъ пользовался имъ очень скромно, ограничивая по возможности свои собственныя потребности, не для собиранія богатствъ, которымъ не придавалъ особеннаго значенія, а для доставленія себѣ большей возможности дѣлать добро. Помогалъ онъ матери выпутаться изъ долговъ Юрія-Щенснаго, а остальное посвятилъ въ награду людямъ, служившимъ его семейству, и на помощь семействамъ, достойнымъ состраданія».

Второй сынъ, самый младшій, былъ еще почти ребенокъ, дочь Ольга, впослѣдствіи графиня Нарышкина, славившаяся своей красотой и добротой сердечной, была уже невѣста. Наконецъ долги

стали уменьшаться, Софія пріобрѣла кредитъ, извѣстность и, если хотите, даже всеобщее уваженіе. Наше общественное мнѣніе такъ снисходительно къ счастливцамъ!

Но не все однѣ удачи: пришла и болѣзнь; сначала незначительныя страданія, потомъ они приняли грозный характеръ; нестерпимыя боли отгоняли сонъ, предчувствіе приближающейся смерти переходило въ увѣренность. Надо было подумать о послѣднемъ распоряженіи.

Съ этой цѣлью Софія, передъ выѣздомъ за границу, отправилась въ 1822 г. въ Петербургъ и тамъ составила духовное завѣщаніе. Въ этомъ цѣнномъ документѣ отражается вся женщина, не та прежняя баядерка, но преобразившаяся, важная, суровая и даже нравственно прекрасная.

Опекунами дѣтей Софія просила быть графа Милорадовича, петербургскаго генералъ-губернатора, убитаго въ декабрскіе дни 1825 г., и князя В. Витгенштейна, командовавшаго второй арміей; въ свидѣтели пригласила пять сановниковъ: сенатора князя Куракина, Ланского, адмирала Мордвинова, вице-адмирала Шишкова и знаменитаго графа Аркадія Моркова.

Духовное завѣщаніе состояло изъ двадцати пунктовъ. Повторять все мы не видимъ надобности, тѣмъ болѣе, что тамъ есть упреки, которые должны остаться семейной тайной. Мы сдѣлали только нужныя выписки, чтобы закруглить нашъ разсказъ о Софіи Потоцкой.

Въ началѣ она уничтожаетъ духовное завѣщаніе, составленное 1809 г. «Единственною цѣлью его, говоритъ, было обезпечить судьбу умершаго графа Юрія, самаго старшаго наслѣдника отъ перваго брака и самаго любимаго сына блаженной памяти моего мужа, который, скоро потерявши все состояніе свое, оставленный, скажу я, своими братьями отъ перваго брака, безъ всякихъ средствъ, уѣхалъ за границу. Принимая во вниманіе такое печальное его положеніе, я изъ одного состраданія, а еще больше изъ почтенія къ памяти его отца, а моего милаго мужа, считала святою обязанностью своею и дѣтей моихъ обезпечить ему приличное содержаніе въ его крайней нищетѣ. Не долго пользовался принесенной ему жертвой Юрій Щенсный, потому что не больше какъ черезъ годъ умеръ за

границей, выражая въ своей духовной глубокую благодарность за оказанную ему помощь».

Это воспоминаніе Софіи есть какъ бы платежъ долга пасынку, преждевременно погибшему по ея винѣ.

Дальше въ завѣщаніи идутъ уже распоряженія имущественныя. А состояніе у Софіи было порядочное: 37 тысячъ душъ, поселившихся на соотвѣтственномъ количествѣ земли, кромѣ того 40 тысячъ морговъ степи (пастбища), дворецъ въ Умани со всѣмъ хозяйствомъ, серебро и картинная галлерея, оцѣненныя въ 100 тысячъ червонцевъ, и на столько же наличныхъ денегъ (хотя на имѣніи было долга 20 милліоновъ злотыхъ), наконецъ громадное стадо расовыхъ лошадей, состоявшее изъ 600 матокъ, стада воловъ, овецъ (мериносовъ матокъ 3 тысячи) и т. д. Не слѣдуетъ забывать, что это было состояніе самой Софіи, исключительно ей принадлежавшее.

Имѣніе раздѣлялось на три части, причемъ уманская часть, доставшаяся Александру, назначалась на уплату долговъ. Сыновья, каждый изъ своей части, обязаны были выплатить по 3 мил. приданаго своимъ сестрамъ, сверхъ того Ольгѣ, еще тогда дѣвушкѣ, 20 тысячъ на приданое и сыну отъ перваго брака 100 тысячъ червонцевъ. Остатокъ назначался на пенсіонъ нѣкоторымъ лицамъ и на госпиталь.

«Не будучи въ состояніи, говоритъ далѣе Софія Потоцкая, приступить къ приведенію въ исполненіе желаній своихъ, прошу, чтобъ какъ въ имѣніяхъ сына моего Александра, такъ тоже и Болеслава Потоцкихъ, были основаны госпитали, подъ надзоромъ шаритокъ, на пятьдесятъ больныхъ каждый, и чтобы на содержаніе госпиталей было ассигновано по 20 тысячъ злотыхъ на каждый въ годъ, на вѣчныя времена, кромѣ построекъ, которыя должны быть произведены на счетъ основателя, и дровъ, доставляемыхъ изъ лѣса на подводахъ колляторовъ».

Въ концѣ завѣщанія Софія проситъ, чтобъ ее похоронили въ Умани скромно, безъ всякой пышности, давая понять, что наслѣдники лучше сдѣлаютъ, если раздадутъ милостыню бѣднымъ, которые молились бы «объ испрошеніи милосердія за всѣ прегрѣшенія».

Таково въ краткихъ словахъ содержаніе документа.

Послѣ его составленія Потоцкая лишь нѣсколько дней еще гостила въ Петербургѣ. Въ концѣ мая она выѣхала въ Берлинъ,

ища помощи у знаменитостей того времени, Гуфланда и Горна. Тѣ не обѣщали ей жизни, и потому она просила лишь объ облегченіи страданій.

22-го ноября 1822 г. Софія Потоцкая отдала Богу душу на 58 году жизни.

Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ жизнь женщины, прослывшей на Украинѣ своей красотой и легкомысліемъ.

И какая поразительная противоположность!

Тринадцатилѣтняя дѣвочка, дочь бѣдной нищенки, въ скромной и оборванной юбочкѣ, сидѣвшая на чемоданахъ Боскампа во время его переправы черезъ Днѣстръ, а въ концѣ жизни важная матрона, носящая самую громкую фамилію въ странѣ, утопающая въ княжеской роскоши.

Не авантюристка это, гоняющаяся за судьбой; напротивъ, не она шла за счастіемъ, а само счастье шло ей на встрѣчу! Довольно было этому ребенку съ улицы, проданному собственной матерью, стать ногой на почву Рѣчи-Посполитой, чтобъ господствовать и очаровывать! Всѣмъ обязана она тому личику, на которомъ, вмѣстѣ съ пламенной страстью, выражалась скромность, доходящая до наивности.

Первые ея владѣльцы,—будемъ называть вещи ихъ именами,—хотѣли воспитать изъ нея вѣтренницу; поэтому удивляться надо, что хотя подъ конецъ жизни, руководимая собственнымъ инстинктомъ, она оказалась такой, какою я ее представилъ. А что я не прибѣгалъ къ яркимъ краскамъ, а наоборотъ слишкомъ рѣзкія линіи старался смягчить, на это найдется достаточно доказательствъ въ запискахъ современниковъ.

ИНСТРУКЦІЯ ГЕТМАНА ДАНИЛА АПОСТОЛА МАЛОРОССІЙСКИМЪ СУДАМЪ.

По смерти Скоропадскаго, въ 1722 г. Петръ Великій замѣнилъ гетманское управленіе въ Малороссіи коллегіею этого имени. Главной причиной такой перемѣны выставлялись злоупотребленія полковой старшины и чинимыя ею козакамъ и посполству притѣсненія, какъ въ административномъ, такъ еще болѣе въ судебномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Коллегія не искоренила зла, которое всего менѣе зависѣло отъ формы режима и имѣло болѣе глубокія основанія въ прошедшемъ страны. Въ цѣломъ рядѣ указовъ того и послѣдующаго времени находимъ указанія на тѣ же злоупотребленія, особливо на пристрастіе, волокиту и взяточничество въ судахъ, которыми старшина пользовалась между прочимъ для захвата земель у козаковъ и превращенія ихъ въ своихъ подданныхъ. Вся вина валилась лишь на судящихъ, о другой, болѣе дѣйствительной, причинѣ неправосудія, о неустройствѣ судовъ, о разнообразіи законовъ и противорѣчіи однихъ другимъ, что собственно и открывало широкій путь къ злоупотребленіямъ, повидимому не догадывались.

Гетманъ Данило Апостолъ, вскорѣ послѣ своего назначенія, обратилъ вниманіе на эту сторону въ управленіи страною и вслѣдствіе его представленія Верховный Тайный Совѣтъ призналъ необходимымъ пересмотрѣть и свести въ одинъ кодексъ источники законовъ, по которымъ судился малороссійскій народъ (Литовскій Статутъ, Магдебургское право и Саксонское Зерцало), съ переводомъ ихъ на великороссійскій языкъ, а для того образовать особую коммисію изъ свѣдущихъ въ законахъ людей. Указъ объ этомъ послѣдовалъ 23 апрѣля 1728 года, но работа

коммисіи затянулась на долго, трудъ ея, оконченный лишь черезъ 15 лѣтъ, положенъ подъ сукно и хотя вопросъ о «сводѣ правъ» выдвигался еще не разъ, но и готовый сводъ никогда не былъ примѣненъ къ дѣлу. А между тѣмъ запущенные въ то время суды требовали исправленія и улучшенія, и если сама коммисія по «своду правъ» въ самомъ началѣ своихъ работъ просила у гетмана для себя особой инструкціи, то тѣмъ болѣе такая инструкція нужна была для отправляющихъ правосудіе судовъ.

Среди такихъ обстоятельствъ явилась помѣщаемая ниже инструкція гетмана Апостола малороссійскимъ судамъ. Она помѣчена 13 іюля 1730 г., т. е. явилась спустя два года послѣ учрежденія коммиссіи «свода правъ». Очень можетъ быть, что она и выработана въ этой самой коммисіи, какъ составленной изъ «искусныхъ и знающихъ людей»; на это указываютъ отчасти дѣлаемыя въ ней своды однородныхъ постановленій по данному вопросу изъ Статута, Магдебургскаго права и Саксонскаго Зерцала, а также изъ сборника «Порядокъ правъ».

Инструкція не упоминаетъ вовсе о судахъ земскихъ и подкоморихъ, какъ возстановленныхъ позже, но только о судахъ войсковыхъ и отчасти городскихъ и сельскихъ, опредѣляетъ составъ судей, порядокъ судопроизводства, вводитъ нѣкоторыя гарантіи для судящихся, нѣкоторыя облегчительныя и предохранительныя отъ поборовъ мѣры и ясно, опредѣленно чертитъ идеалъ суда скораго, праваго и безъубыточнаго. Инструкція поэтому представляетъ собою памятникъ несомнѣнной исторической важности, давая намъ понятіе какъ о внѣшней формальной, такъ и внутренней идеальной сторонѣ суда въ Малороссіи до окончательной отмѣны отдѣльнаго управленія ею. Воспроизводимъ списокъ инструкціи съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей языка и правописанія того времени.

Инструкція о судахъ, 13-го іюля 1730 года.

Понеже ея всепресвѣтлѣйшое величество, Анна Іоановна, императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая, милосердуя о вѣрныхъ своихъ подданнихъ народа нашего малороссійского, всемилостивѣйше соизволила содержать насъ при прежнихъ правахъ и вольностяхъ, какъ о томъ именно въ пунктахъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго изображено, и такіе права и вольности наши въ нынѣшнемъ

1730-мъ году, во время бытности насъ, гетмана, въ великомъ градѣ Москвѣ, подтвердила своею императорскою жалованною грамотою; а прошлого 1728 году, по указу блаженнія и вѣчно достойнія памяти Петра второго, его императорского величества, въ верхнемъ тайномъ совѣтѣ на поданное наше прошеніе учи нено рѣшеніе, въ которомъ рѣшеніи первой пунктъ о судахъ имѣется тако: «Его императорское величество всемилостивѣйше соизволяетъ въ Малой Россіи гетмана и всѣхъ подданыхъ своихъ содержать по прежнимъ ихъ правамъ и вольностямъ и то имъ подтвердитъ своею императорскою жалованною грамотою, и суду и расправѣ у нихъ въ Малой Россіи указалъ его императорское величество быть по прежнему ихъ обыкновенію, какъ именно въ пунктахъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго изображено, по которого пунктамъ подтвержденія сами они просятъ, и быть тѣмъ судьямъ изъ ихъ народа и отправлять въ городѣхъ на ратушахъ и сотникамъ и полковой старшинѣ и полковникамъ, которіе-бъ были въ тѣхъ чинахъ люди добріе и правдивые, чтобъ народъ отнюдь никакими неправдами судомъ ни отъ кого отягощенъ не былъ; когда же кто изъ обидиихъ тѣмъ судомъ не будетъ доволенъ, тому дается позволеніе чинить апеляцію на неправіе и подозрительние суды: на сотенніе къ полковникамъ, а на полковниковъ въ Глуховъ къ генеральному суду; а понеже напредь сего на тотъ генеральній судъ отъ малороссійского народа многіе жалобы къ его імператорскому величеству и челобитнія бывали въ неправихъ ихъ судахъ, что чинятся тѣ суди съ великими наклады і взятки і отъ того бѣдніе козаки и посполство і зъ правдою обвинени бываютъ, и его императорское величество, милосердуя къ народу малороссійскому и яко Главній Судія всероссійской имперѣи, желая вездѣ между подданными своими установить правосудіе, соизволяетъ для лутшого между іми малороссійского народа въ судахъ доброго порядка, быть при томъ генеральномъ судѣ великороссійскимъ тромъ персонамъ, да ізъ малороссійскихъ тромъ же персонамъ, которымъ великороссійскимъ разсматривать дѣла обще съ ихъ малороссійскими судьями и решить тѣмъ великороссій-

скимъ и малороссійскимъ судіямъ по ихъ малороссійскимъ правамъ, токмо безъ накладовъ и взятковъ и разоренія народа, и отправлять имъ тотъ судъ съ сообщенія гетману, яко президенту того суда, и по разсмотрѣнію дѣлъ ежели явится, что судіи нижнихъ судовъ объвинили кого неправедно ізъ взятковъ или для какого похлѣбства, за то тѣхъ судей въ томъ генеральномъ судѣ штрафовать, по разсмотрѣнію судей и по разсмотрѣнію гетманскому, и изъ взятого отъ нихъ судей штрафу чинить обидимымъ награжденіе, и не бивъ прежде челомъ въ нижнихъ судахъ по порядку, въ генеральномъ судѣ никому ни на кого ни въ какомъ иску не бить челомъ и челобитень нигдѣ не подавать, ежели же кто генеральнаго суда рѣшеніемъ не будетъ доволенъ, и такимъ бить челомъ ея императорскому величеству въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ: того ради, во исполненіе таковаго милостиво состоявшагося его императорскаго величества указу, въ согласіе же и примѣръ прежнихъ правъ и обыкновенія, хотячи мы, гетманъ, дабы надлежащій въ судахъ малороссійскихъ содержанъ былъ порядокъ, оніе суда латвѣе бы въ самую правду проізвождени быть могли, велѣлисмо сочинить сію инструкціи пунктами, по которымъ имѣютъ по всѣхъ полкахъ рейменту нашего тие жъ совершатися суда таковымъ порядкомъ.

I.

Въ судѣ полковомъ надлежитъ быть безъ перемѣни всегда судіи и при немъ писару судовому, а съ ними въ ономъ судѣ засѣдать съ полковой старшины обозному, асауламъ двомъ, хоружимъ двомъ и значковому товариству почережно, то есть тромъ персонамъ, двомъ изъ означенной старшины, а третему значковому товаришу, по чверти года. А онаго суда всегда полковникъ долженъ смотрѣть, такъ чтобъ за его вѣдомомъ и соизволеніемъ и за подпискою рукы всѣ дѣла вершилися, и въ приключающихся крѣминальныхъ и инныхъ значныхъ, подлеглихъ суду полковому, справахъ долженъ самъ полковникъ со всею купно старшиною присудствовать суду и вершеніе справи

учиня, зъ старшиною согласно, подписоватся, ибо многіе давніе декреты илы писма судовіе імѣются въ людей разныхъ чиновъ за руками и печатми прежнихъ полковниковъ, зъ которихъ показуется, что въ судахъ полковихъ самы полковникы зъ старшинами присудствовалы и по приговору и согласію общому разніе дѣла вершили.

2.

Понеже все судебное дѣло найпаче залежитъ на судіи да на писару, почему и титуломъ тимъ славится судія; того ради должны быть судіи, кромѣ природнаго добронравія, совѣтніе, умніе и въ писаніи искусніи, найпаче права знающіе, чтобъ не названіемъ толко, но і вещію можно было таковихъ почитать за судей, и се по праву, а особливе въ Статутѣ княжества литовского, въ роздѣлѣ 4, арт. 1-мъ положенному, якую должность ихъ и присяга на томъ же мѣстѣ въ Статутѣ обширно показуетъ. И ктому въ книзѣ «Порядка» на листѣ 8-мъ, въ части 1, написано тако: «судія долженъ имѣть въ себѣ тія добродѣтели: боязнь Божію, правду, искуство (mądrość), ростропность, умѣренность (mierność), ко всѣмъ равную любовь (miłość), права умѣтность, могущество (mązność), а имѣетъ судити безъ кваплівости, безъ гнѣва, ненависти, любви, пріязнѣ, даровъ и протчого», и въ книги правной «Зеркала саксоновъ», подъ словомъ судъ и судія, на листѣ 357. Такожъ и писару при онихъ судахъ быть искусному и присяжному по інформаціи—на помянутомъ же ономъ листѣ, въ Статутѣ имѣющемся; ибо хотя писари судовіе въ дѣлахъ судовихъ не імѣютъ голосу до чиненя приговоровъ, по тіе залежатъ на судіи и на протчихъ, присидячихъ ему, и противъ челобитя естли отъ кого проізійдетъ на судъ нижній о неправомъ (рѣпеніи) въ вишомъ судѣ, то судія съ другими сосидящими въ судѣ, а не писарѣ должны ответствовать, се же по статутскому праву, въ роздѣлѣ четвертомъ, артик. 48-мъ, параграфѣ 1-мъ положенному; однакъ въ томъ ихъ писарей должность есть, чтобъ отъ жалобливой и ответующой стороны прилагаеміе къ доводу или оправданію своему рѣчи

и дѣло, такожъ и приговори вѣрно, обстоятелно и іспрaвно записовали, понеже не токмо за неисправность въ ихъ дѣлѣ, но і за помилку ихже обвиняетъ тое жъ статутское право, въ раздѣлѣ 4-мъ, артикулѣ 4-мъ, параграфѣ 5-мъ тако імѣющоесь: «писарь можетъ подписка или двохъ, албо сколко ему потребно будетъ, имѣть и пилно того смотрѣть, дабы вѣрне и правдиве, безъ продолженія, до книгъ записиване было, а где бы помилка въ справѣ отъ нихъ была, неповинни правующиесь подписковъ смотрѣть, но на самомъ писару за ту помилку шкоды своей доходити имѣютъ! Да судовому жъ писаревѣ, по силѣ присяги своей, которою обовязался въ званіи своемъ, не смотрѣти на високіе и подліе лица, на власти и достоинства и безъ власти зостаючихъ, на богатого и убогого, на тутейшого и на гостя, на кревного и на далекого, на друга и недруга, и проч., надлежитъ же ему писару всякую справу по нумерамъ и числамъ, когда какая къ суду приточится, судіямъ докладать и совѣтовать, дабы безъоткладно розискивана, слушана и сужена была чтобъ чрезъ тое не имѣло быть людемъ, найпаче убогимъ, волокиты и въ судахъ продолженія, и для того імѣетъ быть всякихъ суплѣкъ или жалобливыхъ доношеній реестръ съ краткою запискою.

3.

Въ сотенныхъ судахъ, гдѣ нѣтъ магистрату, засѣдать всегда безъ перемѣни сотнику, атаману городовому, писару, хоружему, войту и бурмистрамъ; а где атамана городового нѣтъ, тамъ атаманамъ курѣннимъ быть и употреблять, особливо къ знатнимъ дѣламъ, сколько пристойно, отъ знатного сотенного товариства. А где есть,—майстратъ особно, а сотенній судъ особно-жъ дѣла свои отправлять имѣютъ.

4.

И суди оніе производить, найпаче въ кримѣналнихъ и инихъ знатнѣйшихъ дѣлахъ, такимъ образомъ: перво слушать и читать жалобливаго суплѣку или доношеніе, потомъ противъ

оной суплѣки по пунктамъ, въ якихъ снла и справа содержится, допрашиватя обжалованого, то есть отвѣтчика, и что въ допросахъ скажетъ, оніе вопросніе рѣчи записивать, туюжъ записку выразнимъ вычитанемъ читать добре ему обжалованному, чтобъ виразумѣлъ до подлѣнна, и казать на онихъ допросахъ, перво начерно сочиненнихъ, подписоватся, а потомъ и на бѣло переписаннихъ руки прикладывать, а хто писать не умѣетъ, во мѣсто себѣ о подпись упрашивалъ бы, кого можетъ, а крестами не подписоватся, понеже много того бываетъ, что упрамни такого своего крестами подпису запираются. По совершеніи жъ онаго отвѣтного допросу, якую въ томъ жалующійся постережетъ неправость, долженъ обличать оную и своей правды доводить явленіемъ достовѣрныхъ писемъ или, не імѣючи о нихъ писемъ, ссилатся на свидѣтельство людей честныхъ и неподозрительныхъ въ воровствѣ или прелюбодѣяніи и другихъ безъчиніяхъ, также непрестарѣлихъ, младолѣтнихъ и проч., какъ о свѣдителехъ поучаютъ особливо правніе артикули, и на кого тая отсилка будетъ, найпаче когда на тыхъ же свѣдителей ссилатимется и отвѣтчикъ, то і тую общую ссилку записать и на записцѣ велѣть имъ подписыватся выше означеннымъ, какъ и на отвѣтѣ, образомъ. Ежели-жъ обжалованній, не ссилаючись на тыхъ свѣдителей, покажетъ другіе своему оправданію доводи писменніе, или свѣдителемъ, отъ челобитчика представляемымъ, дастъ правную въ подозрѣніи или о свойствѣ съ нимъ челобытчикомъ причину, или другихъ отъ своей стороны покажетъ достовѣрнѣйшихъ свѣдителей; то тое также записовать и на оной записцѣ взаемно подписоватся казать ему отвѣтчику, явленніе же въ доводъ писма принимать отъ обонхъ сторонъ подлинніе, а взявши зъ тихъ за ихъ руками копіи, подлинніе по росправѣ, ежели правіе и неподозрителніе суть, отдавать возвратно съ росписками, а ежели зъ доводу на судѣ являтся якіе пѣсма, чили свѣдительства и мунѣмента, албо декрета не право сочиненіе, или измишленніе и подозрительніе, то на онихъ помѣчать рукамы судящихъ, что суть неправіе и настоящимъ судомъ скасованніе, съ изображеніемъ краткимъ того уничто-

женія причинъ, и воспять судимымъ отдавать же съ росписками, а особливо въ декретахъ означать о тихъ неправихъ писмахъ, чего ради скасованы и не должни имѣть своей сили. А ежели отъ обоихъ сторонъ не будетъ показано ни писемъ, ни свѣдителей, то обжалованному, естли не зазорній человѣкъ, а не жалующемуся, приговоривать присягать, ибо право, на многихъ мѣстцяхъ положенное, а особливо въ «Порядку», гдѣ починаются артикули права магдебурского, на листахъ 17 и 19, въ сумнителнихъ рѣчахъ къ отводу и оправданію своему ближшимъ чинитъ отвѣтчика, нежели къ доводу челобитчика, кромѣ дѣла объ крадежъ, забойство и протчіе преступства, которіе дѣла надлежитъ не присягою рѣшить, но, смотрячи по состоянію дѣла, доводовъ лицъ и другихъ околичностей, пристрастною пробою допитовается, чего надлежитъ однакъ уживать не сквапливо, но съ опаснимъ и прилѣжнимъ разсмотреніемъ (опрочъ случаевъ, продолженія времени не терпящихъ, о чемъ ясная наука ізображена въ правѣ статутскомъ, розд. 1, арт. 26, параг. 2 и ктому въ «Порядку», въ правахъ цесарскихъ виписанномъ подъ нумерами 1, 2, 3 и 4, на листахъ 2, 3, 4, 5 и 6). Свѣдителей же, кому подлугъ права надлежитъ меть ставить, прежде ихъ свѣдителства должни судящіе приводить къ присязѣ, тамже въ судебномъ дому, на такой имянно ротѣ, которая написана въ «Порядку», въ части 3, на л. 8, или во мѣсто тоей присяги имѣютъ судіи упоминати онихъ свѣдителей страхомъ страшнаго суда Божія и казни временной и вѣчной, ложнихъ свѣдителей не минуть імѣющой. Да онихъ же свѣдителей допрашивать каждого порознь, а при допросѣ и свѣдителствѣ тожъ імѣетъ присудствовать и сторона, противъ которой представлени будутъ тѣ свѣдителѣ, якъ о семъ въ томже «Порядку» на выше означенномъ мѣстѣ ізображено. А по розиску во всякихъ заводнихъ и кримѣналнихъ дѣлахъ, винайшовши приличніе правніе артикули, за общимъ всѣхъ судящихъ лицъ согласіемъ, декретовать и руками всѣхъ же тотъ декретъ закрѣплять.

5.

До приговору же или до вершенія всякаго дѣла искать перво артикуловъ приличныхъ всегда въ Статутѣ княжества литовскаго по которыхъ обыкновенію въ Малой Россіи суды производятся, которіе книги такожъ въ Малой Россіи отъ древнихъ лѣтъ до судовъ употребляются, и по онимъ правамъ, а не по своему собственному и правамъ противному мнѣнію, дѣла вершить; о чомъ поучаетъ тое-жъ право статутское, въ роздѣлѣ 4, арт. 54 имѣющоесь въ такой силѣ: «всякій судящій ничего съ домыслу и мнѣнія своего, такожъ и и зъ вѣдомости своей судити и рѣшиты не мѣстъ и не будетъ силенъ, только по тому статуту и артикулехъ, въ немъ описаннихъ, подлугъ споровъ и суду обоихъ сторонъ, а где чего въ томъ Стату(тѣ) не доставало-бъ, тогда судіи, прихиляючись до болшей справедливости, по совѣсти своей и иншихъ правъ прикладомъ христіянскихъ тое отправлять и судыть имѣютъ». А естли въ которомъ знатномъ дѣлѣ на сотеннихъ судахъ и аа необысканіемъ правнихъ артикуловъ зайдетъ къ вершенію дѣла сумнѣніе и трудность, о томъ доносить въ полковій судъ, описавшы оное дѣло со всякимъ обстоятельствомъ, и рѣшенія просить.

6.

Сочиненніе-жъ и закрѣпленіе вышеозначеннимъ образомъ декрета, записавши въ книгу начисто, отдавать полковой старшинѣ съ притисненіемъ настоящого суду печати. А оніе записанніе держать при судѣ, также и іниe черние и бѣліе допроси и сказки, которіе за руками судимыхъ илы свѣдителей крѣплени, имѣть въ судовой архивѣ, что чинитимется по правамъ и по древнему обыкновенію, ибо и нынѣ по нѣкоторихъ городахъ, где прежніе суть урядники, таковіе книги отъ древнихъ временъ имѣются.

7.

Съ полковихъ судовъ ни по якимъ жалобамъ, заразъ за предложеніемъ онихъ въ судъ, никуда никого не посилать на

розискъ, но перво принявши жалобу и противъ оной допросившы, по вышеписанному сей инструкціи 4 пункту, обжалованного, естли обидвѣ сторони ссилатымутся, или хочай една якая, на которыхъ свѣдителей, а онихъ свѣдителей, за множествомъ числа, или за слабостію ихъ, або за далекимъ разстояніемъ, сискивать къ суду неподатно будетъ и тіежъ сторони сами если требоватымутъ кого о висилку на розыскъ, тогда, усмотря на тое розищиковъ добрихъ людей, въ писмѣ и въ правахъ искуснихъ, опредѣлять съ инструкциею ясною, о чомъ іменно надлежитъ розискивать и на томъ розиску свѣдителей онихъ допрашивать, а что по тихъ допросахъ покажется, должни означенніе розыщики записовать такіе допроси; и велѣть свѣдителямъ, которымъ право свѣдительствовать не возбраняетъ, всякому на своемъ допросѣ подписовати умѣючимъ, писать самимъ, а неумѣючимъ упрошовать о подпись вмѣсто себе другого, писать вмѣючого; потомъ розищики оные жъ допроси или розискъ імѣютъ закреплять своими руками и привозить албо присилать въ судъ полковій для вершенія и приговору: а вершить дѣла самимъ разищикомъ не поручать, ибо отъ такого порученія могутъ произходить многіе трудности и дѣла маліе розводитися въ великіе, на большій обидимимъ убытокъ и волокиту. А если заводніе стороны сами въ приватныхъ своихъ дѣлахъ поточнихъ (кромѣ воровства и убійства и другихъ важнихъ дѣлъ), не входячи въ большій заводъ, доброволне схотятъ при розищикахъ примиритися, то должны обидвѣ стороны дать одна другой росписки за руками своими и за руками-жъ зъ обоихъ сторонъ по два свѣдители, а въ кого могутъ быть и запечатаны, якъ о семъ поучаетъ право въ Статутѣ княжества литовскаго, въ розд. 4, арт. 25, и розищики такимъ развѣ образомъ могутъ споръ ихъ окончиты, а другіе-жъ такіе росписки присилать албо привозить въ судъ, съ которого послани, а судъ оній тое примиріе ихъ долженъ конфирмовать и тогда конфирмацію требующей сторонѣ выдавать.

8.

А содержать помянутихъ розищиковъ требующой онихъ сторонѣ на своемъ пристойномъ коштѣ, въ общой же ссильцѣ обомъ сторонамъ по половинѣ. Посильщикамъ же, особливо съ позвами, платить по копѣйцѣ за версту съ поворотомъ, а свѣдителей зисковать въ судъ и сустентовать такожъ пристойнимъ коштомъ требующой сторони, которій коштъ, какъ на розищиковъ, такъ на свѣдителей, и на писарей, и на посильщиковъ выложенній, опослѣ сторона, какая обвиненна будетъ, награждать должна, а то по праву, ізображенному въ «Порядку», арт. 45, на листѣ 27 и части 3, на стр. 106-й, і зверхъ оной надлежащой сустентаціи неповинни розищики, ни писарѣ нѣчого больш у сторонъ витягать и всякихъ иншихъ вимисловъ и взятковъ собою на убытокъ имъ чинить, особливо, когда обѣдвѣ сторони требоватимуть розищиковъ въ дѣлахъ розмежованія грунтовъ, то избѣрать тогда найпаче розищиковъ, въ писмѣ и правѣ искуснихъ, которіе-бъ могли, о чемъ имъ будетъ молѣцено, совершенно управиться. А управляться имъ въ томъ межевомъ дѣлѣ такъ, какъ поучаетъ о подкоморихъ право въ Статутѣ, въ розд. 5, въ арт. 2, 3, 5, 6, 7 и 8.

9.

Вишеозначеннимъ судовимъ особамъ въ судѣ засѣдать и оній проізводить три днѣ въ тиждень, въ понедѣлокъ, среду і пятокъ. А того ради не по вся дни, чтобъ мощно было вправиться въ описаніи обстоятелномъ дѣлъ по вишеозначенному 4 пункту; во дни же неделніе и праздничніе, а ктому особливо предъ празденствомъ Рождества Христова, отъ 22 декабра до праздника Богоявленія, такожъ въ седмицы сирную и первую до второй недѣлѣ великого поста, отъ Лазаревой субботи до неделѣ Ѳоминой і во всю неделю пятдесятную Сошествія Святого Духа до неделѣ всѣхъ святихъ, также во дни государственнихъ торжествъ и ктому въ лѣтное рабочее и каникулярное время, отъ 15 юля до 15 августа, судебніе дѣла отстав-

лять, кромѣ нужнихъ дѣлъ о убійствѣ, разбои и о другихъ, которіе по правамъ називаются горячими учинками і продолженія времени терпѣть не могуть, о чемъ поучаетъ право въ «Порядку», въ части 2, на листѣ 78 положенное. Паче же всего дѣла судовіе должни судящіе производить со тщаніемъ самою сущею истиною, безъволокитно, безъ лицезрѣнія и безъ всякихъ накладовъ і взятковъ, указами запрещеннихъ и правамъ противнихъ.

10.

Кто по такому суду явится быть виноватымъ, особливо за побой, за безчестіе і за другіе преступленія, то приговоровать оплачивать надлежащую обыдимому, подлугъ права статутского, на разнихъ мѣсцяхъ положенного, навязку и гвалтъ, и ежели кому по справедливости которій искъ присужденъ будетъ, то тотъ искъ означать імянно, что на комъ доправить и на не імѣющемъ готовихъ денегъ доправлять зъ его пожитковъ по оцѣнки настоящею цѣною съ торгу, а безъ оцѣнки нѣчого въ грабѣжъ самоволно не брать. Что же многіе представляютъ свое сумнѣніе сторони навязки, козакамъ подобающой, такъ ли на оплату оной приговоривать, какъ шляхтичамъ въ Статутѣ положено, то козаки, кои найпаче толко за шляхту признаватись должни, такъ шляхетскую и навязку имъ приговоривать надлежитъ, понеже примѣромъ шляхти войсковіе службы Ея императорскому величеству отправуютъ і за тое по милости Ея ви сочайшей особливими жалованни волностми. А компанѣйцамъ, яко платнимъ и наемнимъ людемъ, жолнѣрамъ приличная навязка, подлугъ тогожъ статутского права, приговороватись имѣетъ.

11.

По совершеніи нижняго суда, кто бы онимъ нижнимъ же судомъ не былъ контентъ, въ вишшій судъ не возбраняеть апеліовати, подлугъ указу Ея императорскаго величества, въ рѣшительномъ 1-мъ пунктѣ ізображеннаго, такожъ подлугъ права статутового, въ розд. 4, арт. 86, парагр. 1, кромѣ причинъ, въ

томъ же розд. 4, арт. 88 вписаннихъ, и естли по апеляціи въ вишшомъ судѣ неправость низшаго суда явится, то оніе судящіе непременно імѣють быть обвинени по важности дѣла, какъ въ 1-мъ рѣшителномъ пунктѣ о томъ показано. А понеже многіе напрасно апеляцію для убытку и далшей волокиты обидимаго нарочно чинить обикли, то когда по апеляціи покажется въ вишшомъ судѣ, что напрасно кто апеліовалъ бы і тоею апеляціею напрасно судящихъ опорочилъ, таковій самъ долженъ подлежати штрафу и наказанію, какъ о томъ поучаетъ право въ Статутѣ княжества литовскаго, въ розд. 4-мъ, арт. 40, парагр. 3 и арт. 89, такожъ въ розд. 9-мъ, арт. 7, то есть имѣетъ по онихъ артикулахъ опороченному собою неслушне судове нижнему 12 рублей денегъ а противной сторонѣ своей всѣ убытки уплатить: а кого такожъ доведется въ судѣ полковомъ приговорить на смертную казнь, или на лишеніе чести, особливо надъ знатными персонами, о томъ отписоваться съ мнѣніемъ напередъ къ намъ гетману і въ судъ войсковій енеральній, а не отписавшись и не получивши рѣшенія, экзекуціи въ той смертной казни нѣ надъ кимъ и въ лишеніи чести надъ знатними людми не производить.

12.

Понеже писарамъ судовимъ особливо для сустентаціи нѣтъ опредѣленія, безъ которого имъ въ званіи своемъ прожите трудно, ибо въ суду полковомъ одинъ писаръ и управиться не можетъ, но принужденъ держать себѣ въ помощь и другихъ подписковъ, а хотя въ такой сустентаціи онихъ правное описано доходовъ опредѣленіе въ томъ же Статутѣ, въ розд. 4, арт. 6, однакъ что тотъ доходъ, яко весма малій и доволить онихъ писарей въ препитаніи и одеждѣ не можетъ, понеже теперь по сей інструкціи болше дѣла імъ въ запискахъ и переписках и въ протчемъ прибавится, того ради, какое впредъ учиннтся опредѣленіе о заплатѣ полковимъ писарамъ и канцеляристамъ и прочимъ полковимъ служителямъ, потому і объ ихъ судовихъ писарахъ разсмотрѣніе быть должно. Ктому всякіе челобитчики, кому слу-

чится писать свои челобитніи где ни будь или въ тихже судахъ, въ которихъ требуютъ своимъ дѣламъ рѣшенія, то за тіе суплѣки платить имъ писарамъ отъ полуаркушов й страницы по пять копѣекъ, то есть на которой суплѣцѣ будетъ списана одна страница полуаркушевая, за тую пять копѣекъ, а за писане двохъ полуаркушевыхъ страницъ гривню, за цѣлій же аркушъ, на которомъ всѣ четыре страницы будутъ списани, двѣ гривнѣ. А смотря по убожеству судимого, мощно и меншимъ награжденіемъ имъ писарамъ доволствоватись, и отъ приговорнихъ писемъ, которіе называются декретами и даются обыкновенно сторонѣ правой, взимать имѣютъ писари, смотря по дѣлу малому и великому, отъ страницы едной по гривнѣ; только они писары для своего взиску и убытку судимимъ не должны выше потребы въ написанѣ тихъ суплікъ, допросовъ и декретовъ ширить рѣчи, но писать обикновенними нерѣдкими строками, для болшаго тимъ писмомъ страницъ занятья, чего сами судіи постерѣгать и не допускать имѣють.

13.

По селахъ, въ выдѣніи сотенной и городовой старшины обретаючихся, на судъ сходитися велѣть къ атаману или войту, не въ шинковіе домы, і емужъ атаману засѣдать съ двома или трома товаришами, а войту тожъ зъ двома или трома людьми трезвими и розсудними, по маетностѣхъ же державскихъ, когда жалоба будетъ отъ мужика на козака, судъ той содержать атаману съ товариствомъ знатнѣйшимъ, и когда жалоба зайдетъ отъ козака на мужика, то судить старостамъ і войтамъ въ справахъ мелкихъ поточнихъ и судить тожъ не въ шинкахъ, не пьянимъ, но трезвимъ, безъ всякихъ накладовъ и взятковъ. А кто зъ нихъ виннимъ покажется, атаману-жъ съ козака, а старшинѣ и войту съ мужика падлежащую чинить росправу: чего же разсудить не могутъ по селамъ, то отсилать въ судъ сотенній или кто где вѣдомъ, а самовольства и грабительства безправно отнюдь бы нѣхто нѣ надъ кимъ нѣгде чинити не важился, подъ правними неопустними винами, въ Статутѣ, въ розд. 3,

арт. 37 вираженими. А когда бы тамъ, где кто вѣдомъ, не дана была жалобливому управа, найпаче когда державца якій зъ подданного своего козаку, или хочай посполитому человѣку, неподчиненному себѣ справедливость не покажетъ, то жалобливій на полковомъ судѣ съ свѣдительствомъ нижняго суда искать оной справедливости долженъ, и судъ полковій тое дѣло имѣетъ рѣшить безъ волокиты, кромѣ всякого лицезрѣнія, по первомъ и пятнадцатомъ рѣшителномъ пунктамъ и подлежащимъ правамъ.

14.

Сотенніе и городовіе, где майстрату нѣтъ, урядники, а где майстратъ есть, видавать імѣютъ майстратовіе требуючимъ людямъ купчіе записи въ продажи грунтовъ знатнихъ великой суммы, такожъ протесты и духовніе записи сочинять и видавать, по правамъ, безъ взятковъ, противнихъ праву, а въ продажи грунтовъ самой меньшой сумми мощно чинить и видавать и по селамъ купчіе записи и духовницы, и тіе купчіе и духовници, такъ городовіе, какъ и селскіе, писать съ обстоятелнимъ грунтовъ ограниченіемъ, съ свѣдительствомъ помежниковъ продаемому грунту; такожъ протести или атестаціи, которіе въ сотеннихъ или городовихъ урядахъ будутъ отправлятся, видани были-бъ за подписомъ рукъ тоей сотенной и городовой старшини, а по селахъ за руками парохіальныхъ священниковъ, дьячковъ, атамановъ, войтовъ и другихъ вѣри годныхъ людей, а барзѣй самихъ продавцовъ і тѣхъ, которіе добра свои духовною распоражатимутъ (толко-бъ слушне и непротивно праву оніе раепоряжени были), и всѣ помянутіе персони на такихъ запискахъ подписовались бы по вышеозначенному сами, а хто писать не умѣетъ, во мѣсто себе упрошовали-бъ о подпись умѣючихъ писать, а крестами не подписовался. Голословно же, безъ купчихъ писемъ, отъ сего времени жаднихъ грунтовъ нѣгде не продавать, ни покуповать, понеже черезъ такіе голословніи купчіи и продажи не маліе у народѣ устаютъ тяжбы и въ судахъ дѣется трудность въ томъ, что кгрунта отколко десять лѣтъ проданніе по писменной купчой, а дѣти и сродственники про-

давцовъ, вминяючи оніе заставленніе, усиловуются откупать і тѣмъ какъ позванную сторону прыводятъ до убытку, такъ и судъ напрасно затрудняютъ. Только въ дачи купчихъ записовъ помянутіе урядники должны опасно смотрѣть: 1) чтобъ пенних и спорних грунтовъ едни другимъ не продавали, 2) чтобъ какъ въ селахъ за державцами імѣющихся, такъ въ городахъ и вездѣ всякіе мирскіе люде духовнимъ особамъ, по 18 рѣшительному пункту, а особливо козаки мужикамъ угодій и ни якихъ грунтовъ отнюдь не продавали, ибо черезъ таковіе продажи, за сходомъ по продажи козаковъ, войсковая служба умаляется, а мужики въ селахъ державскихъ ни козакамъ, чтобъ и посполитая не умалялась служба, ни другъ другу, безъ вѣдома державци своего, не імѣютъ продавать, да и у отходящихъ и отшедшихъ зъ селъ козаковъ и мужиковъ, которіе обыкли тайно продавать свои грунта, таковыхъ грунтовъ отнюдь никому не покупать подъ потераніемъ денегъ, за тѣ грунта данних, и жестокимъ наказаніемъ, чтобъ за такою непокупкою могли тіе отшелцы паки на свои оніе возвратитися грунта. Въ Глуховѣ, іюля 13-го, 1730 году.

На подлинномъ подписался:

Ея императорскаго величества войска запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ рукою властною.

Сообщ. **А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій.**

Библіографія.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по екатеринославской губерніи. Томъ II. Бахмутскій уѣздъ. Екатеринославъ. 1886 г.

Что лучшіе люди земства сознаютъ важность основательнаго изученія экономическаго и сельско-хозяйственнаго положенія крестьянъ, доказываютъ многочисленные, но, къ сожалѣнію, малоизвѣстные земскіе сборники, матеріалы, труды. Кто, напримѣръ, знаетъ, что бессарабское земство издало 95 томовъ сборника свѣдѣній о сельско-хозяйственномъ и экономическомъ положеніи бессарабскаго края, что подобнаго рода изданія сдѣлали многія другія земства, херсонское, черниговское, екатеринославское? Теперь передъ нами лежитъ толстая претолстая книга, съ вышеприведеннымъ заглавіемъ, изданная статистическимъ отдѣленіемъ екатеринославской губернской земской управы. Первый томъ, заключающій въ себѣ описаніе ростовскаго уѣзда, вышелъ немного ранѣе. Теперь дошла очередь до бахмутскаго уѣзда. Въ сборникѣ собраны свѣдѣнія о населеніи уѣзда, формахъ и условіяхъ землевладѣнія, земледѣліи, скотоводствѣ, арендѣ, промыслахъ, семейныхъ раздѣлахъ, грамотности, денежныхъ платежахъ и доходахъ. Нѣкоторые отдѣлы изложены подробно, другіе кратко, и однимъ изъ найболѣе слабыхъ представляется отдѣлъ грамотности. Правда, и тутъ много цыфръ, но за цыфрами не видно живого народнаго тѣла.

Оставляя въ сторонѣ $^9/_{10}$ содержанія сборника, мы остановимся только на одной, небольшой третьей главѣ перваго отдѣла общихъ свѣдѣній объ уѣздѣ, заключающей въ себѣ «историческій очеркъ заселенія бахмутскаго уѣзда» (стран. 19—52).

Очеркъ этотъ составленъ 1) на основаніи печатныхъ источниковъ и пособій, статистическихъ и историческихъ статей А. Скальковскаго

В. Павловича, И. Бѣляева, В. Семевскаго и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, 2) рукописныхъ, именно списка инструкціи императрицы Елисаветы Бибикову о заселеніи Славяносербіи и списка ландкарты Славяносербіи 1754—1756 гг. и 3) устныхъ разсказовъ старожиловъ, собранныхъ статистическимъ отдѣленіемъ на мѣстахъ.

Въ началѣ «Очерка» говорится объ историческихъ судьбахъ края до XVI в. и заселеніи уѣзда въ періодъ времени съ начала XVI до половины XVIII в., а затѣмъ слѣдуютъ обзоры колонизаціи народной, иностранной, казенно-слободской, горно-заводской и помѣщичьей. Аборигенами мѣстности, составляющей бахмутскій уѣздъ, являются малороссы, козаки-запорожцы. Преобладающій процентъ засельниковъ въ колонизаціонную эпоху падаетъ также на украинскихъ выходцевъ малороссовъ. Въ составъ остальной части поселенцевъ вошли представители разныхъ племенъ и народностей, главнымъ образомъ великороссы, потомъ валахи, молдаване, сербы, венгерцы, поляки и другіе. Но большинство ихъ еще въ самомъ началѣ, а главнымъ образомъ впослѣдствіи смѣшались съ малороссами и съ теченіемъ времени многіе почти вовсе утратили свои бытовыя и племенныя особенности. Въ настоящее время господствующій, а мѣстами почти исключительный типъ крестьянскаго населенія бахмутскаго уѣзда малорусскій. Правда, въ нѣкоторыхъ мелкихъ и большихъ селеніяхъ и теперь преобладаютъ великороссы, а мѣстами валахско-молдаванское населеніе, но и тутъ господствующій элементъ не удержался во всей своей чистотѣ и цѣлости и постепенно поглощается малорусской народностью (стр. 52).

Количество крестьянскаго населенія уѣзда въ 1858 г. было 127,225 душъ обоего пола, въ 1884 г. 173,006 человѣкъ.

Инструкція императрицы Елисаветы инженеру Бибикову, главные пункты которой впервые напечатаны въ разсматриваемомъ историческомъ «Очеркѣ», касается перваго поселенія сербовъ и молдаванъ въ бахмутскомъ уѣздѣ въ 1753—1755 гг., подъ предводительствомъ Шевича и Прерадовича. Повелѣно было поселить ихъ отъ Бахмута до р. Лугани, причемъ Прерадовичу, какъ пришедшему ранѣе Шевича, дать лучшія земли, начиная отъ Бахмута, а Шевичу менѣе населенныя отъ Лугани. Переселенцамъ дана была земля, незанятые дома, по карабину и парѣ пистолетовъ, и назначено жалованье за военную службу. Правительство было озабочено, «дабы сей новоприходящій народъ въ имперію не только не огорченъ и не отгоняемъ былъ въ другую сторону, но по возможности оному показуемымъ благоволеніемъ и выгодами къ подданству и вѣрности могъ бы пріохоченъ быть». Австрійскіе выходцы заняли сѣверо-восточную часть бахмутскаго и западную славяносерб-

скаго уѣздовъ. Болѣзни, происшедшія отъ перемѣны климата и воды и отъ недостатка или тѣсноты квартиръ, уничтожили значительную часть новоприбывшихъ. Въ добавокъ, татары въ 1768 г. сильно опустошили бахмутскую провинцію.

Весьма любопытными представляются воспоминанія стариковъ о прошлыхъ крѣпостныхъ временахъ и въ частности о помѣщичьей колонизаціи края. Въ этихъ воспоминаніяхъ, какъ было въ самой жизни, есть и жестокіе, и добрые помѣщики. Общій смыслъ воспоминаній тотъ, что до раздачи земель помѣщикамъ мужики жили привольно и свободно. Такъ въ с. Бѣлогоровкѣ сохранилось преданіе, что первымъ паномъ былъ Ларинъ и что крестьяне, привыкшіе относиться къ пану, какъ къ равному, долго не подчинялись ему. Для того, чтобы заставить крестьянъ работать на барщинѣ болѣе одного дня, помѣщикъ объявлялъ имъ небывалые царскіе указы, предписывавшіе, напримѣръ, спѣшить съ уборкою господскаго хлѣба. Впослѣдствіи крестьяне стали работать 3 дня, а въ концѣ тридцатыхъ годовъ были переведены на полную барщину. Крестьяне с. Бѣлокузьминовки сохранили воспоминаніе о первомъ владѣльцѣ села, офицерѣ морской службы, Кузьмѣ Котельниковѣ, какъ о человѣкѣ добромъ и заботливомъ о крестьянахъ, во время котораго въ хозяйствѣ многихъ крестьянъ было до 10 паръ воловъ, 150 овецъ, 8—10 коровъ, 150 колодокъ пчелъ. Крестьяне работали на помѣщика три дня, а при наслѣдникахъ Кузьмы Котельникова перешли на полную барщину и обѣднѣли. Память народная до сихъ поръ сохранила мельчайшія подробности добрыхъ отношеній Котельникова—простоты обращенія и заботливости о крестьянскомъ благосостояніи.

Вообще, историческій очеркъ заселенія бахмутскаго уѣзда составленъ хорошо и представляется вполнѣ умѣстнымъ въ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о бахмутскомъ уѣздѣ. Желательно, чтобы статистическія описанія уѣздовъ всегда сопровождались подобнаго рода историческими очерками и чтобы очерки эти издавались также отдѣльно, въ видѣ оттисковъ или брошюръ. Въ такомъ видѣ они нашли-бы болѣе читателей.

Н. С.

Кустарные промыслы курской губерніи, сост. Н. А. Добротворскимъ. Курскъ. 1886 г.

Въ послѣдніе два, три года правительство и земство обратили серіозное вниманіе на кустарные промыслы, подавляемые, въ ущербъ народному благосостоянію, крупнымъ заводскимъ и фабричнымъ произ-

водствомъ. Однимъ изъ наиболѣе плодотворныхъ стремленій земствъ въ настоящее время является стремленіе уяснить современное состояніе мелкой кустарной промышленности, поддержать ее матеріально и внести въ нее техническія улучшенія. Въ послѣдніе годы статьи о кустарныхъ промыслахъ появились во всѣхъ журналахъ и газетахъ и земствами издано нѣсколько спеціальныхъ монографій по этому предмету. Къ сожалѣнію работы по этой части не получаютъ достаточной извѣстности въ образованной части общества, не смотря на важное ихъ значеніе, экономическое и даже историческое. Въ лучшихъ изслѣдованіяхъ о кустарной промышленности часто попадаются весьма любопытные факты для исторіи мѣстной краевой промышленности.

Такого рода черты, между прочимъ, находятся въ изслѣдованіи Н. А. Добротворскаго о кустарныхъ промыслахъ курской губерніи, изданномъ курскимъ губернскимъ земскимъ статистическимъ бюро, на основаніи матеріала, добытаго во время статистическаго описанія губерніи въ 1884 и 1885 гг. Въ изслѣдованіи г. Добротворскаго находится обзоръ статистическихъ и экономическихъ данныхъ о производствѣ кожевенномъ, сапожномъ, каменотесномъ, овчинномъ, различныхъ подѣлкахъ изъ дерева и другихъ мѣстныхъ производствахъ. Трудъ г. Добротворскаго обладаетъ многими цѣнными достоинствами, какъ-то обиліемъ фактическихъ данныхъ, яснымъ и простымъ изложеніемъ и точной формулировкой того, что нужно сдѣлать для улучшенія того или другаго производства и для поднятія благосостоянія кустарей.

Для «Кіевской Старины», какъ спеціальнаго историческаго и притомъ областнаго историческиго журнала, представляютъ интересъ лишь тѣ историческія черты, которыя относятся къ кустарнымъ промысламъ малороссовъ суджанскаго и грайворонскаго уѣздовъ курской губерніи, именно двумъ промысламъ, кожевенно-сапожному и иконописному.

Районъ кожевенно-сапожнаго производства тянется по всей южной окраинѣ курской губерніи и переходитъ на востокѣ въ воронежскую, на югѣ и западѣ въ сѣверную часть харьковской губерніи. До развитія въ этомъ районѣ кожевенно-сапожнаго пройзводства, т. е. до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія главнѣйшими занятіями здѣшнихъ крестьянъ были винокуреніе и бондарство. Винокуреніе было совершенно свободно отъ регламентаціи со стороны закона. Крестьянинъ оставшійся отъ годоваго употребленія излишекъ хлѣба перегонялъ въ водку и въ такомъ видѣ продуктъ достигалъ рынка. Винокуреніе было промысломъ весьма выгоднымъ и имъ занималась большая часть здѣшнихъ крестьянъ. Сильнымъ развитіемъ винокуренія вызвано было процвѣтаніе бондар-

ства. «Время вольнаго винокуренія, говоритъ г. Добротворскій, было золотымъ вѣкомъ для Борисовки, Мирополья, Ольшанки и другихъ слободъ южныхъ уѣздовъ, вошедшихъ нынѣ въ составъ курской губерніи. Здѣшніе крестьяне до сихъ поръ не забыли его и, вынимая изъ скрынь по праздничнымъ днямъ для своихъ скромныхъ пирушекъ старинные серебряные и золотые стаканы и чарочки, вспоминаютъ о томъ, какъ хорошо жилось во время оно ихъ дѣдамъ, пользовавшимся правомъ безпошлинно курить горилку» (стр. 56). Когда право свободнаго винокуренія было потеряно, т. е. съ 1772 года, винокуры и бондари должны были бросить свои занятія. Они начали приставать къ сапожникамъ и учиться у нихъ кожевенному и сапожному производствамъ. Благодаря обилію сыраго матеріала и большему спросу на сапожныя издѣлія на всѣхъ рынкахъ Украины, кожевенно-сапожное производство начало быстро развиваться. Высшаго разцвѣта это производство достигло въ 50 и 60-хъ годахъ, когда украинскія ярмарки были завалены сапогами здѣшняго издѣлія. Затѣмъ послѣдовалъ быстрый упадокъ кожевенно-сапожнаго производства, вслѣдствіе малоземелія, увеличенія податей и въ особенности вслѣдствіе проведенія Курско-Харьковской и Курско-Кіевской желѣзныхъ дорогъ. Вмѣстѣ съ разными ситцами, сукнами, кушаками и другими издѣліями московскихъ и владимірскихъ мануфактуръ, желѣзныя дороги внесли въ степныя окраинныя губерніи и кимрскій и московскій сапоги, которые, по своей добротности и дешевизнѣ сразу заняли видное мѣсто на всѣхъ южныхъ рынкахъ и сдѣлались опасными конкуррентами курскаго сапога, почему и цѣна на послѣдній значительно понизилась.

Иконное производство свило себѣ гнѣздо въ сл. Борисовкѣ, грайворонскаго уѣзда. Изготовляемыя здѣсь иконы развозятся по всей южной Россіи и достигаютъ даже Болгаріи и Сербіи. Извѣстный въ исторіи церковной живописи Боровиковскій учился живописи въ сл. Борисовкѣ. Квитка-Основьяненко въ одной своей повѣсти замѣтилъ, что здѣсь, въ Борисовкѣ «наилучши богомазы, иконописцы и усяки маляри» (107). Возникновеніе борисовскаго иконнаго производства связываютъ съ возникновеніемъ Борисовскаго женскаго монастыря, основаннаго въ 1714 г. знаменитымъ сподвижникомъ Петра I Борисомъ Петр. Шереметевымъ. Шереметевъ прислалъ изъ Петербурга мастера живописца Игнатьева для исполненія иконописныхъ работъ въ монастырскихъ храмахъ и для обученія борисовскихъ жителей иконописному мастерству.

Въ исторіи развитія кожевенно-сапожнаго и иконописнаго производствъ въ южной части курской губерніи среди малороссовъ, по мнѣнію г. Добротворскаго, важное значеніе имѣли присланъ-

ные сюда помѣщиками изъ велико-русскихъ губерній ремесленники. Весьма возможно, что приходившіе изъ Великороссіи ремесленники вносили въ среду малороссіянъ кое-какія ремесленныя свѣдѣнія; но во всякомъ случаѣ малороссіяне имѣли въ этомъ отношеніи также знающихъ людей. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора, что великорусскіе ремесленники могли научить чему-нибудь полезному «козаковъ, въ большинствѣ случаевъ ничего не знавшихъ до тѣхъ поръ (начала XVIII ст.), кромѣ войны и набѣговъ» (стр. 55). Въ старинной Малороссіи многія отрасли кустарной промышленности находились въ превосходномъ состояніи. Гончарныя издѣлія отличались художественной отдѣлкой. Коцарскій, или ковровый промыселъ занималъ много рукъ. Малорусскихъ садоводовъ вызывали въ Москву, какъ знатоковъ своего дѣла. Иконное и вообще малярное производство также процвѣтало; весьма цѣнные памятники старинной малорусской иконописи находятся въ Музеѣ кіевской духовной академіи, въ церквяхъ Галиціи и Малороссіи и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Павелъ Алеппскій, бывшій въ Малоросіи въ половинѣ XVII ст., чрезвычайно хвалитъ одну икону кисти малорусскаго живописца.

Насколько измѣняется бытъ малороссовъ крестьянъ съ переходомъ ихъ, въ значительномъ количествѣ семей одного и того же села, отъ земледѣлія къ кустарной промышленности, можно отчасти видѣть на крестьянахъ богатаго и промышленнаго села Борисовки, грайворонскаго уѣзда. Населеніе Борисовки состоитъ исключительно изъ малороссовъ; но, по словамъ г. Добротворскаго, здѣсь уже нельзя встрѣтить того сосредоточеннаго и замкнутаго хохла, котораго видимъ обыкновенно въ мелкихъ деревняхъ. Малороссъ здѣсь очень подвиженъ, живъ и расторопенъ. Характеръ его напоминаетъ обыкновеннаго городскаго обывателя ремесленника». За словомъ онъ въ карманъ не полѣзетъ, шапки ни передъ кѣмъ не ломаетъ; на ближайшее начальство, въ родѣ старшины, урядника и даже станового и священника, смотритъ съ усмѣшечкою... Чтобы рѣзче отдѣлиться отъ «чернаго народа», онъ рѣдко употребляетъ свой природный языкъ и старается говорить по русски, «какъ господа говорятъ», и подражаетъ этимъ послѣднимъ во всемъ—въ одеждѣ, въ домашней обстановкѣ etc. Въ домѣ у него всегда чистота и опрятность; на окнахъ дешевыя коленкоровыя занавѣсочки съ кружевами домашняго приготовленія, и нѣсколько горшковъ съ цвѣтами—геранью, фуксіей и т. п., на полу постланъ коврикъ также домашняго приготовленія, на лавкѣ, въ переднемъ углу, подъ «святомъ»—старательно вычищенный самоваръ, а въ столовомъ ящикѣ—цѣлая дюжина чайныхъ чашекъ, такъ какъ живописецъ обязательно пьетъ чай по два раза въ день. Онъ «не дуракъ выпить», не прочь кутнуть въ праздничный день съ пріятелями; но при этомъ онъ не пойдетъ въ кабакъ вмѣстѣ

съ «сѣрымъ народомъ», а выпьетъ дома, тихо, скромно, или въ крайнемъ случаѣ зайдетъ въ трактиръ, но никогда не напьется до самозабвенія, не дойдетъ до мордобитія, стеклобитія и т. п. безобразій. Одѣвается онъ въ пиджакъ, пальто, брюки и смазные сапоги. Пѣсни поются здѣсь городскія: «Подъ вечеръ осенью ненастной», «Тамъ гдѣ море» и т. п.; знаютъ даже «Стрѣлочку» и «Ночной зефиръ». Свои народныя малороссійскія пѣсни всѣ забыты. Грамотныхъ среди живописцевъ насчитывается около 50 % общаго количества, нѣкоторые изъ мастеровыхъ читаютъ даже книжки и газеты, доставая ихъ въ училищной библіотекѣ и у духовныхъ» (стр. 125).

Слабыя стороны подобнаго рода быта обусловлены не столько внѣшними культурными вліяніями, сколько односторонностью въ ихъ воспріятіи.

Н. С.

Крачунъ-Корочунъ, Шухардта (Archiv für slavische Philologie. 1886 г. T. XI 3. 527).

Крачуномъ въ Галиціи называется рождественскій праздникъ и относящійся къ нему огромный бѣлый хлѣбъ. Крачунъ приготовляютъ наканунѣ праздника съ большою торжественностью и обрядностью. На столъ ставятъ разныя кушанья и среди нихъ хлѣбъ крачунъ. Ѣдятъ его, съ появленіемъ звѣзды, хозяева и рабочіе вмѣстѣ за однимъ столомъ, а по окончаніи ужина хозяинъ дѣлаетъ въ окно пистолетный выстрѣлъ (Терещ., Бытъ рус. нар., VII., 20). Значеніе слова «крачунъ» темно. Гуго Шухардтъ въ послѣдней книжкѣ «Архива слав. филологіи» предложилъ по этому поводу небольшую замѣтку. Шухардтъ указываетъ на то, что слово «крачунъ» неизвѣстно лужичанамъ, полякамъ славинцамъ и хорватамъ, и вообще его употребленіе въ славянствѣ настолько ограничено, что нельзя считать его славянскимъ словомъ по происхожденію. Слова «крачунъ» и «карачунъ» встрѣчаются у великоруссовъ, малороссовъ, словаковъ и сербовъ. Шухардтъ предполагаетъ, что эти народы заимствовали слово «крачунъ» у румынъ. Румынское crâciun – Рождество Христово, съ краткимъ *a*. Ближе всего къ этому слово подходитъ малорусское «керечунъ». Гуцульское «корочунъ» пріобрѣло русскую полногласную форму. Указаніе на румынскій источникъ слова «крачунъ» представляется тѣмъ болѣе любопытнымъ, что восполняетъ еще одной чертой исторію живаго и тѣснаго общенія южноруссовъ съ румынами.

Н. С.

Степъ. Херсонскый беллетристычный сбирныкъ. 1886.

Названіе даннаго сборника «беллетристычнымъ» не вполнѣ точно характеризуетъ его составъ, такъ какъ въ него, кромѣ произведеній изящной литературы: разсказовъ и стихотвореній, вошло и нѣсколько статей научныхъ, а также небольшое собраніе народныхъ свадебныхъ пѣсенъ. Что касается беллетристическаго отдѣла въ собственномъ смыслѣ, то по достоинствамъ внутреннимъ—трезвому реализму, этнографической колоритности и чисто народному юмору, равно и по живому, безъискусственному языку, первое мѣсто въ сборникѣ принадлежитъ разсказу Ив. Левицкаго «Невынна». Подобно тому, какъ въ раннихъ произведеніяхъ его, извѣстныхъ «Бабѣ Палажкѣ» и «Бабѣ Параскѣ»,—и здѣсь разсказъ ведется отъ имени деревенской бабы, откровенно повѣствующей матушкѣ, почему прослыла она «злодійкою» на селѣ; она божится, присягаетъ, готова земли съѣсть, что ни въ чемъ «невинна й невинна»; вся бѣда пошла оттого, что не она, а мужъ ея кралъ; правда, каждый разъ, когда приносилъ онъ поживу—то кукурузы, то проса, то сала,—она, какъ вѣрная подруга, и не смѣя перечить мужу, все «притуляла» къ своему, а когда принесъ пшеницы, то просто скрыла, ибо притулять было не къ чему, а потомъ ухитрилась потихоньку смолоть и испекла паску; правда и то, что идя чрезъ Кушниренковъ дворъ и увидя поросятъ, взяла одного и погладила, хотѣла «погратись», а въ огородѣ сосѣдки Марты забрала яйца, думая, что ихъ снесла ея собственная курица, постоянно летавшая туда; былъ наконецъ еще одинъ случай съ разсказчицей: купила она образъ, понесла святить и посвятивши, по забывчивости не заплатила «шести шагивъ», но за то и покаралъ же ее Богъ невыносимыми мученіями совѣсти, которыя привели ее на исповѣдь къ священнику: «але, кажу, батюшко—разсказывала баба—ей Богу, я невынна».—Разсказъ Данилы Мордовця «Будякъ» представляетъ собою нѣчто въ родѣ «стихотворенія въ прозѣ», на манеръ тургеневскихъ, но не отличается оригинальностью мысли, хотя, при теплотѣ тона, читается не безъ удовольствія. Далѣе, въ сборникѣ находимъ четыре разсказа Дмитрія Марковича «Изъ уголовщины», привлекающихъ къ себѣ горячимъ гуманнымъ чувствомъ автора къ несчастнымъ, выброшеннымъ изъ колеи людямъ, въ которыхъ онъ умѣетъ подмѣтить искру Божію; разсказъ М. Заволоки «Бидна дивчина» съ большой правдой и даже съ извѣстной тонкостью изображаетъ душевное состояніе дѣвушки, народной учительницы, дочери пьянаго чиновника, забитой, запуганной и некрасивой, въ моментъ, когда она рѣшается покончить жизнь самоубійствомъ. Впрочемъ, языкъ

этого разсказа не лишенъ искусственности и потому тяжелъ: такъ, напримѣръ, врядъ ли удобны такія слова «оповидання» г. Марковича: колотнеча, обметыця, пагосы, тыслытця, вона звомпыла, латво (було), хить, перебаранчить, выпадокъ, чавыла (смерть ее) и проч. Три миніатюрныхъ «оповиданья» А. Браунера запечатлѣны живою любовью къ степной природѣ: отъ его разсказовъ «Идилія въ плавняхъ» и «Тырса» вѣетъ ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ и живительнымъ дуновеніемъ рѣки. О разсказѣ Пенчукивця «Тарасенко» нельзя сказать ничего особенно хорошаго, ни особенно дурного... Наконецъ въ разбираемый альманахъ вошла драма недавно выступившаго въ литературѣ талантливаго И. Карпенка, «Бондаривна», создавная на основѣ извѣстной исторической пѣсни, напечатанной въ сборникѣ въ двухъ варіантахъ. Для того, чтобы быть краткими и не повторять сказаннаго другими объ этой драмѣ, по поводу недавно вышедшаго его «Збирника творивъ», ограничимся слѣдующими замѣчаніями. Къ несомнѣннымъ достоинствамъ «Бондаривны», какъ равно и остальныхъ пьесъ г. Карпенка, слѣдуетъ отнести безподобный по своей чистотѣ, образности и музыкальности языкъ и художественный драматизмъ положеній, къ отрицательнымъ же качествамъ—нѣкоторую сантиментальность и недостатокъ въ комическомъ элементѣ, который разнообразилъ бы дѣйствіе и оживлялъ его.—Кромѣ «оповиданъ» и драмы, въ сборникѣ помѣщены стихотворенія П. Тулуба, Днипровой Чайки, А. Конощенка и П. Залознаго; стихотвореніе послѣдняго «Сыротина» лучше другихъ.—Вообще о беллетристическомъ отдѣлѣ можно сказать, что онъ составленъ не дурно, что нѣкоторыя вещи въ немъ положительно хороши, но достоинство его пострадало отъ дробности матеріала, неизбѣжной впрочемъ въ такого рода издаиіяхъ; по прочтеніи беллетристики «Степа» остается впечатлѣніе въ родѣ того, какъ будто цѣлый вечеръ угощали васъ одними бисквитами и не дали ничѣмъ запить ихъ. Еще лишній разъ слѣдуетъ сказать, что краткость и художественность совмѣщаются удачно только подъ перомъ крупныхъ дарованій.

Иное слѣдуетъ сказать о научномъ одѣлѣ «Степа»; въ немъ находимъ также небольшія по объему статьи, но онѣ даютъ почтенный вкладъ по спеціальнымъ вопросамъ этнографіи и статистики. Статья Маріи Ганенка мѣтко очерчиваетъ семейно-имущественныя отношенія крестьянъ елисаветградскаго уѣзда: крестьянскіе раздѣлы, власть родителей и отношеніе къ нимъ младшихъ членовъ семьи, заключеніе брака, „братанье“ (побратимство у великороссовъ), вторичные браки, нарушеніе вѣрности, разводы, незаконныя дѣти, приданое, усыновленіе и опеку. Намъ думается однако, что слѣдовало бы подробнѣе изобразить

вліяніе города на крестьянскую семью, вліяніе о которомъ авторъ сказалъ только нѣсколько словъ въ началѣ статьи. Въ статьѣ К. Шрама передъ читателемъ является украинская деревня—по драмамъ гг. Старицкаго и Кропивницкаго: въ ней выясняется генезисъ извѣстнаго «глитая» («кулака» у великоруссовъ), существенныя черты его соціальной политики, очерчивается положеніе труда въ современной сельской жизни по сравненію съ жизнью крѣпостной, причемъ выводы получаются авторомъ глубоко безотрадные для современности; въ заключеніе говорится о нравственномъ, въ положительномъ смыслѣ, значеніи вечерницъ. Въ концѣ помѣщена статья А. Русова, посвященная вопросу о роли и значеніи земской статистики.

Изданъ сборникъ чистенько и цѣна ему не высокая Можно надѣяться и во всякомъ случаѣ слѣдуетъ желать, чтобы онъ привлекъ къ себѣ вниманіе читающей публики.

В. Я.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

Картина В. Е. Маковскаго „Мать и Дочь".

Имя Владиміра Егоровича Маковскаго давно уже извѣстно, какъ имя одного изъ лучшихъ современныхъ художниковъ. Родился онъ въ Москвѣ въ 1846 г., образованіе получилъ въ московскомъ училищѣ живописи и ваянія, въ 1873 г. удостоенъ званія академика. Картины В. Е. Маковскаго извѣстны публикѣ по передвижнымъ выставкамъ, гдѣ онѣ всегда привлекаютъ вниманіе зрителей, по разнообразію сюжетовъ и въ особенности по бытовой ихъ правдивости.

Въ послѣдніе два года въ художественной дѣятельности В. Е. Маковскаго обнаружилась перемѣна относительно избираемыхъ художникомъ сюжетовъ. На первыхъ двѣнадцати передвижныхъ выставкахъ мы видѣли картины общаго буржуазнаго содержанія, преимущественно съ сюжетами изъ городскаго чиновничьяго и купеческаго быта. На XIII передвижной выставкѣ изъ 17 картинъ, принадлежащихъ кисти Маковскаго, шесть малорусскаго содержанія, и лучшія картины были изъ числа этихъ шести, въ особенности крупныхъ размѣровъ картина «Шинокъ». На XIV выставкѣ изъ десяти картинъ В. Е. Маковскаго лучшею по идеѣ и содержанію была также съ малорусскимъ сюжетомъ картина «Мать и дочь». О ней-то мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Написана эта картина на слова малорусской пѣсни:

Ище солнце не зходило,
Щось до мене та приходило;
Приходила моя матинка,
Приходила моя ридная,
Порадонька моя вирная.

Не нужно быть спеціалистомъ художникомъ, чтобы при внимательномъ разсматриваніи этой картины не замѣтить погрѣшностей въ технической отдѣлкѣ передней ея части. Зеленое поле набросано слишкомъ поспѣшно, небрежными мазками и потому представляется монотоннымъ и грязноватымъ. Нѣкоторое недоразумѣніе вызываетъ также головной покровъ старухи крестьянки, нѣчто широкое, съ длинными концами, въ родѣ западно-русской коруны. Коруна—головной уборъ замужнихъ женщинъ у малороссіянъ сѣдлецкой губерніи; это бѣлая, тюлевая, иногда изъ тонкаго полотна лента, нагофренная и пришитая къ болѣе широкой полотняной лентѣ, которая называется «биндаль». Коруны окаймляютъ верхнюю часть лица и придерживаются платкомъ, иногда пришиваются къ чепчику [1]). Народное употребленіе этого головнаго убора ограничивается извѣстной мѣстностью, и въ восточной Малороссіи ничего подобнаго корунѣ не встрѣчается. Исключительная особенность головнаго убора старухи даетъ вниманію зрителя одностороннее направленіе и отвлекаетъ его на мелочь въ ущербъ общему содержанію картины. А между тѣмъ это общее содержаніе картины заслуживаетъ полнаго вниманія.

Вложенная художникомъ въ картину народная идея о благотворномъ значеніи матери въ семьѣ такъ глубока и поэтическая сторона картины такъ увлекательна, что зритель забываетъ мелкіе техническіе недостатки картины и любуется ею, какъ прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ, затрогивающимъ тонкія струны человѣческаго сердца. Содержаніе просто: раннее утро; заря чистая, яркая, но солнце еще не взошло; вдали разстилается малорусское село и едва видны его крайнія хатки. Миръ и тишива. Небо ясное, чистое, обѣщающее хорошій, жаркій лѣтній день. За «цариной», въ полѣ, лицемъ къ зрителю, стоитъ молодая женщина, грустная и печальная. Она внимательно слушаетъ, что ей говоритъ старушка, ея мать, а послѣдняя говоритъ что-то важное, съ выраженіемъ доброты и заботливости, съ выраженіемъ ласки и многолѣт-

[1]) *Янчукъ*. Малорусская свадьба, стр. 110.

ней житейской опытности. Это дѣйствительно «порадонька вирная», мать любящая, заботливая, откуда-то пришедшая навѣстить свою злополучную дочь, пришедшая на разсвѣтѣ, чтобы никто ее не увидѣлъ и не передалъ объ ея приходѣ злой свекрови или мужу молодой женщины.

Всматриваясь въ картину, мы догадываемся, въ чемъ состоитъ горе молодой женщины, и къ намъ съ полотна сходятъ слова утѣшенія, сказанныя ея вѣрной «порадонькой», матерью. Молодая женщина, можно навѣрно сказать, бѣдная жена, притѣсняемая пьяницей мужемъ, можетъ быть, въ добавокъ злой свекровью. И не спроста она такъ рано вышла за околицу села. Нужно думать, молодая женщина въ данномъ случаѣ одна изъ тѣхъ жертвъ семейнаго нестроенія, которыя яркими чертами обрисовали «свою нудьгу, свои печали» въ народныхъ пьяницкихъ пѣсняхъ.

Винъ въ двери—я утикаю,
Викномъ, дверима утикаю;
У садочку ночлигъ маю,
До мисяца розмовляю (Чубин. т. V, стр. 1092).

Всматриваясь въ заботливое и добродушное выраженіе лица старухи, сколько можно разсмотрѣть его въ профиль, принимая во вниманіе вообще весь внѣшній обликъ старухи матери и ея дочери, нельзя допустить, чтобы она выдала замужъ свою дочь противъ ея воли. Въ печальномъ и сосредоточенномъ выраженіи лица молодой женщины сквозитъ другая мысль, на слова народной пѣсни:

Нихто не виненъ, тилько я,
Щомъ полюбила гультяя....
Не виненъ отецъ и мати,
Не силовали мене отдати (Чубин. т. V, стр. 217).

Въ малорусской народной поэзіи находится множество указаній на мать, какъ «порадоньку вирную». Въ думѣ про Коновченка мать совѣтуетъ ему не выскакивать впереди войска и не бросаться въ битву первымъ. Въ думѣ про вдову и ея трехъ сыновей кара Божія постигаетъ крестьянскія семьи, не признавшія въ лицѣ матери «вирной порадоньки». Въ колядкахъ, свадебныхъ и семейно-родственныхъ пѣсняхъ мать, какъ «порадонька вирная», даетъ сыну благожелательные, исполненные глубокаго жизненнаго

опыта совѣты о выборѣ дѣвушки-невѣсты, чтобы онъ бралъ убогую и трудолюбивую, потому что не въ богатствѣ и знатности рода счастье, а въ трудолюбіи и смиреніи сердца.

Мать, какъ вѣрная порадонька, тэма въ высшей степени благодарная для художественнаго творчества, и В. Е. Маковскій удачно ею воспользовался. Старуха-мать производитъ на зрителя пріятное и успокаивающее впечатлѣніе, какъ олицетворенное выраженіе житейской опытности, сердечности и добродушія. Сморщенное лицо старушки показываетъ, что много лѣтъ ею прожито, многое прочувствовано и пережито, и при всемъ томъ она сохранила любящее, отзывчивое сердце, и теперь спокойно, мягко успокаиваетъ и утѣшаетъ свою, очевидно, горемычную дочь.

Въ картинѣ В. Е. Маковскаго заслуживаетъ еще вниманія контрастъ между радостной природой и печальнымъ человѣкомъ. Раннее утро такъ свѣжо, заря такъ чиста; село еще дремлетъ и ничто не нарушаетъ торжественной тишины ранняго лѣтняго утра, и среди этого мира и тишины выдаются вставшія чуть свѣтъ и выгнанныя за околицу села тайнымъ домашнимъ горемъ любящая старуха мать и обездоленная, горемычная ея дочь. Природа равнодушна къ страданіямъ и горю человѣка. Это давно почувствовалъ и сознадъ человѣкъ и сталъ искать нравственной опоры въ духовныхъ силахъ своихъ и всего человѣчества, въ религіи, въ искусствѣ, въ поэзіи, въ семейно-родственныхъ связяхъ. Творецъ великими сокровищами украсилъ внѣшній міръ; но еще большія сокровища вложилъ въ человѣческую душу и далъ ей способность раскрывать эти сокровища въ мірѣ поэзіи и искусства, въ дѣлахъ любви и милосердія.

Блаженъ, кто въ себѣ дальновидно скопилъ
Въ часы одиночества, мысля сурово,
Избытокъ душевныхъ и умственныхъ силъ
Для жизни духовной средь шума мірскаго (Сырокомля).

Такого рода избытокъ душевныхъ и умственныхъ силъ обнаружилъ художникъ въ картинѣ «Мать и дочь», равно какъ въ цѣломъ рядѣ другихъ картинъ, и, какъ всегда бываетъ въ сферѣ умственныхъ интересовъ и отношеній, этотъ избытокъ личныхъ духовныхъ силъ поднимаетъ средній уровень духовныхъ силъ общества,

поднимаетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что укрѣпляетъ въ обществѣ чувство гуманности и пробуждаетъ въ немъ новые интересы народности.

Въ частности, нельзя не порадоваться появленію картины «Мать и дочь», какъ первому довольно удачному опыту художественнаго воспроизведенія малорусскихъ народно-поэтическихъ мотивовъ. Это непочатый уголъ для художественнаго вдохновенія и творчества. Не даромъ-же такой безпристрастный судья, какъ И. В. Ягичъ въ статьѣ о Дунаѣ (Archiv, 1876, т. I) называетъ малорусскую поэзію самой богатой и задушевной славянской поэзіей, а другой писатель, нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ гораздо ранѣе г. Ягича, въ 1845 г., замѣтилъ, что въ Малороссіи «дерево народной поэзіи принесло величественные плоды».

Н. С.

Къ біографіи Г. Н. Теплова.

Личность Г. Н. Теплова, этого особаго и особымъ образомъ воспитаннаго совѣтника при гетманской особѣ, автора извѣстной записки «О не порядкахъ въ Малороссіи», играетъ столь не ясную и вмѣстѣ столь важную роль въ исторіи послѣднихъ дней ея, что всякая новая архивная справка о немъ будетъ не лишнею для его біографіи.

Такою справкою тѣмъ болѣе можетъ быть найденная нами въ архивѣ департамента герольдіи его записка о своей службѣ. Вотъ подлинный ея текстъ.

«По оказаніи успѣховъ въ наукахъ, которыхъ обучался въ Санктпетербургскихъ училищахъ, въ 1736 году по именному покойной императрицы Анны Іоановны указу опредѣленъ въ академію наукъ коллежскимъ переводчикомъ.

Въ 1743 году по именному-жъ указу покойной императрицы Елисаветы Петровны, будучи при томъ адъюнктомъ въ исторіи натуральной, посланъ былъ въ университеты нѣмецкіе для продолженія наукъ и усмотрѣнія университетскихъ въ чужихъ краяхъ порядковъ. Въ 1745 г., именнымъ же ея величества императрицы Елисаветы Петровны указомъ пожалованъ ассесоромъ коллежскимъ и присутствовалъ въ канцеляріи академіи наукъ, будучи при томъ членомъ той же академіи.

Въ 1750 г. именнымъ ея величества указомъ пожалованъ колежскимъ совѣтникомъ и былъ у отправленія по ея же указу гетманскихъ малороссійскихъ дѣлъ.

Въ 1758 г. пожалованъ отъ ея величества, покойной императрицы, статскимъ совѣтникомъ, а въ 1762 году бывшимъ императоромъ, при вступленіи его на престоль, пожалованъ голстинскаго двора камергеромъ, а послѣ статскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ.

Въ томъ же 1762 году, при благополучномъ вступленіи на престолъ ея императорскаго величества, нынѣ царствующей государини императрицы, находился при дѣлахъ, отъ ея собственныхъ повелѣній зависящихъ, а потомъ въ 1763 году особливымъ ея величества именнымъ указомъ, объявленнымъ въ сенатѣ, опредѣленъ точно для отправленія собственныхъ ея величества дѣлъ и къ принятію челобитень, подаваемыхъ ея величеству въ собственныя руки.

Въ 1765 г. сентября 22 пожалованъ орденомъ святыя Анны, а въ нынѣшнемъ 1767 г. сентября 22 дня пожалованъ въ тайные совѣтники».

(Собственноручно:) Григорей Тепловъ.

Декабря 26 дня
1767 г.

Записку эту Тепловъ представилъ въ Герольдію на предметъ изготовленія для него диплома на дворянство и герба. Начало записки весьма неопредѣленно и неточно. Выставленный 1736 годъ какъ будто бы указываетъ на время опредѣленія Теплова въ академію наукъ переводчикомъ; въ дѣйствительности же опредѣленіе это состоялось въ 1740 году и не по именному высочайшему указу, а по резолюціи кабинетъ-министровъ. Это видно изъ имѣющагося при дѣлѣ герольдіи слѣдующаго донесенія академіи наукъ въ кабинетъ ея императорскаго величества, отъ сентября 1740 года:

«Прошедшаго августа 18 дня сего 1740 года, поданнымъ доношеніемъ въ академію наукъ просилъ семинаріи покойнаго Феофана, архіепископа новгородскаго, ученикъ Григорій Тепловъ о опредѣленіи его при академіи наукъ, къ чему годенъ явится, и дабы при томъ случаѣ имѣть могъ въ наукахъ вящее искусство себѣ получить. И хотя по освидѣтельствованію его, Теплова, какъ въ языкѣ латинскомъ, такъ и въ разныхъ наукахъ, уже имѣющаго добраго искусства, онъ при академіи наукъ не безъ пользы быть имѣетъ,

однакоже академія безъ указу ея императорского величества онаго опредѣлить не можетъ, и для того чрезъ сіе о милостивой на то резолюціи всеподданнѣйше проситъ. А по мнѣнію академіи наукъ, помянутый Тепловъ опредѣленъ быть можетъ на мѣсто умершаго переводчика Ильинскаго въ переводчики жъ, съ опредѣленіемъ жалованья по 180 рублевъ въ годъ, для переводу книгъ изъ латинскаго на россійскій языкъ; а со временемъ, по уповательному его, Теплова, къ наукамъ ревностному прилежанію, онъ въ ея императорскаго величества службѣ, куда заблагоразсуждено будетъ, себя вящше способнымъ учинить можетъ».

Донесеніе подписали: Бревернъ, Гольдбахъ и Шумахеръ.

Тепловъ опредѣленъ былъ въ академію слѣдующею резолюціею кабинетъ министровъ (Андрея Остермана, князя Алексѣя Черкасскаго и Алексѣя Бестужева-Рюмина), отъ 3 октября 1740 года:

«По сему доношенію вышеозначеннаго ученика Григорья Теплова, когда онъ въ той академіи быть потребенъ, то его на мѣсто помянутаго умершаго переводчика Ильинскаго съ жалованіемъ по 180 рублей опредѣлить».

Относительно отправленія Теплова за границу въ томъ же дѣлѣ герольдіи находится слѣдующій указъ сената академіи наукъ, отъ 7 марта 1743 года:

«Сего марта 4 дня, ея императорское величество, именнымъ, за подписаніемъ собственныя ея императорскаго величества руки, указомъ всемилостивѣйше указать соизволила: академіи наукъ адъюнкта Григорья Теплова, по прошенію его, для дальнѣйшаго и совершеннаго обученія и усмотрѣнья въ чужестранныхъ академіяхъ установленныхъ найлучшихъ порядковъ и учрежденій, отправить въ чужестранныя академіи, а имянно въ виртембергское княжество въ городъ Тубингъ, а оттуда въ Парижъ, и для того опредѣлить ему жалованья по 600 рублей на годъ, которое на нынѣшній годъ, и сверхъ того на дорожный проѣздъ 400 руб., выдать ему изъ штатсъ-конторы; а впредь, какъ онъ тамо прибудетъ, получать ему оное жалованье отъ пребывающаго при дворѣ французскомъ россійскаго министра».

Въ ассесоры академической канцеляріи Тепловъ былъ пожалованъ не въ 1745 году, какъ сказано въ его запискѣ, а въ 1746 году, іюля 1 дня.

Въ коллежскіе совѣтники пожалованъ не въ 1750 году, а 1 марта 1751 года, именнымъ указомъ сенату слѣдующаго содержанія:

«Пожаловали мы академіи нашей ассесора Григорья Теплова за его прилежаніе и труды въ положенныхъ на него дѣлахъ въ коллежскіе совѣтники. А понеже просилъ насъ гетманъ, дабы ему дать для правленія домашнихъ его гетманскихъ дѣлъ онаго Теплова, того ради всемилостивѣйше повелѣли Мы помянутому совѣтнику Теплову быть при гетманѣ въ Малороссіи всегда въ такомъ званіи, въ какомъ гетманъ заблагоусмотритъ по его чину, и получать свое удовольствіе отъ него гетмана».

Александръ Барсуковъ.

Рѣчь

малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Н. Гр. Репнина къ дворянству черниговской и полтавской губерній.

Послѣдній малороссійскій генералъ-губернаторъ, князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, былъ высоко гуманнымъ и благонамѣреннымъ администраторомъ. Онъ искренно любилъ ввѣренный ему край, заботился о благосостояніи всего ея населенія, охранялъ интересы крѣпостнаго люда и энергично отстаивалъ уцѣлѣвшія еще права козаковъ, чѣмъ навлекъ даже на себя подозрѣніе въ сепаратизмѣ, не согласное вовсе ня съ его возвышенными стремленіями, ни съ духомъ и обстоятельствами того времени.

Указанныя черты дѣятельности Н. Гр. Репнина сквозятъ и въ помѣщаемой здѣсь его рѣчи, не смотря на ея оффиціальный, по тому времени напыщенный и искусственный характеръ, и даютъ ей право на мѣсто въ историческомъ изданіи. Рѣчь эту произносилъ онъ, по случаю дворянскихъ выборовъ, дважды, въ Полтавѣ 3-го, въ Черниговѣ 20-го генваря 1818 года. Приводимъ ее по современному печатному экземпляру, уцѣлѣвшему въ фамильномъ архивѣ Лашкевичей.

Чѣмъ стану привѣтствовать васъ, почтенные дворяне, въ торжественный день собранія вашего? Какія слова достойны важности предмета, вамъ предстоящаго? Мои были-бы слабы; но обратимся къ тѣмъ, на коихъ основаны права наши, къ тому залогу любви и милосердія, который далъ намъ всеавгустѣйшій императоръ въ первые дни царствованія своего:

(Здѣсь прочтенъ манифестъ отъ 2 апрѣля 1801 года, возстановляющій права дворянства).

Такъ вѣщалъ царь нашъ, взошедши на престолъ предковъ своихъ. Надежда вселилась въ сердца наши при сей зарѣ благоденствія. И сколь величественно она исполнилась!

Гдѣ грозныя чучи, носившіяся надъ Россіею?—Онѣ изчезли. Гдѣ враги ея?—Всевышній низвергъ ихъ, поборствуя царю, уповающему на него, изшедшему на брань съ крестомъ въ сердцѣ и воззвавшему къ народу съ отеческою любовію.

Россія блаженствуетъ, торжествуетъ, *за не царь ея по сердцу Божію и Господь есть на всѣхъ путехъ его.*

Какихъ великихъ событій были мы, почтенные дворяне, свидѣтелями и соучастниками! Сими знаменитыми родами будутъ гордиться и дальніе потомки наши; но да увидятъ они въ насъ примѣръ не только добродѣтелей воинственныхъ, но и гражданскихъ; пожертвованія наши да не прекратятся со днями опасности; но и во дни покоя почтемъ собственныя выгоды ничтожными въ сравненіи съ благомъ общимъ. Тогда только можемъ быть достойными подданными великаго и кроткаго Александра и сопутствовать ему въ памяти потомства.

Вы, почтенные дворяне, повинуясь гласу царя, не знали преградъ своимъ пожертвованіямъ, не считали вы достояній своихъ, не помышляли о женахъ и дѣтяхъ вашихъ,—себя, все что имѣли, приносили въ жертву очечеству. Всевышній благословилъ усилія ваши, и всемилостивѣйшій государь удѣлилъ вамъ часть славы своея, сказавъ: «дворянство есть вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа».

Вникните въ сіи царскія слова, и да послужатъ онѣ вамъ путеводителемъ въ будущихъ вашихъ дѣяніяхъ.

Право, предоставленное россійскому дворянству избирать изъ среди себя какъ судей, такъ и чиновниковъ, пекущихся о внутреннемъ спокойствіи есть знакъ величайшаго довѣрія правительства къ нашему сословію: оправдаемъ оное, и да неуклонится никто изъ васъ отъ возлагаемой на него обязанности; да не падетъ избраніе ваше на иныхъ, какъ на людей достойныхъ и опытныхъ, и да не возжелаетъ никто мѣста выше силъ своихъ.

Отличительная черта въ русскомъ дворянинѣ есть безпрестанное его служеніе отечеству. Онъ не считаетъ, какъ иноплеменникъ, что сойдя съ поля брани, сложивъ съ себя какое либо званіе гра-

жданское, прекратились его обязанности, что онъ уже заплатилъ дань отечеству; нѣтъ, онъ пребываетъ вѣрнымъ его сыномъ до конца дней своихъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ верховныхъ властей.

Теперь предлежитъ вамъ еще величественное поприще содѣйствовать отцу отечества и въ попеченіи его о устроеніи внутренняго благоденствія. Всякій, исполняющій долгъ свой съ ревностію, жертвующій собственнымъ спокойствіемъ и личными выгодами для пользы общей, можетъ гордиться сею мыслію. И щедрый и справедливый царь нашъ не оставитъ заслуги его въ тунѣ.

Всегда сіи пожертвованія были легки для васъ, благородное малороссійское дворянство! но теперь онѣ будутъ восхитительны при воспоминаніи о тѣхъ торжественныхъ дняхъ, въ кои удостоились мы видѣть всемилостивѣйшаго государя среди насъ. Кто можетъ вспомнить безъ восторга милостивое его снисхожденіе къ каждому, попеченіе о благѣ общемъ, награды, коими онъ удостоилъ сочленовъ вашихъ?

И такъ, ничтожны для васъ будутъ всѣ трудности, предлежащія вамъ въ исполненіи возлагаемыхъ на васъ обязанностей.

Вы, коихъ удостоитъ почтенное дворянство своимъ избраніемъ, вступя въ судилища, оставьте за прагомъ оныхъ всѣ прежнія сношенія ваши. Да будутъ месть и злоба чужды сердецъ вашихъ, но да и не поколеблятъ васъ тоже связи родственныя и дружескія; со страхомъ Божіимъ въ сердцахъ будьте тверды, не бойтесь мощныхъ на земли, а взыщите сирыхъ и убогихъ: *Возлюбите правду судящіи землю: мудрствуйте о Господѣ во благостыни, и въ простотѣ сердца взыщите его.* (Премуд. Солом. гл. I, ст. I).

Но и тѣмъ изъ васъ, почтенные дворяне, кои останутся свободными отъ служенія общественнаго, предстоитъ въ помѣстьяхъ вашихъ служеніе отечеству и подражаніе милосердому царю нашему чрезъ попеченіе о благѣ подвластныхъ вамъ крестьянъ. Вспомните паки слова его: «мы несомнѣнно увѣрены», вѣщаетъ всемилостивѣйшій государь, «что дворянство увеличитъ заботы и попеченіе его о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами, достойныхъ любви его домочадцовъ. Мы увѣрены, что забота наша о благосостояніи помѣщичьихъ крестьянъ предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ими, русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и

нынѣ многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что съ одной стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадѣхъ своихъ, заботою, а съ другой они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства».

Благородное дворянство! сіе воззваніе отца отечества уже на вѣрно глубоко напечатлѣлось въ сердцахъ вашихъ: вамъ не трудно будетъ оное исполнить, да и собственное благосостояніе ваше того требуетъ.

Связь, существующая между помѣщиками и крестьянами, есть тоже отличительная черта рускаго народа: у иноземцовъ часто владѣлецъ помышляетъ только о доходѣ, а нисколько о тѣхъ, которые ему оный доставляютъ. Онъ изгоняетъ наемниковъ своихъ, коль скоро найдетъ предлагающихъ ему болѣе; не умолимъ онъ бываетъ ни воплями семей, ни отчаяніемъ земледѣльцовъ, лишаемыхъ того крова, подъ коимъ родились, отдаляемыхъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ покоится драгоцѣнный прахъ ихъ предковъ. Но сколь и пагубны отъ сего послѣдствія! Пришли враги, и за родину никто не принесъ себя въ жертву. Мѣняли царей, опровергали древніе законы и обычаи, ко всему были равнодушны, и память бы ихъ изчезла въ смертномъ снѣ, въ коемъ они были погружены, ежели бы народъ, вѣрный Богу, вѣрный царю не возбудилъ ихъ. Сіе справедливое изображеніе бывшаго въ глазахъ нашихъ побудитъ васъ не подражать имъ; корыстолюбіе изгнано будетъ изъ сердецъ вашихъ; вы не будете изыскивать все, что можетъ дать вамъ крестьянинъ доходу, а то, что вы можете отъ него требовать, не уменьшая благоденствія его: напротивъ вы изыщете способы увеличить оное; вы пожертвуете для сего изъ доходовъ вашихъ; вы устроите училища для малолѣтнихъ, больницы для недугующихъ; вы улучшите хижины крестьянъ вашихъ; вы снабдите неимущихъ скотомъ и плугами для воздѣлыванія земли, вы займетесь нравственностію подвластныхъ вамъ и отвлечете ихъ отъ порока, столь между простолюдинами здѣсь обыкновеннаго, и не будете на немъ основывать дохода своего. Тогда-то, по словамъ царскимъ, помѣстья ваши будутъ уподобляться добронравнымъ и благополучнымъ семействамъ.

Но сіи отеческія попеченія ваши да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой: оснуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. Помѣстнымъ познаніемъ вашимъ изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно бы было обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Чрезъ сію единственно мѣру, предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя по несчастію еще доселѣ случаются, избавите правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя и благородное сословіе ваше отъ нареканія, происходящаго чрезъ поступки людей, недостойныхъ быть сочленами онаго.

Не новое предлагаю я вамъ, почтенные дворяне: иные изъ васъ совершенно уже сіе исполнили, другіе своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ весьма къ сему сблизились; но да будетъ сіе подвигомъ общимъ и да удостоится малороссійское дворянство быть по истинѣ умомъ и душею народа!

Симъ великимъ привѣтствіемъ царя нашего началъ и кончу изложеніе обязанностей вашихъ; важность предмета, о коемъ я обращался къ вамъ, полагаетъ преграды моему вѣщанію; но порывъ благодарности заставляетъ нарушить оныя, и я дерзаю еще нѣсколько мгновеній занять васъ изъясненіемъ чувствъ, наполняющихъ сердце мое.

Въ сей день, малороссійское дворянство, когда я нахожусь среди почтеннаго собранія вашего, чувствую найболѣе всю важность служенія, милостію монаршею на меня возложеннаго. Онъ довѣрилъ мнѣ пещись о вашемъ благосостояніи, быть исполнителемъ велѣній его, блюстителемъ порядка и правосудія въ краѣ семъ, столь знаменитомъ своими воспоминаніями, столь значительномъ и нынѣ въ общей связи государственной.

Священныя обязанности возложены на меня; но не въ силахъ моихъ и частію бы оныя исполнить, естьлибъ не осчастливленъ я былъ содѣйствіемъ вашимъ. Память истекшаго года неизгладима изъ сердца моего, многіе изъ васъ удостоили меня своей дружбою и своимъ довѣріемъ; всѣ оказали новые опыты приверженности къ царю и отечеству: отъ щедротъ вашихъ основывается здѣсь учи-

лище,—новый памятникъ того стремленія къ просвѣщенію, которое всегда отличало малороссійское дворянство.

Вы, почтенные сотрудники мои, избранные отъ дворянства мужи, коимъ вручило оно жезлъ предводительства, вы истинно заслужили отличное мое уваженіе и благодарность. Я часто обращался къ вамъ и всегда находилъ въ васъ усерднѣйшихъ подданныхъ государю, защитниковъ чести и спокойствія вашихъ сограждан, мнѣ же дѣятельнѣйшихъ помощниковъ, не скрывающихъ отъ меня никогда зла и говорящихъ мнѣ всегда правду.

Малороссіяне! течетъ уже другой годъ, какъ я среди васъ. Уповаю, что не чуждъ уже я вамъ и что вы сохраните память приверженности моей и въ то время, ежели волею монаршею перемѣнится мое служеніе: буде же нѣкогда прекратится оное, то среди же васъ буду искать себѣ успокоенія; дружба и уваженіе ваши будутъ и тогда лестнѣйшею для меня наградою отечества.

Теперь, почтенные дворяне, приглашаю васъ отправиться въ храмъ Господень, принести предъ престоломъ Всевѣдущаго священный обѣтъ въ нелицепріятномъ избраніи изъ среди себя судей правыхъ, чиновниковъ дѣятельныхъ, мнѣ же сотрудниковъ, достойныхъ моего уваженія.

Сообщ. **А. С. Лашкевичъ.**

Бракоразводный казусъ конца XVI ст.

Извѣстно, что въ южной Руси, со временъ литовскаго и польскаго владычества, выработался въ русскомъ православномъ обществѣ особый взглядъ на брачный союзъ, по которому въ бракѣ ясно различался такъ называемый *шлюбъ*, по нынѣшнему гражданскій бракъ или брачный договоръ, и *всселе*, *весилля*, т. е. вѣнчанье, совершеніе таинства брака вмѣстѣ съ торжественнымъ празднованіемъ онаго и начала брачнаго сожительства. Брачный договоръ основывался на взаимномъ согласіи жениха и невѣсты, скрѣпляемаго согласіемъ родителей, если таковые были, присутствіемъ свидѣтелей и записью договора въ актовыя книги въ гродскомъ судѣ или магистратѣ, при чемъ въ классахъ имущихъ вписывалось въ книги и все то имущество, которое обѣ стороны приносили для совмѣстной жизни. Вѣнчаніе, «веселье» обыкновенно слѣдовало за брачнымъ договоромъ и большею частію не вдругъ, а по истеченіи двухъ, трехъ и болѣе недѣль. Случалось, хотя рѣдко, и на обо-

ротъ; но въ такомъ случаѣ, если предположенный договоръ почему либо разстраивался, обвѣнчанные не считались мужемъ и женою и свободно расходились, заявляя о семъ письменно въ книгахъ гродскихъ или магистратскихъ, иногда въ присутствіи священника. Подобнымъ порядкомъ добровольно расходились и жившіе нѣсколько лѣтъ въ супружествѣ, заключая новые браки. Хотя священники и приглашались иногда для присутствія при заключеніи указаннымъ порядкомъ бракоразводныхъ актовъ, но вообще разрѣшеніе духовной власти на расторженіе брака не требовалось, такъ какъ особаго послѣдованія или чина церковнаго на это не было и нѣтъ, юридическое же постановленіе о семъ очевидно присвоялось не духовному, но гражданскому суду, да и этотъ послѣдній, при добровольномъ согласіи расторгающихъ бракъ, являлся только свидѣтелемъ или маклеромъ въ ихъ сдѣлкѣ, которую принималъ для записи и свѣдѣнія всѣмъ, имѣвшимъ въ томъ надобность. Существованіе такого порядка разводныхъ актовъ отнюдь не означало упадка и распущенности нравовъ. Въ Статутѣ Литовскомъ и другихъ судебникахъ, которыми руководствовались суды того времени, за преступленія противъ брака назначались такія наказанія, которыя поражаютъ насъ своею суровостію; но законъ и судъ оставляли мѣсто и добровольнымъ сдѣлкамъ супруговъ, въ предположеніи, что они лучшіе судьи въ своемъ дѣлѣ.

Оригинальнѣйшій случай развода въ такомъ родѣ имѣлъ мѣсто на Волыни въ концѣ XVI ст.—Нѣкто Иванъ Венедиктовичъ Глинскій, шляхтичъ или мѣщанинъ, женился на нѣкоей Катеринѣ Криковнѣ. Послѣдняя и въ самомъ началѣ супружества «*перлась*» своего мужа и не хотѣла съ нимъ жить, а полюбивши нѣкоего Щаурскаго, перешла на жительство къ нему. Мужъ словесно заявилъ о томъ владимірскому гродскому суду и съ разрѣшенія его, разыскавши въ г. Владимірѣ жену, засадилъ ее въ тюрьму. Жена взмолилась и, при посредствѣ своихъ и мужа пріятелей, просила его освободить ее отъ брачныхъ съ нимъ узъ, предоставивъ ей жить съ Щаурскимъ, при чемъ и она предоставляла мужу взять себѣ другую жену. Мужъ, не видя въ женѣ любви къ себѣ, согласился, и въ этомъ смыслѣ, 14 февраля 1581 г., между имъ и женою заключенъ былъ разводный актъ въ гродскомъ владимірскомъ судѣ. Одно выговаривалъ себѣ Иванъ Глинскій, чтобы «выпускаемая» имъ «изъ стану малженского» Катерина Криковна, въ случаѣ смерти новаго мужа ея Щураскаго, отнюдь не выходила замужъ за человѣка цыганской націи, но только за православнаго или католика. И Катерина Криковна принимала на себя это обязательство, подвергая себя въ противномъ случаѣ «караню на горлѣ», т. е. смертной казни чрезъ отсѣченіе головы. Глинскій и Щаурскій въ

обезпеченіе заключенной сдѣлки представили каждый по двѣсти копъ грошей литовскихъ, и въ пользу короля по столько же, обезпечивая сверхъ того другъ другу «всякій покой и безпечность здоровья».

Вотъ отъ слова до слова этотъ актъ, какъ онъ записанъ на листѣ 1-мъ въ книгѣ гродской владимірской, хранящейся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ подъ № 342.

«Янушъ Бенедиктовичъ Глинскій, не будучи ни отъ кого примушонъ, самъ доброволне а устне до книгъ кгродскихъ володимерскихъ, передъ врядниками кгродскими: подстаростимъ и судьею, вызналъ тыми словы, ижъ штомъ былъ, за посланемъ вашеи милости, пане подстарости, потрахвивши тутъ, въ месте володимерскомъ, зъ слугами в. м., жону свою, на имя Катерину Криковну, тутъ ку вашеи милости привелъ и до везеня осадити далъ, которая жона моя теды мене, яко мужа своего, перво ся перла, але другого мужа собе, Ивана Щауръского, бытъ менила, а потомъ зась, узнавшися и взявши Бога въ серъце, мене за мужа собе признала и мене черезъ приятелей, такъ своихъ, яко и моихъ, въ томъ просила, абымъ я ей то все, што колвекъ она мне чинила, пробачылъ и отпустилъ, а ее зъ малжонства своего выпустилъ. Я, поважаючи прозбу приятелей ее и своихъ, и тежъ видечи то, же она милости правое малжонское а счирого серъца ку мне не мастъ, ее отъ себе зъ стану того малжонского на часы векуистые волною передъ в. м. чиню и вже напотомъ вечне жадного дела до нее мети не маю и мочы не буду, а ни ее о жадную речъ поискивати; волна она съ тымъ мужемъ своимъ, которого теперь маетъ, Иваномъ Щаурскимъ, яко властнымъ шлюбнымъ, въ стане малженскомъ поты, поки воля Божая будетъ, мешкати; а если же бы тотъ мужъ ее Щаурскій, ижъ каждый человекъ теды есть смертелный, напередъ нижъ она умеръ, теды она, то есть тая Катерина Криковна, маетъ за мужъ за нацею нашу ити, одно за человека закону греческого або рымъского и иншихъ; якожъ и тая Щаурская, тутъ же стоячи очевисте, на то все, яко ся звышъ поменило, зезволила и того истого Януша Бенедиктовича зъ стану своего малжонского выпустила и волнымъ учинила на часы вечные и дала ему волность другою жоною ся оженить, обечуючи ему въ томъ жадное трудности и шкоды не задавати, подъ заклады на обедве стороны по двесте копъ грошей литовскихъ, а на его королевскую милость другими двесте копъ грошей.

И то тежъ тая Катерина сознала: кгде бы тому постановенью досыть не вчинила, а по смерти мужа своего Щаурского если бы ся оставши за нацею народу цыганского пошла за мужъ, тогды ничимъ иншимъ, одно горломъ, маетъ быти карана, а врядъ каждый ее въ томъ караню боронити не маетъ, или еще выдати маетъ. А по тыхъ обу зознаняхъ стоячы передо мною очевисто Иванъ Щаурскій сознал и шлюбовалъ тому Янушу Бенедиктовичу самому, братьи, приятелемъ, слугамъ и подданнымъ ихъ за вшелякій покой и безпечность здоровья, а Янушъ также тому Щаурскому шлюбовалъ подъ тыми ся заклады звышъ поменеными. И просили зъ обудвухъ сторонъ, абы то все для памети до книгъ кгродскихъ записано было. Я то записати велелъ».

Подписи судьи нѣтъ, но это былъ или подстаростій Константинъ или заступавшій мѣсто судьи Лазаря Иваницкаго Ѳедоръ Курцевичъ, какъ то видно изъ послѣдующихъ актовъ въ той же книгѣ.

Сообщ. **А. А. Федотовъ-Чеховскій.**

Празднованіе понедѣльника въ Малороссіи.

Во всей южной Руси съ незапамятныхъ временъ укоренился, Богъ вѣсть откуда заимствованный, обычай праздновать, сверхъ воскресенья и другихъ установленныхъ церковію праздниковъ, еще нѣкоторые особые дни въ недѣли. Такою честію пользуютси изстари пятницы, четвергъ и понедѣльникъ. Пятницъ и четверговъ, особо чествуемыхъ, считается въ году по 10-ти,—это дни, предшествующіе большимъ праздникамъ и постамъ. Что касается понедѣльника, онъ не пріурочивается къ праздникамъ, а празднуется самостоятельно и безъ очереди,—понятно, тѣми, кто имѣетъ охоту его праздновать. Достойно вниманія, что празднованіе этихъ трехъ дней практикуется только среди женшинъ, исключительно замужнихъ и преимущественно не молодыхъ. Чествованіе того или другого изъ дней состоитъ въ молитвѣ, постѣ и воздержаніи отъ работъ, особливо продолжительныхъ и тяжелыхъ, и опять таки женскихъ, какъ напр. пряденье.

При оскудѣніи мотивовъ религіозныхъ, благочестивыхъ, молитва и постъ устраняются и остается просто ничего недѣланье. Мы нашли мѣстность, гдѣ именно въ этомъ смыслѣ сохраняется «понедилкованье» съ незапамятныхъ временъ и, что всего замѣчательнѣе,

входитъ особою статьею въ предбрачный договоръ; другими словами: льгота ничего не дѣлать въ понедѣльникъ выговаривается невѣстою у жениха до вступленія въ бракъ на всю послѣдующую жизнь. Такимъ мѣстомъ, и единственнымъ намъ пока извѣстнымъ, является м. Борисполь, полтавской губерніи, переяславскаго уѣзда. Вотъ въ какомъ видѣ существуетъ тамъ этотъ обычай.

Во время «сватання», когда «запиваютъ могоричъ», родители невѣсты объявляютъ сватовьямъ, какое именно приданое даютъ за дочерью, и вмѣстѣ съ тѣмъ выговариваютъ для послѣдней право «понедилкувать», т. е. быть свободной въ понедѣльникъ отъ обычныхъ работъ и занятій. По установившемуся обычаю, самый строгій и взыскательный супругъ не имѣетъ права заставить жену исполнять хозяйственныя работы въ понедѣльникъ, если она сама добровольно не откажется отъ своего права. Такъ установилось «съ предковъ» и поддерживается теперь, хотя въ послѣдній десятокъ лѣтъ, по словамъ туземцевъ, нѣкоторыя рачительныя хозяйки уже сами добровольно работаютъ по понедѣльникамъ. Вышедшія въ замужество за бориспольцевъ дѣвицы изъ другихъ селъ имѣютъ право «понедилкувать» наравнѣ съ туземками, но бориспольскія дѣвицы не пользуются этимъ правомъ при выходѣ замужъ въ другія селенія.

Въ Борисполѣ обыкновенно водится такъ, что жена имѣетъ въ своемъ безотчетномъ распоряженіи «жиноцьке» хозяйство, къ которому относятся «дробина» (мелкая домашняя птица), продукты огородничества, конопля и ленъ (волокно и сѣмена), мука и крупа для харчей, молочные скопы и сало. Вся выручка отъ этихъ предметовъ поступаетъ въ распоряженіе жены и предназначается спеціально для заготовленія приданаго дочерямъ; сыновьямъ же ничего не удѣляется, и нужды ихъ пополняются отцемъ изъ общаго хозяйства.

При такомъ порядкѣ, женщины не стѣсняются припасать къ понедѣльнику для продажи небольшое количество (торбинку или кошикъ) муки, гороху, фасоли и т. п. Выходя въ понедѣльникъ на базаръ для распродажи, женщины усаживаются въ ряды, избирая сосѣдство съ кумушками, свахами и пріятельницами. Послѣ распродажи своихъ продуктовъ, нѣкоторыя дѣлаютъ кое-какія покупки, между прочимъ почти всегда мясо въ скоромные дни, и за тѣмъ

въ компаніи отправляются для выпивки. Въ лѣтнее время всѣ эти «понедилкующія» женщины усаживаются на открытомъ воздухѣ, а зимой въ хатѣ, и начинается круговая... Многія остаются въ компаніи весь день, а домашніе иногда сидятъ безъ обѣда, если нѣтъ въ домѣ дѣвочки, способной сварить обѣдъ. Весьма часто мужья заходятъ также выпить, подъ предлогомъ зазвать жену домой, если они живутъ между собой болѣе или менѣе сносно; строптивый же или ревнивый мужъ въ бабью компанію не пойдетъ, иначе его осмѣютъ и наговорятъ ему съ три короба всякой всячины.

На поддержаніи «понедилкування» особенно настаиваютъ матери, высказывая, что ихъ «бабки й матери понедилкували, та й намъ заказали».

Въ Борисполѣ бываютъ базары ежедневно (не исключая воскресеній), но по понедѣльникамъ и пятницамъ базары именуются «торгами» и отличаются тѣмъ, что въ эти дни обыкновенно наѣзжаютъ «крамари» (торговцы) изъ Кіева, Переяслава, Козельца и Остра съ разными товарами, такъ что базаръ имѣетъ характеръ ярмарки болѣе или менѣе многолюдной. Пьянство въ Борисполѣ на столько вкоренилось, что нѣкоторыя бабы не просто «понедилкуютъ», но положительно пьянствуютъ и послѣднее представляется какъ-бы общимъ правиломъ.

«Понедилкуванье» въ этой своеобразной формѣ не пошло далѣе Борисполя, и даже въ ближайшихъ селахъ не существуетъ; пьянство же бабъ въ базарные дни вообще встрѣчается во многихъ мѣстечкахъ по всей Полтавщинѣ.

Повидимому въ Борисполѣ въ прежнее время существовало женское братство, и еще не такъ давно дѣлались сборы на «мироносицъ» и на складочныя деньги покупались «ставники» для приходскихъ церквей; но теперь это уже вывелось.

В. Василенко.

Коляды и щедривки.

Старинныя обрядныя рождественскія пѣсни еще живутъ въ южнорусскихъ деревняхъ и распѣваются подъ окнами хатъ и въ ту минуту, какъ предаются печати эти строки. Много текстовъ ихъ записано соби-

рателями (къ сожалѣнію только рѣдко съ музыкальными мотивами), но есть еще возможность собрать кое-что невѣдомое по этой части и теперь, въ особенности въ глухихъ углахъ, гдѣ всякія пѣсни, въ томъ числѣ и обрядныя, сохраняются чище и лучше. Печатаемыя десять пьесъ доставлены намъ изъ сосницкаго уѣзда черниговской губерніи. Въ примѣчаніяхъ мы обозначили томы и страницы тѣхъ этнографическихъ сборниковъ, гдѣ встрѣчаются ихъ варіанты. Нѣкоторыхъ пьесокъ въ сборникахъ не оказалось совсѣмъ. Послѣднія четыре щедривки, изъ печатаемыхъ ниже, по сообщенію записавшаго ихъ лица, поются исключительно дѣтьми. Какъ видно изъ нашихъ справокъ, нѣкоторыя изъ щедривокъ поются иногда въ видѣ колядъ, т. е. съ другимъ припѣвомъ, что доказываетъ, что между тѣмъ и другимъ рядомъ пьесъ не всегда существуетъ строго намѣченная разница.

I.

Ой рано, рано да до церкви звонять,
Святый вечеръ!
А раніе того (имя рекъ) встала,
Умывалася, убиралася,
Клала на себе сребро да злото,
На челядочки все китаечки...
До церкви йшла—якъ зоря зойшла,
У церкви стала—церковь сяла.
Изъ церкви йшла красною панною,
За ею йшли два стари мужи—
Измагаются, закладаются:
Одинъ каже: царевна иде,
А другій каже: королевна иде.
Іи батенько осьмихается:
«Се моя дочка иде (имя рекъ)».

Ср. Труды" Чубинск., т. III, стр. 395—399 (14 варіантовъ).

II.

Зажурилась каменна гора,
Святый вечеръ!
Що не вродила шовкова трава,
А уродило зелено вино.
Що у виногради дивочка (имя рекъ)

Да вина стерегла,
Крипко заснула,
Ничого не чула.
Налетили до іи,
Чорныя галочки, райскія пташечки,
Вино попили, чашки побили.
Якъ проснулася дивочка (имя рекъ)—
Райскія пташечки, чорныя галочки!
Ой на що жъ бо вы
Вино попили, чашки побили?...

Чубинск. т. III, стр. 399—402 (10 варіантовъ). Тамъ же въ щедривкахъ стр. 458.—O. Kolberg, Pokucie, т. I, стр. 105, 116 и 119. Сборн. Головацкаго, ч. II стр. 93.

III.

Отъ Кіева до Ильмова тамъ лежала дорога,
Святый вечеръ!
На тій дороги свитлонька стояла,
А въ тій свитлоньки молодая шинкарка торговала—
Торговала вона медомъ и виномъ, солодкимъ пивомъ.
Пришло до іи три козаченьки.
Медъ, вино пьють и грошей не дають.
Одинъ же каже: дорогимъ подаркомъ подарю,
А другій каже: ще дорогшимъ подаркомъ наддарю,
А третій каже: ще и славу изроблю!
Первый казавъ—золотый перстень дамъ,
А другый казавъ—коня вороного,
А третій каже—гостру шабельку...
Перстень золотенькій на руку надила,
А вороного коня батеньку отдала,
А гостру шабельку ридному братику...
Да бувай здорова, красна панна,
Зъ Іисусомъ Христомъ, святымъ Рождествомъ!

Чубинск.. т. III, стр. 391—392. Два варіанта. Сборн. Головацкаго, т. II, стр. 88, т. IV, стр. 38.

I.

Що въ бору бору да волохи поють,
Щедрый вечеръ! (3)
Пречистая Божа Мати,
Щедрый вечеръ!
Поють, поють, церковь будують
И збудовали зъ трома окнами,
Зь трома дверями.
Въ перве оконечко вскочило сонечко,
Въ друге оконечко мисець усвитивъ,
Въ трейте оконечко ангелъ улетивъ,
На престоли сивъ, слизоньку уронивъ.
А зъ тыеи слизоньки да потекли риченьки,
А зъ тыеи риченьки розлився Дунай.
Дивка (имя рекъ) по водицю йшла
Да забачила ангела на води—
Плыви, плыви, ангелу, близше къ берегу.
Я тоби, ангелу, и голивку змыю,
Коску заплету, золотомъ обведу
Да и на воду пущу.
Плыви, плыви, ангелу, на чужую сторону,
Хвали мене, ангелу, царямъ,
Князьямъ, да боярскимъ сынамъ!

Въ сборникѣ Чубинскаго эта пѣсня отнесена къ колядкамъ. См. т III, стр. 305—307 и 434. (Варіанты изъ уѣздовъ кіевскаго, радомысльскаго, борзенскаго и васильковскаго). Сб. Головацкаго, т. II, стр. 12 (тоже колядка).

II.

Що у пана хазяина на ёго двори,
Щедрый вечеръ! и проч.
Тамъ стояла яблонька тонка, высока,
Пидъ тыею яблонькою все столы стояли,
По за тыми столами седять паны рядами,
Пишутъ перами. Помижъ тыми панами
Молодець (имя рекъ) у дудочку грае, хороше спивае.
У ёго паны выпытували:
Хто тебе навчивъ у дудочку грать,

Хороше спивать?
Навчила мене моя матинка,
Темнои ночи не всыпаючи,
На билыхъ ручкахъ выхитуючи.

III.

Самъ Іисусъ Христосъ да по морю йшовъ,
Щедрый вечеръ! и проч.
Мостивъ кладки да въ три рядки,
По тихъ кладкахъ Божа Мати йшла, ризы несла,
Ризы несла, замочила.
Повисила ризы та на дереви,
Да на дереви да на кедрови.
Де взялися ангелята, да взяли ризы да на крилята,
Понесли ризы да у церковку,
Положили ризы да на престоли, на святомъ Николи.
—Хто въ сіи ризы буде убираться?
Самъ Іисусъ Христосъ буде убираться,
Буде служить службу за пана хозяина,
За пана хозяина, ще и за его жену,
За его жену и за его дитокъ...
Да бувай здоровъ, панъ хозяинъ!

Чубинск., т. II, стр. 329, 442—444 и 449 (Варіанты изъ губерній черниговской, волынской, кіевской, полтавской и подольской).

IV.

Що изъ пидъ гаю, гаю зеленого,
Щедрый вечеръ,
Добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ
На здоровье!
Выбигае коникъ вороненькій,
Нихто ёго не поймае...
Да поймае молодець,
Да поймае, осидлае,
До тещеньки поизжае.
Теща каже: мій зять їде—

Мій зять ûде, дивку везе!
Да взяла его за рученьку,
Повела его у свйтлоньку,
Посадила его на скамейку,
Пиднесла ему меду, вина,
А конику овса ще й сина...
Бувай здоровъ молодець (имя рекъ)!

V.

Що на гори да на гирочци,
Щедрый вечеръ! и проч.
Дивка (имя рекъ) садъ садила, поливала—
Поливала, примовляла:
Рости, саду винограду
Выше плоту, краще злоту,
Выше мене, краще себе...
Оришечки на втишечки,
А яблучки на закусочки,
А холстинки на хусточки,
А хусточки на подарочки...
Бувай здоровъ (имя рекъ)!

VI.

Летивъ, летивъ сизъ голубонько,
Щедрый вечеръ! и проч.
Прилетае до свитлоньки,
Кватирочку очиняе,
У свитлоньку заглядае...
Ще й свитлонька не мстена,
Дивка (имя рекъ) не чесана.
Плели косу—не вгодили,
Черевички шили—помалили,
Шубку шили—вкоротили,
Зовсимъ дивку розгнивили.

VII.

Що на гори да на гирочци,
Щедрый вечеръ! и проч.
Молодець Иванко собиравъ війско.
Назбиравъ війско—земли важко....
Ще поѣхавъ да на гирочку, да по дивочку.
Стрила темна ничка и метеличка
Его молодого, коня вороного...
Да бувай здоровъ молодець Иванко!

Къ портрету гетмана И. С. Мазепы.

Личность гетмана И. С. Мазепы на столько общеизвѣстна, что было-бы излишне говорить объ немъ по поводу только его портрета. Достаточно указать на обширную о немъ монографію Н. И. Костомарова, хотя въ ней изображена лишь политическая жизнь Мазепы, а частная почти совсѣмъ не тронута.

Политическая измѣна Мазепы и суровое по этому отношенію Петра В. къ нему и ко всему, что напоминало объ немъ, а также преслѣдованіе его сообщниковъ, которыхъ выискивали долгое время и въ послѣдующія царствованія, были причиною того, что до насъ дошло сравнительно ничтожное число портретовъ этого гетмана, да и тѣ до такой степени не сходны между собою, что невозможно уловить въ нихъ одинъ общій типъ изображаемаго лица, который схватывается такъ легко въ массѣ напр. портретовъ Петра В., или Богдана Хмельницкаго. Нашъ уважаемый профессоръ В. Б. Антоновичъ выложилъ однажды предъ нами шесть фотографическихъ карточекъ и мы нашли, что на нихъ представлены совершенно различныя лица, когда на самомъ дѣлѣ это были снимки съ разныхъ портретовъ одного и того же Ивана Степановича Мазепы. Что есть портреты, никогда не изображавшіе Мазепу, лучшимъ примѣромъ можетъ служить найболѣе распространенный съ именемъ Мазепы портретъ, находящійся въ академіи художествъ, о которомъ дана намъ двукратная справка изъ записей академіи, что онъ долгое время *слылъ* за портретъ Мазепы, на самомъ же дѣлѣ изображаетъ совсѣмъ другое лице, а какое—неизвѣстно.

Есть серія портретовъ такъ называемаго польскаго источника, на которыхъ Мазепа изображенъ человѣкомъ весьма преклонныхъ лѣтъ (а онъ умеръ 64—69 лѣтъ), съ клинообразною сѣдою раздвоенною бородою (а гетманы и козаки носили лишь усы), при томъ очень дряхлымъ и изможденнымъ (что не соотвѣтствуетъ энергіи, которую онъ обнаруживалъ до послѣднихъ дней своей политической карьеры). На одномъ изъ такихъ портретовъ (снимокъ съ стариннаго оригинала въ альбомѣ де-ля-Флиса, въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіев. духов. академіи) вмѣсто Мазепы мы видимъ какое-то старое гороховое чучело, которымъ только воробьевъ пугать.

Есть однако другой рядъ портретовъ Мазепы, мало кому извѣстныхъ и на столько сходныхъ между собою, что въ нихъ можно уже уловить общія черты лица. Таковы: 1) два гравированныя изображенія конца XVII в., работы извѣстнаго гравера кіево-печерской лавры Иннокентія Щирскаго, которыхъ клишэ сохранились доселѣ, 2) снимокъ съ стариннаго портрета, приложенный къ Исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго, 3) поясной портретъ масляными красками, сохранившійся въ родѣ Горленковъ и принадлежащій В. П. Горленку, 4) современное (1705—1709 г.) изображеніе Мазепы, вмѣстѣ съ портретомъ Петра В., на иконѣ Покрова Божіей Матери, хранившейся въ этой церкви до прошлаго года, а въ мартѣ этого года принесенной пр. Іоанномъ полтавскимъ въ даръ вел. князю Николаю Николаевичу Младшему и имъ увезенной въ Петербургъ, и 5) современное же стѣнное во весь ростъ изображеніе масляными красками, уцѣлѣвшее въ великой церкви кіево-печерской лавры на заломѣ стѣны, противъ лѣваго клироса. Съ послѣдняго изображенія сдѣланъ и нашъ снимокъ, прилагаемый къ настоящей книжкѣ.

Общія черты лица Мазепы на портретахъ послѣдней серіи суть слѣдующія: типичный трехъугольный складъ передней части головы, прямой продолговатый носъ, отнюдь не выдавшіяся скулы, широкій открытый лобъ, правильно очерченные глаза, брови и губы, болѣе или менѣе длинные висячіе усы, вообще типъ чисто малорусскій, въ частности весьма близкій къ типу бѣлоцерковскому, выраженіе лица спокойное и пріятное, взоръ сосредоточенный и въ добавокъ—никакой рѣзкой, выдающейся черты въ лицѣ и его выраженіи.

Принадлежность Мазепѣ того портрета, съ котораго сдѣланъ нашъ снимокъ, удостовѣряется подписью: *Иванъ Степановичъ Мазепа гетманъ*, которая была еще три года назадъ сему и о существованіи которой свидѣтельствуютъ нѣсколько лицъ изъ начальствующей лаврской братіи. Древность этого изображенія видна по почерку его письма, вполнѣ сходному съ изображеніями XVII в. и не имѣющему ничего общаго съ остальными изображеніями лаврской церкви позднѣйшей работы. О близости его къ подлиннику можно заключить, какъ по высокому положенію лица, съ котораго писанъ портретъ, и учрежденія, для котораго онъ писанъ, такъ и по сходству его съ тѣми гравированными изображеніями, какія дѣлалъ Щирскій для поднесенія Мазепѣ. Не могъ Щирскій дѣлать свои гравюры какъ нибудь, не могъ и рисовать какъ нибудь неизвѣстный авторъ портрета стѣннаго, а что первый былъ искусный граверъ, а второй не менѣе искусный маляръ, это видно и по ихъ работѣ. Возможность появленія портрета Мазепы на стѣнѣ великой лаврской церкви объясняется какъ общимъ тогда обычаемъ имѣть въ церквахъ портреты правящихъ и благотворящихъ лицъ, такъ и особливыми въ пользу лавры жертвами Мазепы, который обвелъ ее высокою каменною стѣною, построилъ въ ней каменную церковь на экономскихъ воротахъ и сдѣлалъ много приношеній въ ризницу. Иное дѣло, какъ могъ уцѣлѣть этотъ портретъ послѣ извѣстной катастрофы съ Мазепою и начавшагося изъ году въ годъ повсюднаго его анаѳематствованія, а также послѣ пожара 1718 г,, истребившаго иконостасъ и большую часть утвари великой лаврской церкви. Но и это легко объясняется мѣстомъ изображенія Мазепы: оно написано на обращенномъ къ западу заломѣ главной лѣвой стѣны церкви, куда не заходили ни свѣтъ, ни огонь. И теперь въ этомъ уголкѣ совершенный мракъ, и изображеніе Мазепы можно разглядѣть только при нарочитомъ освѣщеніи.

Есть еще одно обстоятельство, говорящее какъ-бы не въ пользу подлинности портрета или его сходства: Мазепа представленъ здѣсь моложавымъ, лѣтъ 45-ти, когда гетманство принялъ въ возрастѣ за 50 лѣтъ; притомъ на портретѣ нѣтъ вовсе отличій гетманскаго званія—булавы, шапки съ перомъ и пр. Но портретъ могъ быть снятъ съ него еще въ ту пору, когда онъ былъ генеральнымъ асауломъ, или скопированъ съ портрета, снятаго въ

то время, внѣшнія же отличія извѣстнаго званія далеко не всегда являлись на портретахъ.

Недавно получено нами свѣдѣніе, что въ Румянцевскомъ музеѣ, въ архивѣ Н. А. Маркевича, въ отдѣлѣ рукописей Лукашевича есть рукопись средины XVIII ст., заключающая въ себѣ перечень и описаніе всѣхъ иконъ и стѣнныхъ изображеній, какія находились тогда въ великой лаврской церкви. О снятіи для насъ списка съ этой рукописи мы уже снеслись съ Москвой и если въ ней окажется изображеніе Мазепы, то это будетъ новымъ и рѣшительнымъ доказательствомъ принадлежности Мазепѣ сохранившагося доселѣ стѣннаго портрета съ его именемъ. О результатахъ такой справки мы не преминемъ сообщить нашимъ читателямъ.

Въ свое время газеты оповѣстили, что съ этого портрета академикъ Дмитріевъ-Кавказскій готовитъ гравюру для «Кіевской Старины». Гравюра дѣйствительно готовилась для насъ еще съ апрѣля м. г., но не удалась, и намъ остается лишь сожалѣть объ этомъ. Настоящій снимокъ есть такъ называемая автотипія, и мы можемъ только засвидѣтельствовать о вѣрности ея съ сдѣланнымъ для насъ снимкомъ, а послѣдняго съ оригиналомъ.

Ред.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**“ выходитъ *непремѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутрь Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

1887 г. (VI годъ изданія.) **1887 г.**

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.**

Въ Конторѣ редакціи «Кіевской Старины», а также въ книжномъ магазинѣ Панчешникова, въ Кіевѣ, имѣются въ продажѣ слѣд. отдѣльныя изданія редакціи:

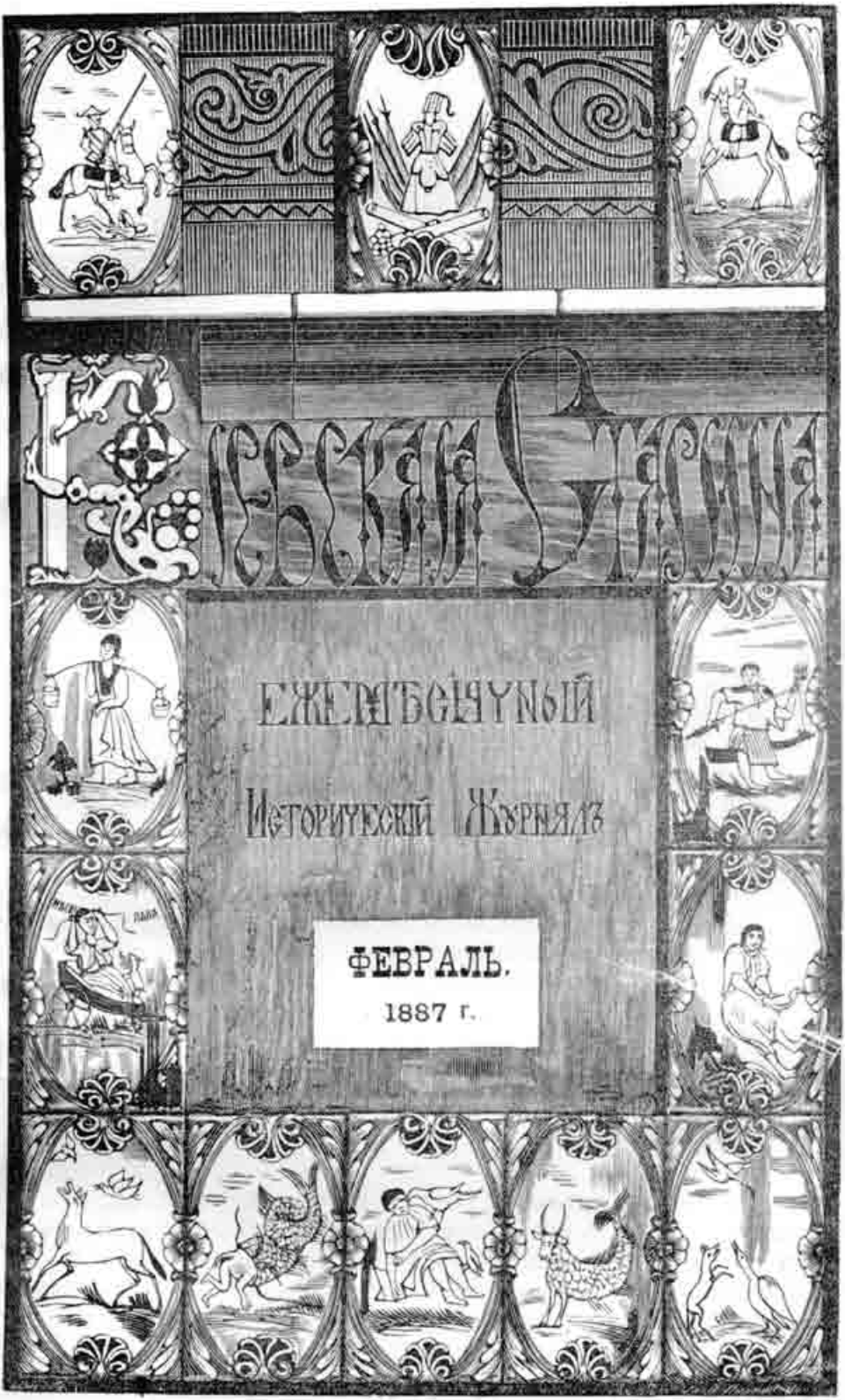
1) Записки гофмейстера И. Д. Селецкаго (1821—1846 г.). Кіевъ. 1884 г. Ц. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.

2) Старосвѣтскіе батюшки и матушки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. И. С. Левицкаго (Нечуя). Кіевъ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

3) Адамъ Кисель, воевода кіевскій, съ портретомъ его. И. И. Новицкаго. Кіевъ. 1885 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. с.

Адресъ: *Въ редакцію* **«Кіевской Старины»**, *Кіевъ, Трехсвятительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.



Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.